

Н.А. ЗЕЛИНСКАЯ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ**

*Светлой памяти отца –
профессора Анатолия Феофановича Зелинского –
п о с в я щ а е т с я*

Одесса
ФЕНІКС
2003

ББК 67.412.1
УДК 341.4
З 494

Рецензенты

Багрий-Шахматов Л.В., доктор юридических наук, профессор
Костенко А.Н., доктор юридических наук, профессор
Стрельцов Е.Л., доктор юридических наук, профессор

**Рекомендована к печати Ученым советом Одесской национальной
юридической академии.**

Зелинская Н.А.

З 494 Политические преступления в системе международной преступности / Одес. национ. юрид. акад. — Одесса: ФЕНІКС, 2003. — 400 с.
ISBN 966-8289-47-1

Монография содержит систематизированное исследование эволюции представлений о политическом преступлении и политической преступности в криминологическом, уголовно-правовом и международно-правовом ракурсах.

Рассматривается проблема соотношения понятий «политические преступления» и «политические репрессии» в условиях тоталитарного режима применительно к феномену советской политической преступности.

Анализируются понятия «международная преступность» и «международное преступление», предлагается классификация международных преступлений. Формулируется концепция международно-правового политического преступления.

Особое внимание уделено терроризму как виду транснациональной политической преступности. Рассматриваются политико-криминологические аспекты терроризма и его международно-правовые дефиниции, актуальные проблемы антитеррористического сотрудничества государств.

Книга может быть рекомендована научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, юристам-международникам, историкам, политологам, а также практикующим юристам и всем, кто интересуется проблемами борьбы с преступностью.

ISBN 966-8289-47-1

© Зелинская Н.А., 2003
© ЧП ФЕНІКС, 2003

“Борьба добра и зла вечна,
как сама жизнь. Исход ее тем
более проблематичен, что зло
часто рядится в личину добра”¹.

А.Ф. Зелинский

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Политические преступления и политические репрессии занимают заметное место в истории человечества, наполненной печальным множеством примеров индивидуального и массового уничтожения политических противников.

“Борьба с политическими противниками велась с самого начала возникновения политической власти и государства, — пишет академик В.Н. Кудрявцев. — На протяжении многих веков она не вызывала в обществе существенных нравственных или юридических затруднений. Публичные или тайные казни, пожизненное заключение в крепости, нередко с сокрытием имени узника, продажа в рабство, изгнание, истребление семьи или целого рода производились по единоличному решению владетельного князя, короля, императора, султана, и это считалось его суверенным правом”².

Традиционно преступление рассматривают как деяние, нарушающее нормы уголовного права (статутного или прецедентного) и объявляемое государством преступным³. Считается, что для определения преступления необходимо сочетание двух абстрактных критериев, а именно: законодательного описания данного деяния в качестве общественно-вредного и указания в законе на его наказуемость⁴.

Творя закон, власть “создает” преступления; отправляя правосудие, власть “создает” преступников. Однако закон может быть несправедлив — является ли преступным нарушение такого закона?

У пророка Исаи сказано: “Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения, чтобы устрани-

бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа Моего...”⁵.

Да простится упоминание всуе, но, вероятно, самый известный политический процесс в истории человечества — это суд над Господом Иисусом Христом. Этот процесс показал, как несправедливы могут быть человеческие представления о преступлении и как несправедлив может быть человеческий суд.

“Как мало значат человеческие законы!” — восклицал Тертуллиан⁶. “Прежде всего, буду судиться о законах с вами, охранителями законов. Вы говорите “не дозволено”, потому что хотите этого, а вовсе не потому, что должно не дозволять. Если же вы не хотите дозволять ничего недолжного потому, что оно худо, то тем самым естественно предположить, что позволяется доброе. Если я найду, что твой закон запретил хорошее, разве в силу этого предположения он может мне запретить его? Плохое он запретит по праву. Если твой закон ошибся, то ведь он придуман человеком, не свалился же с неба”, — говорил он, обращаясь к высшим должностным лицам Римской империи с призывом выслушать его свидетельство в защиту христиан⁷. И далее: “Какие же это законы, которые обращали против нас люди нечестивые и несправедливые, развращенные или безумные?”⁸

Фома Аквинский писал об особом виде преступности — преступлении власти. Воздействие на эту преступность на основе законов, главным гарантом которых являются власть имущие, затруднительно. Остаются лишь крайние меры: если монарх, носитель своей полноты власти, нарушает свои священные обязанности перед Богом и народом, то его можно устранить насильственно. У людей нет другого выбора: ведь монарх стоит над законами и им не подчиняется⁹. Блаженный Августин считал, что одни и те же нормы права и справедливости должны применяться к поведению как отдельных лиц, так и государств. Государство, уклоняющееся от их применения — не что иное, как “большая шайка разбойников”¹⁰.

“Возможна коллизия между тем, что есть, и тем, что должно быть, между в себе и для себя существующим правом, остающимся неизменным, и произвольным определением того, что есть право”, — утверждал Гегель.¹¹ Введенная Гегелем в философско-

теоретической оборот категория неправа обозначает особую волю, демонстрирующую произвол и свою отдельность от всеобщей воли и всеобщего права¹².

Уничтожая политических противников, власть всегда охотно использовала (и использует) “неправо” и судебный механизм, позволяющий объявлять преступниками политических противников и придать видимость легитимности расправе над ними. “В истории встречались все мыслимые совпадения и несовпадения формального обвинения, действительного обвинения и политических целей”, — замечает известный историк, исследователь политических процессов Е.Б. Черняк. — Оружие политического процесса использовалось для борьбы против передовой общественной мысли, против научных доктрин, для внедрения единомыслия, для разжигания расовой вражды, националистического психоза, для оправдания агрессии, удушения свободы за рубежом и других подобных целей”¹³.

Одним из наиболее сурово наказываемых политических преступлений были династические посягательства против власти. “При династическом характере этих преступлений, — писал И.Я. Фойницкий (1889), — они концентрировались около известной личности”¹⁴. В династических и религиозных конфликтах, сопровождавшихся жесточайшими формами насилия, преступниками назывались представители побежденной стороны, и победители требовали выдачи побежденных, укрывшихся в других государствах.

Государственные перевороты были обыденным явлением политической жизни. “Государственный переворот имеет целью усилить или ослабить государственный строй..., — утверждал в свое время Аристотель. — Производятся государственные перевороты путем либо насилия, либо обмана...”¹⁵.

Политическое противоборство часто облекается в форму судебных репрессий — уголовного преследования политических оппонентов. Политическими преступниками объявляются люди, которые представляют реальную или мнимую угрозу существующей власти — светской либо церковной. При этом лица, находящиеся у власти, и лица, преследуемые властью, часто меняются местами.

Особый характер носят преступления, которые группируются “не около личности, а “около идеи”¹⁶. “Идеологемы, — отмечает

В.А. Бачинин, — чаще носят утверждающий, авторитарный характер, стремясь подчинить сознание индивидов политической воле государства.... В государствах с авторитарным режимом идеологемы нацелены на всеобъемлемость своего влияния, на тотальную всеохватность умов и насильственное погашение всего особенного и нестандартного”¹⁷.

С давних времен существовали два вида “политических” преступлений — преступление против Бога и преступление против государства. Э. Дюркгейм утверждал, что “в низших обществах наиболее многочисленные проступки — те, которые оскорбляют нечто общественное; это проступки против религии нравов, авторитета... У древних германцев, по словам Тацита, только два преступления наказывались смертью: это измена и дезертирство”¹⁸. Наступивший на тень фараона в Древнем Египте считался самым опасным преступником¹⁹.

Религиозные преступления — древнейшие идеологические правонарушения. Применение терминов “политические” и “общеуголовные” в их современной трактовке относительно этих преступлений носит весьма условный характер. Необходимо учитывать, что в религиозных правовых системах преступление и грех представляют собой одно и то же. Заповеди “не убий”, “не укради”, “не прелюбодействуй” можно рассматривать в качестве религиозных и правовых запретов одновременно. Как пишет Г. Берман, “убийство, разбой и другие тяжкие нарушения прав человека считались в то же время нарушением права Бога; и наоборот, половые и брачные проступки, ведовство и колдовство, святотатство и другие тяжкие нарушения прав Бога считались в то же время нарушениями права человека”²⁰. Согласно теории мусульманского права, государство в лице правителя-монарха или парламента не может творить право, быть законодателем. Теоретически, только Бог имеет законодательную власть²¹. Нарушение закона, таким образом, является преступлением против Бога, в силу чего имеет идеологический подтекст.

В средневековой Европе репрессивное право формировала не только государственная, но и церковная власть, вследствие чего сложилось деление права на гражданское (светское) и церковное

(каноническое) ²². В соответствии с каноническим правом эпохи Средневековья самое тяжкое идеологическое преступление — ересь (вероотступничество) — наказывалось смертной казнью²³. Известный российский юрист профессор Л.А. Камаровский (1881), в этой связи отмечал: “После упорной и многовековой борьбы со светской властью, папы в период своего могущества от Григория VII до Бонифация VIII, считали себя верховными Владыками Европы. Некоторое время можно было думать о торжестве всемирной теократии. По теории, юрисдикция пап должна была простирается на церковные дела и вопросы совести, но в силу теократического мировоззрения средневековых людей все мирское было подчинено духовному, и в каждом деле прямо или косвенно была замешана церковь”²⁴.

Средневековая уголовная юстиция была очень жестокой²⁵. Распространение инквизиции и преследование религиозных преступлений привело к расширению уголовной репрессии. На основе положения, что все преступления, связанные с грехом, принадлежат суду церкви, к церковной юрисдикции были отнесена категория религиозных преступлений (ересь, колдовство, святотатство), а также нарушение супружеской верности, кровосмешение, двоеженство, лжесвидетельство, клевета, и даже подделка документов, ложная присяга, ростовщичество и т.п.

Трибуналы инквизиции, то есть особые суды для рассмотрения дел, относящихся в церковной юрисдикции, были введены католической церковью в XIII столетии. Инквизиция оказала большое влияние на развитие политического судебного процесса в странах Европы (кроме Англии). Символом средневековья стали необычайная суровость наказаний, а также господство церковных взглядов на сущность преступности и методы борьбы с этим явлением. Один из самых жестоких инквизиторов, Конрад Марбургский, считал, что лучше убить 60 невинных, чем дать уйти от ответственности одному невинному²⁶. К числу наиболее гуманных (бескровных) видов наказания инквизиторы относили сжигание на костре — земном прообразе чистилища. В Испании первый трибунал инквизиции был создан в 1480 году. По подсчетам специалистов, число жертв испанской инквизиции за всю ее многовековую историю составило 300 тыс. человек, из которых 30 тыс. были преданы огню²⁷. В Англии,

где инквизиции не было, преследования за ересь также были очень жестокими. По некоторым данным, общее число казненных (по всем видам преступлений) при Генрихе VIII составило 72 тыс. человек, при его дочери Елизавете (XVI век) — 89 тысяч²⁸. Преследование за мнимые идеологические преступления повлекло за собой тысячи жертв и стало тягчайшим в истории человечества реальным преступлением.

Знаковыми событиями XV столетия стали суды над Яном Гусом, сожженным по приговору церковного трибунала (1415 год), и Джироламо Савонаролой, казненным по приговору инквизиционного суда во Флоренции (1498 год). Однако самый знаменитый судебный процесс этого века проходил в инквизиционном трибунале во французском городе Руане в начале 1431 года. Судили народную героиню Франции — Жанну д'Арк. Этот процесс имел явно выраженный политический и международный характер.

В ноябре 1430 года Жанна д'Арк попала в плен к англичанам. Руанский епископ Кошон потребовал выдать ему Жанну д'Арк для суда как еретичку, захваченную на территории его епископства. В декабре 1430 года Жанна д'Арк была помещена в подземелье одного из руанских замков и 9 января 1431 года предстала перед инквизиционным трибуналом. Процесс и осуждение Жанны должны были доказать, что французский король Карл VII был возведен на престол ведьмой, действовавшей по наущению сатаны. Орлеанская дева обвинялась в притязании на беседы со святыми и ангелами, фальшивых пророчествах, еретических утверждениях, ношении мужской одежды, и так далее — вплоть до неповиновения воле родителей. Как преступница, Жанна д'Арк была осуждена и 30 мая 1431 года сожжена на костре. В 1455 — 1456 годах в Париже и Руане состоялся новый суд, отменивший предыдущий приговор и оправдавший Жанну д'Арк. Прежний вердикт был объявлен следствием коррупции, подлогов, клеветы, коварства и нелояльности. Через столетия, в 1920 году, католическая церковь причислила Жанну к лику святых²⁹. Этот уникальный исторический пример служит яркой и трагической иллюстрацией относительности представления о преступности поведения идеологических противников власти.

Нужно заметить, что “политические” преступления принимали самые разнообразные формы. В средневековой Европе

преступлением считалось всякое проявление “неверности” по отношению к королю, сеньюру, цеху, гильдии. Анатомирование трупов рассматривалось как преступление, за которое до XVI века была установлена смертная казнь. Весьма неопределенным было понятие “государственной измены” в английском праве. Так, по акту о престолонаследии 1534 года государственной изменой считалось всякое “предубеждение, оклеветание, попытки нарушить брак Генриха VIII с Анной Болейн”. Вскоре изменой стало сожаление по поводу казни Анны Болейн³⁰.

Политические преступления и политические преследования всегда были орудием захвата власти и ее удержания. Желая придать видимость легитимности расправе с побежденными, победители подводили итоги политической борьбы в форме политических процессов. Так, признанная виновной в политическом преступлении, 8 февраля 1581 года была обезглавлена шотландская королева Мария Стюарт. В эпоху средневекового абсолютизма убийство монарха и других влиятельных лиц было почти обыденным явлением.

В период ожесточенных столкновений папского Рима с королевскими династиями Европы сформировалась традиция тираноборчества, которая была ориентирована на пример тираноборцев античности: Гармодия и Аристоклатона, Брута и Кассия. К XVI веку идея монархомании, утверждавшая, что казнящий тирана — нарушителя законов божественных, человеческих и естественных — не убийца, а защитник справедливости, получила широкое распространение. Ею мотивировались “казни” Вильгельма Оранского (1584), Генриха III (1589) и Генриха IV (1610)³¹.

Политические процессы стали орудием террора Великой Французской революции. 9 марта 1793 года по решению Конвента был казнен король Франции Людовик XVI. По приговору Революционного трибунала 16 октября 1793 года была казнена королева Мария-Антуанетта, обвиненная в преступлениях против французского народа. Тысячами невинных жертв террора, принесенных на “алтарь революции”, ознаменовалось начало нового этапа в истории политической преступности — эпохи террора и терроризма.

Политическое преступление как преступление, направленное против государственной власти — такое представление об этом

феномене сложилось в XIX веке. Однако уже тогда началось формирование более широкого представления о преступлении в его философском и политическом ракурсе — преступлении, исходящим от государственной власти.

Достаточно вспомнить, что идеологи анархизма, П.А. Кропоткин и М.А. Бакунин считали, что государство возникло как преступная организация, позволяющая сильным творить насилие над слабыми. За свою многовековую историю государство научилось эффективно подавлять любые восстания против своего авторитета. Нигилистическое отношение М.А. Бакунина к государству и праву исходило из убежденности, в том, что всякая власть держится на преступлениях, посредством которых создавалась, укреплялись и продолжают сохраняться все государства. С того момента, когда преступление становится орудием государственной власти, оно превращается в “добродетель”. Этот универсальный принцип политической борьбы, открытый Н. Макиавелли, относится ко всем прошлым, настоящим и будущим государствам. Согласно такому подходу, нормы государственной морали противоречат нормам общечеловеческой нравственности и естественного права³².

Притом, что оппозиционные политические преступления и преступления власти находятся на разных полюсах политической преступности, граница между ними бывает трудно различима. Победители всегда подвергали репрессиям побежденных. Наиболее жестокие репрессии устанавливали правители, пришедшие к власти нелегитимным путем. “Бывшие” политические преступники, получив вместе с властью возможность называть политическими преступниками своих побежденных врагов, устраивали политические процессы, обвиняя в политических преступлениях своих оппонентов. Таким образом, они создавали тысячи мнимых “политических преступников”. Приводя к власти нелегитимные правительства, революции устанавливали самые жестокие диктатуры.

Нередко бывает трудно определить момент, с которого терроризм антигосударственный — преступление рвущихся к власти — перерастает в террор государства — преступление пришедших к власти. Политические процессы зачастую являются, по существу, политическими преступлениями, в то время как

политические преступники — террористы — облачают свои действия в форму “приговора”, присваивая себе право на репрессию.

Да и так уж велика разница между преступниками, “казнившими” императора Александра II “по приговору” Исполнительного Комитета “Народной Воли”, и преступниками, расстрелявшими императора Николая II и его семью по постановлению Уралисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов”? И те, и другие называли императоров “палачами”, и те, и другие ссылались на “волю народа”³³.

“Сама оценка преступности или не преступности деяний политических подлежит наиболее сильным колебаниям; с изменением правительства ... преступления, считавшиеся наиболее тяжкими, низводятся до степени незначительных поступков или деяний безразличных”, — заметил И.Я. Фойницкий ³⁴.

По образному выражению С.С. Алексеева, в советском обществе сложились феномены: “право-невидимка, воплощающее высшее революционное право на неограниченный произвол” и “ущербная официальная юридическая система, приспособленная к порядкам советского партократического режима”³⁵. Революционное право пролетариата и коммунистического государства на коренное преобразование социальной действительности оказалось на поверку “правом на кровь”, правом на тотальное насилие, репрессии, террор, изъятие у человека естественных прав и свобод, то есть по сути, неправом³⁶. “Пролетарское право — это “лишь вербальные идеологические кентавры, слова-метафоры, за которыми скрываются неправоые и негосударственные властные институты и приказные нормы прямого классового господства, диктатуры пролетариата, монопольного политического правления коммунистической партии”, — утверждает В.С. Нерсисянц³⁷.

Что являлось преступлением — принятие 5 сентября 1918 года постановления СНК “О красном терроре” — или его нарушение содержащихся в революционном праве запретов? Кто являлся преступником — люди, принявшие и исполнявшие постановление ЦИК и СНК СССР “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности” от 7 августа 1932 года

(получивший в народе название “закон о пяти колосках”) или собиравшие колоски несчастные матери, дети которых были обречены на голодную смерть?

XX век с особой остротой поставил вопрос о “политическом преступлении” и “политической преступности”. Совершение преступлений предписывалось и организовывалось нацистскими руководителями III рейха. Они осуществлялись в огромных масштабах и различными способами, одним из которых стал закон. “Преступления против крови и расы” были объявлены наиболее опасными. Гитлер в речи 23 марта 1933 года требовал впредь “измену государству и народу истреблять с варварской беспощадностью”. В речи в рейхстаге 13 июля 1934 года Гитлер объявил себя “высшим законодателем немецкого народа”³⁸.

В середине прошлого столетия в ходе Нюрнбергского и Токийского процессов были осуждены лица, обвинявшиеся в политических преступлениях как преступлениях против международного права. Впервые в истории перед судом предстали не только нарушители, но и создатели законов.

Правосудие и закон стали главными обвиняемыми в Американском военном трибунале в процессе по делу нацистских юристов (процесс № 3). Главный обвинитель Т. Тэйлор заявил: “Настоящий процесс необычный, поскольку подсудимые обвиняются в преступлениях, совершенных именем закона. Эти люди... были воплощением того, что в “третьем рейхе” считалось правосудием. ...Подсудимые и их коллеги исказили, извратили и, в конечном счете, совершенно уничтожили в Германии правосудие и закон. Они превратили судебную систему в составную часть фашистской диктатуры. Они создали и ввели в действие специальные суды, подчинявшиеся только политическому диктату гитлеровского режима”³⁹.

В приговоре по этому делу Американский военный трибунал пришел к заключению: “Вывод, который можно сделать на основании доказательств, представленных самими подсудимыми, ясен: в германской правовой теории декреты Гитлера были щитом для тех, кто поступал в соответствии с ними, но перед Трибуналом, которому предоставлено право применять международное право, декреты Гитлера не могут быть защитой ни для самого фюрера, ни для его

подчиненных, если они применялись в нарушение международного права”⁴⁰. Фашизм стал символом и воплощением преступной политики и международного преступления. Понятие “преступление” вышло за пределы национального права.

К началу ХХI века политическая преступность превратилась в серьезнейшую и постоянно действующую угрозу международной и национальной безопасности и стабильности. В этих условиях исследование феномена международной политической преступности приобретает первоочередное значение. Приходится, однако, констатировать, что до сих пор понятия “политическое преступление” и “политическая преступность” не имеют убедительного концептуального обоснования.

В систему международной преступности входят далеко не все политические преступления. Если исходить из тезиса, что преступление — это деяние, подвергаемое уголовной репрессии, то, очевидно, международное преступление — это деяние, подвергаемое международной уголовной репрессии, то есть солидарному уголовному преследованию со стороны государств. Соответственно, система таких преступлений образует международную преступность. Каково же место политических преступлений в этой системе? Где грань между политическими преступлениями и политическими преследованиями? Да и можно ли в мире, раздираемом политическими противоречиями, согласовать общеприемлемое понятие политического преступления?

Не претендуя на разрешение этих извечных вопросов, попытаемся рассмотреть всего лишь некоторые их аспекты.

ГЛАВА 1

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

§ 1. Становление понятия “политическое преступление”

Разграничение преступлений на общие и политические исторически восходит к римскому праву, которое содержало постановления о *crimen majestatis*. Закон, предусматривавший ответственность за *crimen majestatis*, назывался *Lex Julia majestatis*. Под *crimen majestatis* понимали действия, направленные против величия и безопасности римского государства и римского народа, а после падения римской республики к ним присоединились преступления против римского императора и высших государственных сановников⁴¹.

Несмотря на то, что до Французской революции деление преступлений на “политические” и “общеуголовные” в юридической науке не было принято, различия между ними не оставались незамеченными. “Границы между политическими и уголовными преступлениями... существовали всегда (хотя порой и отрицалось наличие таких границ) и почти всегда были размыты. Они были разными в различные исторические эпохи... Одни и те же поступки считались то преступлениями, то вполне законными деяниями. Иногда уголовные преступления становились политическими, потому что совершались политиками или потому что приобретали политическое значение”, — пишет Е. Б. Черняк⁴².

Концептуализация понятия “политическое преступление” непосредственно связана с общественно-политическими процессами, начавшимися в Западной Европе и Северной Америке в середине XVIII века. В этот период совершился своего рода переворот в понимании сущности права. Прологом к нему была борьба за веротерпимость,

которая началась еще в эпоху Реформации. Однако обобщенное, теоретически отчетливое выражение новые правовые представления получили лишь в век Просвещения, в русле антидеспотического политико-юридического мышления.

Философия эпохи просвещения способствовала обострению в европейском сознании нравственного чувства защиты от политической дискриминации, ставшего основой теории о принципиальном различии между общеуголовными и политическими преступлениями.

Мыслители XVIII века опровергли постулат, согласно которому безнравственные деяния тем быстрее искореняются, чем беспощаднее наказываются. Далекие от какой-либо снисходительности к преступнику, представители просветительской философии права возродили девиз римских юристов: “Пусть погибнет мир, но восторжествует справедливость” и единодушно отстаивали принцип: “Лучше десятки неотмщенных злодеяний, чем осуждение хотя бы одного невинного”⁴³.

XVIII век называют веком Вольтера. Вольтер — Франсуа Мари Аруэ — и другие философы эпохи Просвещения, в первую очередь, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, В. Р. Мирабо, Т. Пейн возродили идеи гуманистов и стали создателями новой политико-правовой идеологии, оказавшей влияние на мировоззрение всей Европы. Просветители искренне верили в разум человека и считали его творцом истории⁴⁴.

Характеризуя это столетие, профессор Н. С. Таганцев (1902) писал: “...начавшаяся переделка всего общественного и государственного строя, выдвинувшееся на первый план учение о правах личности и гарантиях свободы в государстве и т. п., не могли примириться с законодательством, коренившимся в принципах инквизиционного процесса, в эпохе суеверий и религиозной нетерпимости. Все стремления выдающихся умов того времени, проникнутых верою в прогресс, в развитие человечества, были направлены не к тому, чтобы выяснить существующее, уложить его в определенную рамку, создать систему действующего права, а, наоборот, к тому, чтобы расшатать и потрясти железные цепи и каменные оплоты, которыми ограждались деспотизм и невежество”⁴⁵. Как отмечает Н. Рулан, “человек был осознан не только как субъект, но и как объект знания — эволюция, подготовленная зародившимся в XVI веке гуманизмом”⁴⁶.

Вольтер оказал большое влияние на формирование юридического скептицизма. “Правда, — пишет Ж. Карбонье, — традиция юридического скептицизма существовала и до Вольтера. Но он существенно подновил ее, избрав в качестве мишеней судебную деятельность и сами законы, далеко не всегда справедливые и действенные”⁴⁷.

Под влиянием идей французских просветителей начались преобразования в системе уголовной юстиции. Катализатором этих процессов стала опубликованная в 1764 году брошюра под названием “О преступлениях и наказаниях”, автор которой — 26-летний итальянский юрист Чезаре Беккариа (1738 — 1794) — вошел в историю как один из крупнейших реформаторов в области уголовного права. Главная заслуга Ч. Беккариа состояла в том, что ему удалось привлечь европейское общественное внимание к проблемам гуманизации уголовного правосудия. Его работа приобрела необычайную популярность. Достаточно сказать, что предисловие к ее французскому изданию было написано Вольтером.

Революция во Франции конца XVIII века сделала предметом дискуссии все вопросы, системы, доктрины, социальные и политические теории⁴⁸. “Великая французская революция и последовавшие за ней события поколебали в Европе все порядки, и произвели также в умах всеобщий переворот, — замечает Э. Симсон. — Все существующее подвергалось критике, и относительно каждого правового института задавался вопрос, имеет ли этот институт право на существование?”⁴⁹

Особое значение приобретало формирующееся правило невыдачи политических преступников. На пальму первенства в учреждении принципа невыдачи политических преступников могут претендовать несколько государств. Полагают, что впервые вопрос о недопустимости выдачи политических преступников был прямо поставлен в конце в 1798 года, когда Англия потребовала экстрадиции четырех лиц, принимавших участие в ирландском восстании⁵⁰. Так как двое из них были французскими натурализованными подданными, Франция возражала против выдачи; однако под давлением других государств, особенно России, после одиннадцатимесчных переговоров Гамбург выдал их Англии. По поводу этой экстрадиции Наполеон I написал Сенату Гамбурга: “Грубость, с которой вы нарушили законы гостеприимства, заставила бы покраснеть кочевников пустыни”⁵¹.

Выдача политических преступников не прекращалась и позднее: сама Франция неоднократно и выдавала, и требовала их выдачи. В большинство договоров, заключенных в течение первых трех десятилетий XIX века, в число деяний, влекущих допускающих выдачу, вносились посягательства на государственную безопасность, восстание, оскорбление царствующих особ и т. д. Однако уже в 1825 году Англия отказала России в выдаче лица, обвиняемого в государственном преступлении. Широко распространено мнение, что именно Великобритания стала первым противником выдачи политических преступников⁵².

В середине XIX столетия британское общественное мнение было враждебно к любым соглашениям о выдаче, потому что они могли быть использованы в ущерб праву убежища, предоставляемому политическим беженцам, превращая тем самым Британское правительство в “сообщника иностранного деспотизма”⁵³.

“Англия первая провозгласила начало невыдачи политических преступников, — утверждал Ф. Ф. Мартенс. — В особенности после февральской революции 1848 года и последовавших за нею событий, когда тысячами считались преследуемые европейскими правительствами политические выходцы, Англия энергически выступила на защиту этих лиц и в особенности содействовала утверждению того положения, что политические преступники не выдаются. Это положение сделалось аксиомой”⁵⁴. Такого же мнения придерживался П. Е. Казанский: “Выработке этого правила содействовала преимущественно Англия, которая, особенно после революционного движения 1848 года, давала широкое убежище политическим выходцам из разных государств”, — писал он⁵⁵.

Современная концепция политического преступления, в целом, базируется на положениях, разработанных в XIX веке. Труды западноевропейских юристов этого столетия, в частности, работы Бильо (*Billot*), Ламмаша (*Lammash*), Мура (*Moore*), Бернарда (*Bernard*), Кларка (*Clarke*), Виллефорта (*Villefort*), Кардаилака (*Cardaillac*), Фиоре (*Fiore*), остаются непревзойденными с точки зрения широты научного мировоззрения. Значительную роль в развитии теории политического преступления сыграли представители российской юридической науки, в частности, Ф. Ф. Мартенс, Н. С. Таганцев, Н. М. Коркунов, Л. А. Комаровский,

В. А. Ульяницкий, В. П. Даневский, Е. Я. Шостак, Д. П. Никольский, Э. О. Симсон, А. Штиглиц, П. Е. Казанский. Большой вклад в изучение этой проблемы сделан учеными Киевского, Харьковского, Новороссийского (Одесского) университетов.

Законодательно правило невыдачи политических преступников впервые было сформулировано в бельгийском законе об экстрадиции 1833 года, который устанавливал, что при заключении договора о выдаче должно быть прямо оговорено, что в случае выдачи выданный иностранец не будет подвергнут преследованию ни за какое политическое преступление, предшествовавшее выдаче, и ни за какой факт, связанный с подобным преступлением.

Под воздействием общественно-политической ситуации в Европе принцип невыдачи политических преступников стремительно превращался в общепризнанный. Ф. Ф. Мартенс объяснял это тем, что “в период всеобщей реакции... много было лиц, сочувствовавших началам свободы и конституционным порядкам и стремившихся к их осуществлению словом и делом. В глазах легитимных правительств, не забывших событий французской революции, это были преступники и нарушители европейского мира, таким трудом восстановленного; в глазах же общества, жаждавшего лучших порядков и просвещенного идеями великих писателей XVIII в., — борцы за общее благо, попираемое реакцией. Менее всего могли считаться преступниками эти лица в том государстве, где цели, к которым они стремились, были уже достигнуты и освящены законом. Такие государства, как Англия и Соединенные Штаты, сделались убежищем для политических эмигрантов, преследуемых в отечестве”⁵⁶.

По мнению Ф. Листа, “оправдание этого положения следует искать в различии форм правления в разных государствах и в непрочности политических отношений”⁵⁷. Аналогичную точку зрения высказывал И. Блюнчли (1876): “Не всегда существует между государствами солидарность в политическом отношении и может случиться, что политические убеждения и направление государства, дающего убежище, противоречит направлению государства, преследующего этого преступника... В интересах политики, справедливости и человечности следует распространить на политических преступников покровительство убежища”. Блюнчли утверждал, что “неограниченное право убежища угрожало бы

всеобщему юридическому спокойствию и безопасности ... Наказание разбойников, убийц, мошенников и крупных воров имеет не только местный, но и общечеловеческий интерес. Но и абсолютная обязанность выдачи во многих случаях представляла бы серьезную опасность для свободы и гуманности, не нужно забывать, что некоторые преступления оскорбляют только то государство, которого они касаются, а не все человеческое общество”⁵⁸.

С 30-х годов XIX столетия во взаимоотношениях европейских стран и США политические правонарушения стали исключаться из экстрадиционной номенклатуры.

Концепция исключения политических преступлений из числа влекущих выдачу получила неоднозначную оценку в юридической науке. “Если выдача допускается в принципе, то спрашивается, можно ли, основываясь на различной природе преступлений, говорить о каких-либо исключениях из этого принципа?” — задавался вопросом А. В. Гефтер (1880). На этот вопрос он давал весьма осторожный ответ, скорее констатируя сложившееся положение, нежели соглашаясь с обоснованностью исключения из принципа: “Тем не менее, исключение сделано в пользу политических преступлений, ибо в настоящее время обыкновенно отказывают в выдаче лиц, виновных исключительно в этого рода преступлениях. Такое исключение от общего правила было, без сомнения, вызвано особым характером политических преступлений и опасением, чтобы обвиняемый не понес наказания, превышающего его вину”⁵⁹. “Территория каждого самостоятельного государства служит естественным убежищем от преследований иноземной власти” — замечал А. В. Гефтер. В то же время он обращал внимание ни то, что “интересы общества требуют, чтобы никакое преступление не оставалось безнаказанным, и выдача должна иметь место в особенности в том случае, когда нет основания опасаться какой-либо несправедливости со стороны правительства, которое требует ее”⁶⁰.

“Объективный принцип международного права, — утверждал А. Штиглиц, — устанавливая общность, солидарность интересов всех цивилизованных государств, непременно требует выдачи бежавшего преступника, совершившего преступление в другой стране, так как интересы всего человечества на пути преследования нарушителей права настолько сходятся, что невозможно решить, где кончаются

интересы государства, в котором совершено правонарушение, и начинаются интересы государства, куда преступник бежал, и ни в каком случае интересы эти не могут расходиться так, чтобы в интересах какого бы то ни было государства было укрывать нарушителя права другого государства”⁶¹.

Л. А. Камаровский и В. А. Ульяницкий (1908) подчеркивали, что “международное право допускает возможность защиты чужим государством подданных против их отечественного государства в силу признаваемого международным правом права убежища для политических преступников и в силу современных трактатов о выдаче”⁶².

В приобретшей широкую известность статье Н. М. Коркунова “Опыт конструкции международного уголовного права” (1898) говорилось об экстрадиции как “международной уголовной репрессии, частном виде охраны против нарушений прав, которые получили международное признание”. По мнению Н. М. Коркунова, из отсутствия общего международного признания прав публичных вытекает нераспространение международной репрессии: 1) на преступления политические; 2) на преступления религиозные и 3) на полицейские правонарушения”⁶³.

Против положения о невыдаче политических преступников решались выступить немногие ученые, утверждавшие, что это правило не имеет ни юридического, ни политического основания. “Единственная причина введения Францией принципа невыдачи политических преступников состоит в том, что Французское правительство (июльская монархия) само было обязано революции своим существованием, а потому содействие с его стороны наказанию за действия, направленные против государственного устройства других стран явилось бы отрицанием собственного происхождения”, — утверждал Дольман (1857)⁶⁴.

Притом, что термин “политическое преступление” активно использовался в юридической лексике многих государств, включая Российскую империю ⁶⁵, его содержание оставалось неясным.

Ф. Лист обращал внимание на то, что формулировка понятия политического деликта представляет значительную сложность: “Согласно бельгийскому правовому представлению, сделавшемуся руководящим, решающее значение принадлежит не политическому мотиву действия..., а направлению преступления. Поэтому

политическими преступлениями считаются такие умышленные преступления, которые направлены против строя и безопасности (собственного или чужого) государства или против главы государства, или против политических прав граждан... Но право убежища, тоже по образцу бельгийского законодательства, распространяется и далее так называемых “абсолютно политических преступлений”, на “деликты относительно политические”, деликты, которые, принадлежа сами по себе общему праву, “связаны” (*connexos*) с политическим преступлением. Под этими деликтами следует разумеать общие преступления, являющиеся средством для совершения абсолютно политического деликта, как, например: убийство, причинение увечья, порча вещей и поджоги, совершаемые во время восстания, имеющего целью ниспровержение государственного строя. Но именно это распространение выдачи на относительно политические деликты вызвало в последние десятилетия реакцию”⁶⁶.

В опубликованном в 1882 году труде “Исследование о выдаче преступников” А. Штиглиц подробно исследовал формулировки понятия “политическое преступление”, дававшиеся учеными его времени. Как оказалось, диапазон взглядов достаточно широк. Под политическими преступлениями понимали: 1) преступления, которые возбуждены стремлением изменить незаконным путем государственные учреждения, или же те, которые представляют собою нарушающую строгое право защиту от незаконных или погрешающих против коренных начал справедливости актов государственной власти (Бар); 2) совокупность действий, совершаемых с целью низвержения или модификации, незаконными путями, организации центральных государственных учреждений, или с целью уничтожения или ослабления одного из этих учреждений, или с намерением расширить или уменьшить влияние отдельных частей государственного организма, или же, наконец, с намерением влиять незаконным образом в том или другом направлении на общий ход государственных дел (Ортолан); 3) преступления и проступки (*crimes* и *delits*), которые нарушают единственно политический строй (Гаус); 4) все акты, направленные против государственного устройства и против суверенной власти (Фяландшери); 5) преступления, которые нарушают порядок, установленный основными государственными законами, компетенцию властей, пределы власти каждого

гражданина, общественной порядок, права и обязанности, отсюда вытекающие (Фиоре); 6) совокупность действий, имеющих целью нарушить незаконными путями политический или социальный строй, существующий в государстве (Бильо)⁶⁷.

Международные договоры использовали понятие преступлений, “связанных” (*connex*) с политическими, и преступлений, “совпадающих” (*complex*) с политическими. “Понятие деликта, “связанного” с политическим, имело своей базой бельгийский закон 1833 года, а термин “связанность” заимствован из французского уголовного процессуального кодекса, где он означает такое отношение двух или более деликтов, выполненных одним или многими лицами, которое, по соображениям удобства в рассмотрении и оценке судебного материала, требует совместного рассмотрения дел об этих преступлениях в одном суде”, — писал М. Д. Шаргородский⁶⁸.

Киевский ученый Е. Я. Шостак в статье “О выдаче преступников по договорам России с иностранными державами”, опубликованной в 1880 году, обращал внимание на то, что “трудность разрешения вопроса о том, следует ли для преступлений общеполитических сохранить право убежища, зависит главным образом от того, что нет возможности разделить преступление, в сущности, единое, оставить без возмездия элемент политический и покарать элемент общеуголовный”⁶⁹.

“Можно полагать поэтому, — полагал Е. Я. Шостак, — что преступления общеполитические по правовому сознанию правящих классов составят преступление особого рода, что в некоторых из них мотив будет признан обстоятельством конститутивным — изменяющим самый род преступления. Но понятно, такое признание не может быть сделано в кодексе какого-либо государства: государство, власть не может признать возможность тяжбы между собою и гражданином. Это может быть сделано только в международном законодательстве. Вот первое основание, почему можно полагать, что преступления общеполитические рано или поздно будут признаны подлежащими международной репрессии, в случае эмиграции. Второе основание, подтверждающее ту же мысль, можно вынести из комбинации двух начал: независимости и вмешательства... Из комбинации этих принципов следует, что если активное вмешательство может быть допущено в крайних только случаях, то пассивное в

форме обсуждения: кто прав — гражданин ли, возмущающийся против законов государства, или государство, — такое пассивное вмешательство может быть допущено всегда”⁷⁰.

При определении политических преступлений использовались так называемые “субъективный” (основан на политическом характере мотивации действий виновных лиц) и “объективный” (основан на политическом объекте или политической сфере действия правонарушения) подходы.

По мнению Ламмаша (*Lammash, 1887*), представителя субъективного направления, во всех случаях, когда кто-либо, в намерении ли воспроизвести результат абсолютно политического деликта, или с целью подготовить абсолютно политический деликт, совершает общий деликт, его деяние представляет собой деликт относительно политический. То же происходит в случае, когда кто-либо, при выполнении абсолютно политического преступления, устраняет, посредством общего преступления, лежащие на пути препятствия или тем же способом защищает себя или других от преследования за политическое преступление ⁷¹.

Современная трактовка “политического преступления” принимает различные формы. По-прежнему выделяются так называемые **“абсолютные”** политические преступления, которые состоят из деяний, прямо направленных против государства (например, государственная измена, шпионаж) и **“относительные”** политические преступления — ординарные преступления, совершенные при таких обстоятельствах, что их политический характер является доминирующим.

Применяются понятия **“сложных”** (*“complex”*) политических правонарушений (например, покушение на жизнь главы государства или членов его семьи) — комбинация абсолютного политического нарушения с общим преступлением, и преступлений, **связанных** (*“connex”*) с политическим — то есть преступлений, которые совершаются с целью подготовки или облегчения совершения “абсолютного” или “сложного” политического преступления⁷².

Попытку дать определение “политического преступления в международном масштабе” предприняла VI Международная конференция по унификации уголовного законодательства в Париже в 1931 году. Согласно этому определению, “политическими преступлениями являются нарушения, направленные против

государственного строя или против прав, вытекающих из этого строя для гражданина”, а также “преступления общеуголовные, совершенные для выполнения политического преступления, или действия, совершенные для предоставления виновнику политического преступления возможности избежать применения уголовного закона” (§§ 1 и 2). Устанавливалось, что “не будут считаться политическими преступлениями те, “при совершении которых виновник руководствовался эгоистическими или низменными мотивами”, а также террористические акты” (§§ 3 и 4)⁷³.

Во внутригосударственном праве встречаются различные определения понятия “политическое преступление”. Одна группа государств признает политическими только “абсолютные” политические преступления, другая относит к ним “сложные” и связанные с политическими правонарушения, третья — присоединяет к этой категории так называемые “относительные” политические преступления⁷⁴.

Суды США и западноевропейские суды применяют различные критерии для определения политического преступления, в частности: субъективный, то есть критерий политической мотивации (*political motivation test*), объективный: теорию нарушенных прав (*the injured rights theory*), модель связи (*the model of connexity*), политической сферы действия (*political incidence*) или критерий нарушения (*disturbance test*) и смешанный, комбинирующий различные подходы⁷⁵.

Современная судебная практика все чаще базируется на объективном или смешанном подходе, который комбинирует политическую сферу действия и мотивацию преступления. Некоторые решения, однако, отступают от этого принципа и основываются на субъективном критерии как самостоятельном основании для определения политического характера преступления⁷⁶.

Суды нередко акцентируют внимание на мотиве действий преступника и считают преступление политическим, если установлен политический мотив поведения виновного лица. Субъективный критерий неоднократно применялся в экстрадиционной практике Франции и США.

В уголовном законодательстве ФРГ не фигурирует понятие “политические” преступления. Вместо него применяется термин

“государственные”. К ним относятся преступные деяния, совершаемые с целью государственной измены, создания угрозы правовому государству. Их описание содержится в двух первых разделах Особенной части Уголовного Кодекса (§ 80 — 101a). К преступлениям, направленным против защиты интересов государства, можно отнести частично и преступления, перечисленные в следующих пяти разделах (разделы 3 — 7)⁷⁷. Несмотря на отсутствие уголовно-правового понятия “политическое преступление”, этот термин использовался и используется в законодательстве, касающемся экстрадиции.

Как отмечают известные немецкие юристы В. Шомбург (*Schomburg*), О. Лагодни (*Lagodny*), кодификация немецкого экстрадиционного права первоначально обосновывались именно необходимостью законодательной регламентации понятия политических преступлений⁷⁸. Германский закон о выдаче 1930 года (DAG) содержал определение абсолютно политического преступления и преступления, связанного с политическим. В качестве политических преступлений рассматривались уголовно наказуемые посягательства, непосредственно направленные против целостности или безопасности государства, против главы государства или члена правительства государства как таковых, против конституционного органа, против гражданских прав, связанных с выборами и голосованием, или против дружественных отношений с иностранными государствами. Вместе с тем, при совершении таких деяний выдача была допустима, если деяние представляло собой умышленное преступление против жизни, кроме тех случаев, когда оно совершено “в открытом бою” (§ 3 Закона о выдаче). Связанными с политическими считались такие действия, которые должны были способствовать подготовке, обеспечению, сокрытию политического преступления или предотвращению попыток помешать осуществлению такого преступления⁷⁹.

Закон о международной правовой помощи в уголовных делах 1982 года (IRG) устанавливает, что выдача признается недопустимой, если запрашиваемому лицу инкриминируется политическое деяние или деяние, связанное с политическим. Экстрадиция допустима в случае уголовного преследования за некоторые преступления, в частности, геноцид и убийства. В отличие от ранее действовавшего закона, § 6 IRG не дает конкретного определения понятия

политического деяния и деяния, связанного с политическим. Отказом нормативного определения законодатель, видимо, стремился придать большую гибкость концепции политического исключения⁸⁰.

Наряду с понятием “политическое преступление” закон оперирует понятием “политическое преследование”. Экстрадиция не производится, если имеются серьезные основания полагать, что запрос о выдаче был подан с целью преследования или наказания лица в связи с его расой, религией, национальностью, принадлежностью к определенной социальной группе или политическими убеждениями, или что положению этого лица может быть нанесен ущерб по этим причинам.

Серьезные колебания и споры вызвала концепция политического преступления во французской юриспруденции. 10 марта 1927 года был принят Закон Франции “О выдаче иностранцев”, который устанавливал, что не может служить основанием для выдачи совершение политического преступления (деликта); кроме того, не подлежат удовлетворению требования о выдаче, если существуют обстоятельства, указывающие на то, что выдача затребована с политической целью. Таким образом, французское законодательство расширило концепцию исключения политических правонарушений, позволяя отказывать в выдаче, когда французские должностные лица полагают, что запрос имеет политическую мотивацию. Политическими преступлениями, в соответствии с французской теорией уголовного права, считаются деяния, связанные с посягательством на политический строй, независимо от того, какие интересы при этом затронуты — внутриполитические или внешнеполитические.

По терминологии уголовного законодательства Франции, под политическими преступлениями понимаются в основном “преступления, направленные против внутренней и внешней безопасности государства”. К политическим преступлениям приравнивают также уголовно наказуемые деяния, связанные с нарушением законодательства о печати и имеющие отношение к религии. Решающее значение при определении того, относится ли данное деяние к категории политических преступлений или нет, имеет природа непосредственного объекта преступления, а не те мотивы, которыми руководствовался преступник.

Объективный критерий требует, чтобы преступное деяние было направлено против политической организации государства. Не считается политическим преступлением, например, убийство государственного деятеля, совершенное по политическим мотивам. Так, в деле *Gatti* Республика Сан-Марино требовала выдачи лица, обвиняемого в попытке убить местного члена коммунистической ячейки. Франция не усмотрела политического характера преступления, заявив: “Тот факт, что чувства, которое побудили правонарушителя совершить преступления, принадлежат к политической сфере, самостоятельно не создает политическое правонарушение”⁸¹. Как общеуголовное преступление (“преступление общего права”) рассматривается также похищение оружия с целью совершения затем политических акций с использованием этого оружия.

Широкая трактовка понятия политических преступлений содержится в законодательстве Италии⁸². К политическим преступлениям отнесены, в первую очередь, преступления, посягающие на политические интересы государства или политические права гражданина (посягательство на территориальную целостность, независимость и единство государства, содействие неприятелю во время войны, торговля с неприятелем, шпионаж, разглашение государственной тайны, призыв военнослужащих к неповиновению и другие). Кроме того, в качестве политических рассматриваются те общеуголовные преступления, которые полностью или частично совершены из политических мотивов⁸³.

Все действующие американские экстрадиционные соглашения исключают выдачу лиц, обвиняемых в преступлении политического характера, многие также запрещают выдачу в связи с действиями, связанными с такими преступлениями. Суды часто, если не всегда, испытывают трудности в определении того, является ли деяние политическим нарушением.

Политическое преступление рассматривается как действие, направленное против государственных интересов. Таким образом, такие нарушения как измена, враждебная агитация, шпионаж безусловно расцениваются как политическое правонарушение. В терминах классического экстрадиционного права эти нарушения описываются как “абсолютно политические преступления” или

“субъективные нарушения”, так как они зачастую не имеют ни одного из элементов общеуголовных преступлений. “Относительные политические нарушения” являются нарушениями, в которых общеуголовное преступление так неразрывно связано с политическим актом, что в целом оно может быть расценено как политическое и, следовательно, не подлежащее выдаче.

Суды США и Великобритании, преимущественно, используют критерий “политической сферы действия” (“*incidence test*”). Согласно этому критерию, “относительно политические” преступления являются частью политических беспорядков. Они состоят в содействии одной из противоборствующих сторон в ее борьбе за политическую власть. В решении, вынесенном в США в 1894 году, суд заявил, что политическое преступление — это “любое преступление, совершенное в ходе гражданской войны, восстания, или политического волнения”. Суды Соединенных Штатов, в основном, твердо придерживаются английской позиции, изложенной в деле *Castioni*, по поводу понятия не подлежащих выдаче “относительно политических нарушений” как связанных с политическим восстанием⁸⁴.

В Европе значительное распространение получил смешанный подход — “*predominance test*” или “теория пропорциональности”, развитая швейцарской юриспруденцией. Для определения, имеет ли правонарушение политический характер в той мере, которая позволяет применить исключение, эта теория использует и субъективные, и объективные критерии. Такой подход получил разъяснение в решении швейцарского суда по делу *Ockert*. Суд квалифицировал как подпадающие под принцип исключения политических правонарушений “действия, которые имеют вид обычного преступления, находящегося в списке преступлений, влекущих выдачу, но которые, ввиду сопутствующих обстоятельств, в особенности, мотива и объекта преступления, имеют преобладающе политический характер”.

В дальнейшем эта трактовка была разработана с целью придания ей гибкости, позволяющей исключать из числа экстрадиционных преступлений участвовавшие акты захвата воздушных судов, которые, с позиций запрашиваемого государства, совершались с целью побега из стран с тоталитарным режимом. Согласно теории

пропорциональности, для применения исключения необходимо, чтобы обстоятельства свидетельствовали о том, что мотивы и цели действий лица, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции, указывали на то, что инкриминируемые действия были преобладающе политического характера.

Это предполагает следующее: 1) действие должно иметь политические мотивы и быть совершено в ходе борьбы за власть или с целью освобождения от диктаторской власти, оно должно быть непосредственно связано с политической целью; 2) ущерб, причиненный преступлением, должен быть пропорционален достигаемому результату, другими словами, интересы, побудившие к совершению преступления, должны быть настолько важными, чтобы оправдывать допущенное нарушение⁸⁵.

“Вопрос о выдаче политических преступников всегда, как в практике, так и в теории, был очень спорным, что находит свое объяснение как в серьезности связанных с этим вопросом государственных интересов, так и в трудности дать общее определение политического преступления. Невыдачу политических преступников юридически обычно объясняют принципом невмешательства во внутренние дела иностранного государства, а границы выдачи — “соображениями уголовной политики”. Однако нетрудно увидеть из истории этого вопроса, что проблема выдачи или невыдачи политических преступников непосредственно связана с интересами данного конкретного государства. Вопрос этот всегда возникал и решался в зависимости от политических и классовых задач, стоящих перед государством, к которому предъявлялось требование о выдаче”, — отмечал М. Д. Шаргородский ⁸⁶.

“В вопросах выдачи политических изгнанников единой практики ни в России, ни в мире не имелось, — утверждает В. М. Волженкина. — Не определены такие правила и в настоящее время. События XX — начала XXI века свидетельствуют о крайней политизированности уголовной политики, отягченной борьбой за независимость и суверенизацию территорий. Происходит замена права правом силы, особенно в вопросах выдачи”⁸⁷.

Действительно, во взаимоотношениях государств, имеющих различные политические режимы и политические интересы,

экстрадиция часто расценивается как нежелательная, а инкриминируемые преступления как политические, если требуется выдача политических оппонентов правительства запрашивающего государства⁸⁸. Однако нельзя не признать, что к началу нашего века ситуация значительно изменилась. То понимание политического преступления, которое сформировалось в XIX столетии, сегодня производит впечатление устаревшей концепции. XX век внес свои, и весьма значительные, коррективы в эту концепцию.

§ 2. Политические преступления и политические репрессии в условиях тоталитарного режима: к вопросу о феномене советской политической преступности

В начале XX века на эволюцию концепции политического преступления оказали влияние крупные геополитические события, в первую очередь, первая мировая война и социальная революция, повлекшая распад Российской империи.

В юридической лексике раннего советского периода термин “политические” преступления по отношению к действиям противников новой власти не употреблялся, поскольку в это понятие вкладывалось позитивное значение. Для характеристики действий противников советского режима героизированное понятие “политическое преступление” было явно неприемлемым.

“Одной из старых форм, воспринятых социалистическим правом, явился термин “государственные преступления”, — отмечал Е. А. Смирнов (1974). — Впервые в истории советского уголовного законодательства он был использован уже на второй день после победы социалистической революции в извещении II съезда Советов об аресте министров Временного правительства от 26 октября 1917 года. Этот документ гласил: “Всякое пособничество Керенскому будет караться как тяжкое государственное преступление”⁸⁹. Термин “государственные преступления” неоднократно использовал в своих публичных выступлениях В.И.Ленин. Однако в основных уголовно-правовых актах советского государства длительное время вместо этого термина употреблялось понятие “контрреволюционные”

преступления. В противовес им выделялись “уголовные” или “общеуголовные” преступления.

С приходом к власти бывших политических эмигрантов, пользовавшихся правом убежища в Англии, Швейцарии, Франции и других европейских странах, принцип невыдачи политических правонарушителей получил в России четкое нормативное закрепление. Советское законодательство прямо и недвусмысленно делило преступления на политические и общеуголовные.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 28 марта 1918 года “О праве убежища” провозглашал: “Всякий иностранец, преследуемый у себя на родине за преступления политического или религиозного порядка, в случае прибытия в Россию пользуется здесь правом убежища. Выдача таких лиц по требованию тех государств, поданными коих они являются, производиться не может”. В соответствии с декретом, “в случае предъявления правительством того или иного государства требования о выдаче таких лиц, оно переходит на рассмотрение Народного комиссариата иностранных дел, который передает его в суд для квалификации преступления: носит ли оно политический или религиозный характер или характер общеуголовного деяния. В зависимости от характера преступления делается тот или иной вывод по вопросу о выдаче⁹⁰”.

Как видно из этого документа, экстрадиция ставилась в прямую зависимость от характера инкриминируемого деяния — политического или общеуголовного. Таким образом, эти понятия нашли непосредственное отражение в одном из первых нормативных документов советской власти.

Принцип невыдачи политических преступников внедрялся и в право Советской Украины. Принятым 1 марта 1919 года Постановлением СНК Украинской ССР “О выдаче иностранцев” предусматривалось, что выдаче не подлежат иностранцы, подвергшиеся у себя на родине преследованиям “за так называемые религиозные преступления и за преступления, направленные против правительств, защищающих интересы господствующих классов”. В то же время выдаче подлежали лица, подвергшиеся на своей родине преследованиям за преступления, “направленные против правительств, защищающих интересы трудящихся классов”⁹¹.

В постановлении отчетливо проявляется избирательный, “классовый” подход, политизирующий выдачу и сводящий к минимуму ее правовые основания. Такой подход соответствует марксистско-ленинской концепции преступления, которая, как известно, исходит из того, что преступление в каждой общественно экономической системе носит ярко выраженный классовый характер. Соответственно, понятие политического преступления основывается на классовом подходе, а исключение политических преступлений из экстрадиции, так же как и право политического убежища, мотивируется классовыми интересами — “международной солидарностью интересов всех трудящихся”.

Авторитетный российский юрист А. В. Наумов в этой связи пишет: “С образованием в России в октябре 1917 года первого в мире социалистического государства стала совершенно очевидной классовая направленность зарождавшегося социалистического уголовного права. С редкой откровенностью это признавалось во всех уголовно-правовых актах — от первых уголовно-правовых декретов до последнего Советского уголовного кодекса — УК РСФСР 1960 года”⁹².

Политические репрессии осуществлялись хорошо организованной, разветвленной политико-юридической системой страны — органами государственной безопасности, внутренних дел, революционными, а затем и военными трибуналами, общими судами, прокуратурой. “По сути дела, — замечает В. Н. Кудрявцев, — функционировала обособленная, замкнутая, достаточно отлаженная структура, наподобие средневековой инквизиции, с той лишь разницей, что жертв в советское время было несоизмеримо больше”⁹³.

Первым советским органом борьбы с “контрреволюцией и уголовной преступностью” стал Военно-революционный комитет (ВРК), образованный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов еще накануне Октябрьской революции. С 27 октября 1917 года ВРК — главный оперативный орган ВЦИК и Совета народных комиссаров (СНК) по созданию аппарата новой государственной власти, а также по борьбе с саботажем и контрреволюцией.

Инструкция Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 года “О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке

ведения их заседаний”, устанавливала, что революционному трибуналу подлежат дела о лицах: а) которые организуют восстание против власти рабоче-крестьянского правительства, активно противодействуют последнему или не подчиняются ему; б) которые пользуются своим положением по государственной или общественной службе, чтобы нарушить или затруднить правильный ход работ в учреждении или предприятии... (саботаж, сокрытие или уничтожение документов или имущества и т. п.; в) которые прекращают или сокращают производство предметов массового потребления без действительной к тому необходимости; г) которые путем скупки, сокрытия, порчи, уничтожения предметов массового потребления... стремятся вызвать недостаток их на рынке или повышение цен на них; д) которые нарушают декреты, приказы, обязательные постановления органов рабоче-крестьянского правительства, если в них предусмотрено предание за нарушение их суду революционного трибунала; ж) которые, пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляют властью, предоставленной им революционным народом; з) преступления против народа, совершаемые путем использования печати, подлежат ведению особо учреждаемого революционного трибунала печати”.

В статье 2 Инструкции говорилось о том, что “меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести”⁹⁴. “Это и положило начало практике подмены репрессивными органами законодательных учреждений и издания важнейших правовых норм в виде закрытых ведомственных актов”, — замечает В. В. Лунеев⁹⁵.

Декретом о суде № 1 Совета народных комиссаров от 24 ноября 1917 года были упразднены все ранее существовавшие “судебные установления”. Статья 8 Декрета гласит: “Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел по борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц, учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы...”⁹⁶.

Перечень дел, относящихся к компетенции революционных трибуналов, дает представление о содержании понятия “контрреволюционное преступление”. Из него следует, что политическое значение придавалось широкому спектру действий, которые могли причинить вред новой власти. Перечень не являлся исчерпывающим и дополнялся иногда весьма неожиданными запретами. Так, например, постановлением СНК от 30 июля 1918 года “О набатном звоне” устанавливалось, что “виновные в созыве населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и т. п. способами с контрреволюционными целями, предаются революционному трибуналу”⁹⁷.

Постановление Кассационного отдела ВЦИК “О подсудности революционных трибуналов” от 6 октября 1918 года, изданное во исполнение декрета № 1 о суде, выделило следующие категории преступлений, подчинив их трибуналам: 1) контрреволюционная деятельность; 2) саботаж; 3) дискредитирование власти; 4) подлог советских документов; 5) преступления по должности; 6) шпионаж; 7) хулиганство, понимаемое как бесчинство, учиненное исключительно с целью внести дезорганизацию в распоряжения советской власти или оскорбить нравственное чувство или политические убеждения окружающих (в примечании к данному пункту говорится, что “лица, прошлая деятельность которых, хотя бы и до утверждения власти советов, признается социально вредной для революции, могут быть предаваемы за такую деятельность суду трибунала”); 8) спекуляция (в том же пункте подчеркивается, что все остальные дела общеуголовного характера неподсудны трибуналам).

Все подпадающие под юрисдикцию трибунала деяния, за исключением спекуляции, не рассматривались как “общеуголовные преступления” и являлись “контрреволюционными”. Более того, контрреволюционным преступлением признавались деяния, совершенные до революции, но “социально вредные” для нее. Суровому наказанию подлежали самые разнообразные (реальные или мнимые) проявления нелояльности по отношению к новому режиму. Так, постановлением СТО от 15 апреля 1921 года было указано “применить особо суровые репрессии в отношении тех граждан, кои нарушают существующие железнодорожные правила, проезжают на тормозных площадках товарных вагонов и паровозах”. Такие лица, согласно п. 2 этого постановления, подлежали “немедленному

аресту и отправлению в местные чрезвычайные комиссии на предмет направления их в концентрационный лагерь сроком до пяти лет”⁹⁸.

Политические процессы первых лет советской власти отражали становление сурового репрессивного режима. Слушанием дела о преступном саботаже начал свою работу 10 декабря 1917 года учрежденный в Петрограде революционный трибунал. Обвинялась графиня С. В. Панина — товарищ министра просвещения свергнутого Временного правительства. Крупным политическим процессом в Петрограде был процесс по делу о монархистском заговоре группы В. М. Пуришкевича, проходивший с 28 декабря 1917 года по 3 января 1918 года. Первым делом Московского революционного трибунала стало рассмотренное им 8 января 1918 года обвинение о преступном использовании печати редактором буржуазной газеты “Утро России” Садиковым и издателем Родионовым⁹⁹.

21 июня 1918 года вновь учрежденный Верховный революционный трибунал при ВЦИК приговорил к расстрелу бывшего начальника Балтийского флота контр-адмирала А. М. Щастного.

А. М. Щастный спас остаток русского флота в Балтийском море от сдачи немецкой эскадре и привел его в Кронштадт. Тем не менее, он был обвинен в государственной измене и казнен. В приговоре, в частности, говорилось, что А. М. Щастный “предъявлял документы, явно подложные, о якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам, то лживо внушал, что Советская власть безучастно относится к спасению флота и жертвам контрреволюционного террора, то разглашал секретные документы относительно подготовки на случай необходимости взрыва Кронштадта и флота... и всей этой деятельностью поддерживал во флоте тревожное состояние и возможность противосоветских выступлений”¹⁰⁰.

С. П. Мельгунов в книге “Красный террор в России” приводит поразительный исторический документ: “Председатель Германской комиссии (действовавший на основании Брестского договора) лейтенант Балк приказом № 4 от 21 июля 1918 года объявлял гражданскому населению г. Ярославля, что ярославский отряд Северной Добровольческой Армии сдался вышеозначенной Германской комиссии. Сдавшиеся были выданы советской власти и в первую очередь 428 из них были расстреляны”¹⁰¹.

В 1918 году военно-революционные трибуналы рассмотрели несколько дел, связанных с “подрывной работой агентуры международного империализма”. В марте была выявлена подпольная организация, занимавшаяся вербовкой людей (главным образом, офицеров старой армии), снабжением их и отправкой на Дон — в армии генералов Каледина и Корнилова. Обвиненный в причастности к этой деятельности американский гражданин В. А. Бари был арестован, но по настоянию консульства США в Москве, представившего официальное поручительство, освобожден до суда и скрылся. Рассмотрев дело Бари заочно, Московский революционный трибунал постановил: “Скрывшегося от суда американского гражданина Бари объявить врагом всего трудящегося человечества, и в случае выдачи или поимки его по удостоверении личности расстрелять”. В приговоре имелось частное определение, относящееся к консульству США: “Московское североамериканское консульство, представляемое Пулем и Лерсом, считать укрывателем преступника, содействовавшим побегу Бари, обманувшим доверие рабоче-крестьянской власти в России”.

В конце ноября — начале декабря 1918 года состоялся судебный процесс по делу Р. Локкарта и других. Суду Верховного военного трибунала были преданы 24 обвиняемых, из них четверых — бывшего начальника английской миссии в Москве Локкарта, бывшего французского генерального консула Гренара, Рейли и Вертимона — судили заочно, так как Рейли и Вертимону удалось скрыться, а Локкарту и Гренару правительство разрешило выехать на родину (как известно, когда в Москве был арестован Локкарт, правительство Великобритании дало указание арестовать находившегося в Лондоне советского представителя М. М. Литвинова).

Локкарт и Гренар обвинялись в том, что они использовали свое положение для создания в России контрреволюционной организации имя целью свержение Советского правительства и реставрацию в стране буржуазно-капиталистического строя. Приговором трибунала от 3 декабря 1918 года Локкарт, Гренар, Рейли и Вертимон были объявлены вне закона как враги трудящихся и подлежали расстрелу “при первом же обнаружении их в пределах территории России”¹⁰².

Наряду с судебными, широко применялись внесудебные репрессии. 7 декабря 1917 года Совет народных комиссаров

постановил образовать Всероссийскую Чрезвычайную комиссию (ВЧК) при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем и поставил перед комиссией задачу “пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действовать по всей России, со стороны кого бы они не исходили”. В постановлении СНК, принятом 21 декабря, ВЧК признавалась органом беспощадной борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией”. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский заявлял: “Наша задача — борьба с врагами Советской власти и нового строя жизни. Такими врагами являются как политические наши противники, так и все бандиты, жулики, спекулянты и другие преступники, подрывающие основы социалистической власти. По отношению к ним мы не знаем пощады. Мы терроризируем врагов Советской власти, дабы задушить преступление в корне”¹⁰³. 21 февраля 1918 года Совет народных комиссаров принял декрет “Социалистическое Отечество в опасности!”. Статьей 8 Декрета устанавливалось: “Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления”.

“ВЧК была учреждена как административно-политический орган розыска, пресечения и предупреждения контрреволюционных преступлений...”, — утверждает историограф советских карательных учреждений Д. Л. Голиков. — После того, как ВЧК начала применять внесудебную репрессию — террор в виде расстрела на месте, она ...превратилась в орган непосредственной расправы с наиболее опасными преступниками”¹⁰⁴. 28 июня 1918 года В. И. Ленин писал: “Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров ...”¹⁰⁵.

30 августа 1918 года были совершены террористические акты, послужившие поводом к открытому “красному террору”. Утром этого дня выстрелом Л. Канегиссера был убит народный комиссар Петроградской коммуны и председатель Петроградской чрезвычайной комиссии М. С. Урицкий. Приблизительно в 7 часов вечера на заводе Михельсона было совершено покушение на В. И. Ленина. Задержанная Ф. Е. Каплан заявила, что стреляла в Ленина по политическим мотивам. Уже 31 августа было опубликовано сообщение ВЦИК, в котором говорилось, что “на покушения, направленные против ее вождей,

рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции”, а 2 сентября Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял резолюцию, в которой заявил, что “на белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов”.

В приказе народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского говорилось, что все известные местным советам правые эсэры должны быть немедленно арестованы; из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников; при малейших попытках сопротивления или при малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Этому приказу, получившему название “Приказ о заложниках”, было сужено, замечает С. П. Мельгунов, “сделаться историческим по своей терминологии и по своей санкции всякого возможного произвола”¹⁰⁶.

5 сентября 1918 года было принято постановление СНК “О красном терроре”, которое гласило: “Совет народных комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, ...что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...”¹⁰⁷. Этим документом было официально заявлено начало красного террора. “Так в декрете Совнаркома, — пишет А. И. Солженицын, — был найден и тотчас подхвачен и утвержден этот термин — концентрационные лагеря — один из главных терминов XX века, которому предстояло широкое международное будущее!”¹⁰⁸.

Идеологической основой репрессивной политики стало учение о роли и функциях диктатуры пролетариата. “Мы не ведем войны против отдельных лиц, — подчеркивал М. Я. Лацис. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он

происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность “красного террора”¹⁰⁹. Специфическая криминализация, в основе которой лежало революционное правосознание, привела к тому, что любая форма противодействия новой власти рассматривалась как политическое преступление. К разряду политических преступников были отнесены целые сословия (духовенство, казачество, дворянство) и политические партии (кадеты, эсэры)¹¹⁰.

“Страдания невинных — вот что стало апофеозом аморализма революционной эпохи. Реальные качества и черты личности, индивидуальные поступки перестали, по сути дела, играть роль. Судьбу человека решала принадлежность к некой социально-политической общности”, — пишет А. Е. Михайлов¹¹¹.

Юристы 20–30-х годов прошлого века особо отмечали неприменимость классической уголовно-правовой теории в сфере борьбы с политическими преступлениями. “В организацию уголовной репрессии по политическим преступлениям, — заявлял П. Кузьмин, — вносятся совершенно иные принципы, чем принципы отвешивания по эквиваленту, а именно принцип политической целесообразности господствующих классов, которые применяют и могут применять крайние и жестокие виды репрессии, не считаясь с их несоответствием объективной тяжести преступления”¹¹².

При таком подходе невозможно дать четкую юридическую формулировку понятия “контрреволюционное преступление”. В изданном 18 марта 1920 года “Положении о революционных трибуналах” трибуналам предоставлялось “не ограниченное ничем право в определении мер репрессий”. В примечании к статье 1 “Положения” указывалось, что в случае, если дознанием не установлено достаточных мер для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за Всероссийской Чрезвычайной комиссией сохраняется право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше 5 лет”¹¹³.

Революционные трибуналы были учреждены и в Украине. I Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся 11–12 декабря 1917 года, принял постановление о том, что на территории Украинской Народной республики Советов должны применяться, наряду с украинскими, декреты и постановления правительства Советской

России. 4 января 1918 года Народный Секретариат Украинской Советской республики издал постановление “О введении народного суда”, которым учредил, в числе прочих, революционные трибуналы для подавления сопротивления контрреволюционеров, борьбы со спекуляцией, саботажем и другими особо опасными преступлениями.

Наряду с судебными, были созданы чрезвычайные органы: Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины 22 февраля образовал в Киеве Комитет Народного Секретариата для “руководства всеми мероприятиями по обороне революции от западных империалистов” и предоставил ему чрезвычайные полномочия. Комитет стал называться “Чрезвычайной комиссией Народного Секретариата”. В Одессе была учреждена “Высшая автономная коллегия по борьбе с румынской и украинской контрреволюцией”. В Полтаве при Военно-революционном комитете действовала “Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией”.

В Харькове, где в феврале 1918 года образовалась Донецко-Криворожская Советская Республика, был учрежден “Главный штаб Донецкой республики по борьбе с контрреволюцией”. Понятие “контрреволюция”, однако, было весьма неопределенным. Так, Военно-революционный комитет Донецко-Криворожского бассейна в телеграмме местным ревкомам от 27 февраля 1918 года предписывал: “Пьянство и хулиганство, как контрреволюционные действия, должны быть прекращаемы всеми мерами, вплоть до расстрела ... Саботажников посылайте в шахты, на горячие и мокрые работы”¹¹⁴.

28 ноября 1918 года Временное рабоче-крестьянское правительство Украины приняло декрет “Об организации власти на местах”, которым постановило, что при военно-революционных комитетах на местах должны образовываться отделы по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем”, а 3 декабря 1918 года правительством был принят декрет “Об организации Всеукраинской Чрезвычайной комиссии”. По существу, декрет повторял российское “Положение о чрезвычайных комиссиях” России. 20 февраля 1919 года Всеукраинский ЦИК постановил предоставить чрезвычайным комиссиям Украины по любым делам особой важности, требующим “безотлагательного решения”, право самостоятельно выносить приговоры¹¹⁵.

В июне 1919 года ЦК КП (б) У образовал “Особое совещание” по борьбе с подрывной деятельностью международного империализма, а 17 марта 1920 года ВУЦИК принял декрет об образовании “Центрального управления чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности” (Цупчрезком”). Позднее в его составе был образован Особый отдел для охраны границ, ведения контрразведки, для борьбы со шпионажем и бандитизмом ¹¹⁶.

Постановлением Рабоче-Крестьянской Обороны УССР в мае 1919 года был объявлен красный террор в Украине ¹¹⁷. Антисоветские выступления в Украине получили особое определение — “политический бандитизм”, идейными вдохновителями контрреволюционных движений назывались украинские националистические партии.

Уголовное законодательство Советской Украины формировалось, главным образом, на основе рецепции законодательства Советской России. На территории Украины были введены и применялись первые законодательные акты РСФСР, которые были направлены на борьбу с контрреволюционными преступлениями ¹¹⁸. 24 мая 1922 года III сессия ВЦИК РСФСР после постатейного голосования приняла первый советский Уголовный кодекс, который был введен в действие с 1 июля 1922 года. В статье 6 Кодекса было сформулировано крайне политизированное понятие преступления: “преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени” ¹¹⁹. При такой трактовке любое преступление приобретало политическую значимость.

М. С. Строгович в 1929 году называл “материальное определение преступления” характерной чертой этого кодекса, отличающей его от буржуазных кодексов” ¹²⁰. Особенная часть Кодекса начиналась с главы “Государственные преступления”. Разработка этой главы уголовного кодекса проходила под непосредственным руководством В. И. Ленина. В письме к народному комиссару юстиции Д. И. Курскому Ленин писал: “В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а

не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость и пределы”¹²¹.

Такой подход был полностью выдержан в Уголовном кодексе. Согласно статье 57 контрреволюционным признавалось “всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основе Конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и тому подобными средствами”¹²².

Понятие контрреволюционного преступления, сформулированное с учетом указаний Ленина, было воспринято законодательством советских республик. Положения об ответственности за контрреволюционные преступления содержал первый Уголовный Кодекс УССР 1922 года в первой главе Особенной части (статьи 57—73).

Знаменательно, что в первые годы советской власти был возрожден антипод выдачи — изгнание — как вид уголовного и административного наказания за преступления политического характера, чем была поставлена под сомнение сама возможность функционирования института экстрадиции. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в статье 32 предусматривал в виде меры уголовного наказания изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно. Это наказание могло быть назначено, в частности, за деяния, предусмотренные статьей 70 этого кодекса, гласившей: “Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии карается изгнанием из пределов РСФСР или лишением свободы на срок не ниже трех лет”. В соответствии со статьей 71, “Самовольное возвращение в пределы РСФСР” в случае применения этого вида наказания, каралось высшей мерой наказания, в какой, согласно статье 33, являлся расстрел¹²³.

В РСФСР Декрет ВЦИК от 10 августа 1922 года “Об административной высылке” устанавливал: “В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям,...когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР”¹²⁴.

В 1922 была осуществлена насильственная административная высылка за границу и свыше 200 человек. Среди них были крупнейшие писатели и общественные деятели, цвет российской и мировой науки: Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, С. Булгаков, Ф. Степун, Б. Вышеславцев, И. Лапшин, И. Ильин, С. Трубецкой, Питирим Сорокин, А. Флоровский и другие¹²⁵. Постановлением Всеукраинского ЦИК от 6 августа 1922 года “Об административной высылке” в Украине также устанавливалась административная высылка, под которой понималось выдворение за пределы УССР.

Вместе с тем в начале 20-х годов СССР предпринимал меры к установлению экстрадиционных отношений с другими странами. 23 октября 1923 года была утверждена Типовая конвенция Союза ССР о выдаче преступников. Профессор С. Мокринский в статье “Юридическая природа выдачи преступников и типовая конвенция Союза ССР”, опубликованной в 1924 году, писал: “На основе этой конвенции Союз ведет в настоящее время переговоры с целым рядом государств Европы о заключении договоров о выдаче. Они должны заполнить пустое место, оставшееся от аннулированных довоенных и дооктябрьских договоров... Круг преступлений со стороны положительной определяется их санкцией: наказание не ниже лишения свободы (статья II), со стороны отрицательной — диспозицией: преступление не должно иметь религиозного или политического характера (статья IV)”¹²⁶.

Относительно выдачи по преступлениям религиозного или политического характера статья IV Конвенции постановляла: “В случае возникновения какого-либо вопроса касательно настоящей статьи, решение властей государства, к которому будет предъявлено требование о выдаче, будет считаться окончательным”¹²⁷.

4 ноября 1924 года были приняты Циркуляры народного комиссариата юстиции СССР и Верховного суда СССР от “О порядке сношения органов юстиции с должностными лицами и учреждениями иностранных государств” и “О порядке выполнения органами юстиции поручений НКВД и о требовании о выдаче находящихся за границей Союза преступников”, в которых говорилось, что “хотя до настоящего времени Союзом ССР ни с одним из иностранных государств не заключено конвенции о выдаче преступников..., выдача всё же может иметь место и при отсутствии конвенции... при

наличии соглашения в каждом отдельном случае с правительством того государства, на территории которого находится подлежащее выдаче лицо”.

Губернские суды и военные трибуналы “при направлении в НКЮ сношений о задержании и выдаче того или иного лица, находящегося за границей”, должны были указать “деяние, в котором обвиняется или за которое осуждено лицо, подлежащее задержанию и выдаче, с указанием статей Уголовного Кодекса”, и приложить “копии постановления следственных властей о привлечении данного лица в качестве обвиняемого или приговора суда о заочном его осуждении”. Ходатайства о выдаче могли возбуждаться лишь “в самых серьезных случаях, при обвинении в особо тяжких преступлениях и при бесспорности доказательств пребывания преступника именно на территории того или иного государства”¹²⁸.

Как следует из текста этих документов, речь шла, прежде всего, о выдаче общеуголовных преступников. Однако, поскольку в разряд особо тяжких преступлений попадали и преступления политические, выдача лиц, обвиняемых в этих преступлениях, в принципе, не исключалась. Впрочем, документы остались невостребованными: фактически механизм экстрадиции не действовал.

Вместо экстрадиции стали практиковаться похищения. Так, широкую известность приобрели похищения генералов Кутепова и Миллера. С начала 30-х годов прекратилось какое-либо добровольное движение через советскую границу. Отсутствие соответствующих соглашений и вероятность (по существу, неизбежность) политических преследований со стороны советского государства в отношении экстрадируемых лиц препятствовали выдаче не только политических, но и “общеуголовных” преступников. Закрытость границ практически исключала возможность бегства за рубеж.

В 1926 году советский юрист С. Соколов на страницах журнала “Революционная законность” заявлял: “Конечно же, Советский Союз и буржуазные государства, в силу коренного различия в их политическом и социальном строе, будут различно относиться к определению в каждом данном случае того, что является политическим преступлением, и что таковым не является. Конечно, Советский Союз... самым широким образом будет толковать понятие политического преступления и преступления, связанного с

политическим, и решительным образом отвергнет так называемую “бельгийскую оговорку о покушении”¹²⁹.

После образования Союза ССР возникла необходимость в общесоюзных законах о борьбе с контрреволюционными преступлениями. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, утвержденные постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 года 1924 года, в статье 2 устанавливали: “подлежат различию две категории преступлений: а) направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян, и поэтому признаваемые наиболее опасными; б) все остальные преступления”¹³⁰. Уголовное законодательство Союза ССР исходило из принципиального различия этих видов преступлений, тем самым, по существу, закрепляя деление преступлений на “политические” и “общеуголовные”.

Сугубо политический характер принимали и некоторые меры реагирования на преступность. Статья 13 предусматривала в качестве меры социальной защиты судебно-исправительного характера объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда (п. “а”), а также удаление из пределов Союза ССР на срок (п. “е”) ¹³¹.

В связи с образованием Союза ССР Советское правительство учредило единое для всего Союза ведомство — “Объединенное государственное политическое управление” (ОГПУ), в ведение которого входило расследование и рассмотрение дел о контрреволюции. Постановлением ЦИК СССР от 15 октября 1923 года был создан внесудебный орган — так называемая “Судебная коллегия ОГПУ”. Фактически в СССР были созданы и активно действовали органы политической юстиции, которые осуществляли судебные и внесудебные репрессии.

Необходимо заметить, что хотя в СССР применительно к действиям к оппозиционных сил термин “политические преступления” не употреблялся, в Основном Законе (Конституции) Союза ССР 1924 года, главе девятой — “Об Объединенном Государственном политическом управлении” — указывалось (статья 61): “В целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом учреждается при Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических республик Объединенное

Государственное политическое управление (ОГПУ)”. Таким образом, политический характер преступлений подчеркивался термином “политическая контрреволюция” и названием учреждаемого органа.

Постановлением Президиума ЦИК СССР о борьбе с бандитизмом от 9 мая 1924 года ОГПУ были подчинены в оперативном отношении органы милиции и уголовного розыска. Уполномоченные ОГПУ получили “право внесудебной расправы в отношении бандитов и их пособников”, включая высылку, направление в лагерь и расстрел. В 1926 году Президиум ЦИК СССР предоставил Особому Совещанию при ОГПУ право внесудебной расправы, вплоть до расстрела, по отношению к лицам, уличенным в контрабанде или насилии над пограничной охраной. В 1927 году тот же орган разрешил ОГПУ “рассматривать во внесудебном порядке, вплоть до применения высшей меры наказания и опубликования в печати, дела по диверсиям, поджогам, пожарам, взрывам, порче машинных установок как со злым умыслом, так и без него”. В этом же году право внесудебного рассмотрения дел, вплоть до применения расстрела, было распространено на белогвардейцев, шпионов и бандитов. К началу массовых репрессий 30–40-х годов карательный аппарат политической юстиции, включая революционные и военные трибуналы, был уже полностью создан, отлажен и имел большой опыт практической деятельности¹³².

“Управленческий аппарат СССР применял разные типы террора, — пишет С. И. Белокоп. — Это происходило не со второй половины 20-х годов и не по 1953 год, а на протяжении всего периода 1917 — 1991 годов. Среди типов террора, направленных на уничтожение населения, были массовый и индивидуальный террор. Массовый террор имел несколько периодов развития — от импульсивного ленинского до планомерного сталинского. Управленческий аппарат СССР последовательно и систематически пропускал через мясорубку репрессий все население. Массовый террор, основанный на принципах классовой сегрегации, был наиболее масштабным”¹³³.

По данным С. П. Мельгунова, в период с октября 1917 по октябрь 1924 года было уничтожено, по меньшей мере, 3,5 млн. человек¹³⁴. В то же время официальная статистика отмечала в 1925 году снижение числа государственных преступлений в Москве по сравнению с 1924 годом (22149 — в 1925 году, 31666 — в 1924)¹³⁵.

Внутри замкнутого пространства, каковым все более становилось советское государство, понятие “контрреволюционного”, то есть политического, преступления приобретало всеохватывающий характер. Все более широкую интерпретацию получало понятие государственного преступления. 25 февраля 1927 года постановлением ЦИК СССР было утверждено “Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)”. Контрреволюционным, согласно статье 1, признавалось всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению влияния власти рабоче-крестьянских Советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. Знаменательно, что согласно части 2 той же статьи “в силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в СССР”¹³⁶. Положение предусматривало возможность применения высшей меры социальной защиты — расстрела, или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства союзной республики и тем самым Союза ССР и изгнанием за пределы ССР навсегда.

К концу 20-х годов легальная эмиграция была почти прекращена: законы, относящиеся к выезду и въезду, носили лишь ограничивающий, запрещающий или карательный характер. СССР свел к минимуму все контакты своих граждан с “империалистическим окружением”.

Согласно постановлению Президиума ЦИК “Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР” от 21 ноября 1929 года, отказ гражданина ССР — должностного лица государственного учреждения или предприятия СССР, действующего за границей, вернуться в пределы Союза ССР, надлежало рассматривать как

перебежку в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировать как измену. Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявлялись вне закона, что влекло за собой: а) конфискацию всего имущества осужденного; б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности. Указывалось, что “закон имеет обратную силу”¹³⁷. В то же время, как говорилось в Положении о гражданстве, принятом 13 июня 1930 года, политическое убежище в СССР мог получить иностранец, преследуемый исключительно за “революционно-освободительную деятельность”.

“Социальный состав лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, убедительно подчеркивает классовую природу последних. Первые советские исследователи преступности в 20—30-х годах обращали внимание на то, что подавляющее большинство лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, составляли выходцы из крупной и средней буржуазии и помещиков, а также кулаки, служители культа, бывшие торговцы. По данным Верховного Суда РСФСР, в 1928 году из числа лиц, осужденных за террористические акты, кулаков было 45 %, в 1931 году — 43,3 %, в 1932 (первое полугодие) — 51,7 %. В 30-е годы советские криминалисты отмечали: “Исключительной по высоте процента является преступность по государственным преступлениям у служителей культа, достигающая 25 % ...”¹³⁸. Предположительно, в 1918 году было расстреляно около 3 тыс. священнослужителей, в 1930 — около 2,5 тыс., в 1937 репрессировано 137 тыс. священнослужителей, из них расстреляно свыше 85 тыс. человек¹³⁹.

Приказ Объединенного Государственного политического управления № 44/ 21 от 2 февраля 1930 года предусматривал проведение мероприятий ОГПУ “в целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса”, которые должны были развернуться по двум направлениям: 1) немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, маховых одиночек (первая категория); 2) массовое выселение наиболее богатых кулаков и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества (вторая категория). Для рассмотрения “дел и лиц, проходящих по этим делам”, приказывалось немедленно создать

так называемые “тройки”. Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря, или приговоренных к высшей мере наказания, подлежали выселению в северные районы СССР. Приказ предусматривал, в каких районах СССР кампании по выселению кулаков и их семейств проводятся в первую очередь. Первой в этом списке названа Украина. Из Украины планировалось выселить самое большое количество семей — 30 — 35 тысяч¹⁴⁰.

Борьба с “кулачеством” приобрела особый размах, что привело к искусственно вызванному голоду и многомиллионным человеческим жертвам. По имеющимся данным, к маю 1930 года было раскулачено более 320 тыс. хозяйств и выселено 98 тыс. семей (500 тыс. человек). Кроме того, проводились массовые аресты глав семей, отнесенных к первой категории (в первой половине 1930 года было арестовано 140 тыс. человек). Всего с января по октябрь этого года по первой категории было арестовано 283717 человек. При этом из 180 тыс., прошедших через “тройки” ОГПУ, к расстрелу было приговорено 19 тыс., к разным срокам тюремного заключения — около 100 тыс., к ссылке — 47 тыс. человек. “Наиболее мощные кулаки и кулацкий антисоветский актив совместно с семьями”, отнесенные ко второй категории, были высланы в северные районы СССР (332 тыс. человек) или переселены внутри областей (163 тыс. человек, то есть всего — около 500 тыс.¹⁴¹.

Из Украины за годы коллективизации депортировали 200 тыс. крестьянских семей. По сведениям ГПУ, приводимым В. М. Даниленко, на протяжении 1928, 1929 и января — мая 1931 годов органами ГПУ УССР было арестовано 49754 “кулака”. Относительно того, сколько из них было расстреляно или погибло в лагерях, точных данных нет, но известно, что в 1930 году по решениям “троек” и “особых совещаний” было расстреляно 1033 человека, в лагеря направлено 4858, выслано 8430 человек. Только за январь — май 1931 года было расстреляно 328, брошено в концлагеря 1983, выслано 3320 крестьян¹⁴².

В соответствии с приказом уполномоченного в Украине заместителя председателя ОГПУ В. Балицкого от 5 декабря 1932 года органы ГПУ УССР должны были выполнить задание “немедленного прорыва, вскрытия и разгрома к. — р. повстанческого подполья и нанесения решительного удара по всем кулацко-петлюровским элементам, активно противодействующим и срывающим основные мероприятия советской власти на селе”¹⁴³.

В 1932 — 1933 годах тоталитарный режим применил страшнейшее оружие массового уничтожения и социального усмирения и закрепощения сельского населения, обратившись к новейшей форме террора — геноциду голодом, намеренно создав условия, направленные на массовое уничтожение населения. В специальном приказе Наркомюста и Генерального прокурора УССР, изданном в 1932 году, говорилось, что репрессия, которая является одной из могущественных орудий преодоления классового сопротивления в хлебозаготовке, должна стать настоящим фактором борьбы за хлеб¹⁴⁴.

Голод 1932 — 1933 годов в Советском Союзе возник как искусственно организованный, и более всего в этот период пострадала плодородная Украина. “Голод 1932 — 1933 годов стал для Украины тем, чем были холокост для евреев и тотальное истребление 1915 года для армян, — пишет протоиерей Н. Забуга. — Он не просто травмировал нацию, но оставил на ее теле глубокие социальные, психологические и демографические шрамы, которые она несет до сих пор. Сегодня ни для кого не является секретом тот факт, что этой трагедии можно было избежать. Ведь общий урожай зерна 1932 года был выше урожая 1931 года и лишь на 12 % меньше среднего показателя 1926 — 1930 годов. Но систематическая конфискация зерновых государством для частного пользования, а также немыслимое повышение планов заготовки зерна, насильственная коллективизация привели к тому, что в конце 1933 года в Украине нередко можно было услышать о случаях каннибализма”¹⁴⁵.

Жесточайшие формы репрессии приобрели после принятия постановления ЦИК и СНК СССР “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной (социалистической) собственности” от 7 августа 1932 года, получивший в народе название “закон о пяти колосках”. В постановлении говорилось: “Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения... Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел или 10 лет лагерей с конфискацией имущества”¹⁴⁶.

Постановление стало правовой базой массового террора, который приобрел признаки геноцида. Содержание постановления свидетельствуют о намеренном создании условий, направленных на массовое уничтожение народа. Среди свидетельств того, как действовала власть в 1932 году, Ю. И. Шаповал приводит слова заместителя председателя ОГПУ СССР В. Балицкого: “За 4 месяца после начала хлебозаготовок до 15 ноября было арестовано по хлебозаготовительным делам 11 тыс. чел. За месяц с 15 ноября по 15 декабря — 16 тыс. чел.... К расстрелу тройкой приговорено 108, но еще на рассмотрении 100 человек”¹⁴⁷.

В январе 1933 года в 182 районах УССР осудили за “несдачу хлеба” 1309 человек. Репрессии приобрели плановый характер и стали своеобразным “соревнованием” между районами: кто большее уничтожит “саботажников”. Опухающие от голода крестьяне осуждались за “кражу колосков” и “саботаж”. Так, по сведениям В. И. Марочко, во время весенней кампании лишь на Винничине было осуждено 9 тыс. человек, среди которых значительную часть составляли дела “за кражу хлеба”. Формулировки обвинения были такие: “срезала до трех фунтов колосков”, “нарезала на поле родственников до 5 фунтов колосков”, “на своем поле скосил 5 метров за 3—4 дня до начала косовицы”. За период посевной кампании расстреляли 101 крестьянина в соответствии с требованиями закона “о пяти колосках”, а в Калиновском районе по решению облсуда казнили крестьянина, который срезал колоски на собственном поле. В. И. Марочко приводит выдержки из тайных докладных записок советских судебных органов: “Член облсуда К... ий на протяжении одного дня, — подчеркивалось в справке о состоянии преступности и самосуда на Винничине, — заслушал в трех селах три дела и по двум из них вынес приговор к расстрелу, в том числе в отношении подсудимого, который находился в таком состоянии (опухший), что на судебном заседании он сидеть не мог, а лежал на скамье подсудимых”¹⁴⁸.

Как свидетельствуют данные Киевского областного отдела ГПУ, к 1 марта 1933 года в 44 населенных пунктах Белоцерковского района насчитывалось голодающих взрослых — 6585, голодающих детей — 8015, больных от голода — 2708, опухших от голода — 11892 человека.

Количество умерших — 3526. Случаев каннибализма — 12¹⁴⁹. Следует учитывать, что эти цифры значительно занижены.

Украинские села оказались в военно-административной изоляции: крестьян лишили возможности выживания, миграции, поиска других источников и средств существования вне границ села и района. 27 декабря 1932 года в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов был введен единый паспортный режим на территории СССР, что фактически и юридически лишило крестьян права на получение паспортов, а затем и возможности передвижения и трудоустройства. Паспортная советская система выполняла регулятивную функцию статистического и персонального учета граждан, упорядочения их переселения по стране, внедрения политического контроля над обществом¹⁵⁰.

Специальное исследование, проведенное Верховным Судом Украины, свидетельствует, что массовым репрессиям были подвергнуты практически все слои общества. Власть стремилась сделать все для того, чтобы народ Украины никогда не смог осознать себя способным к самостоятельной жизни. “Огромная волна репрессий накатилась на Украину вместе с голодомором 1932 — 1933 годов. Миллионы людей умирали из-за отсутствия еды. Но об этом нельзя было говорить ни на собраниях, ни в газетной или журнальной статье, пожаловаться какому-то должностному лицу, в письме к родственнику, товарищу, в партийную или советскую инстанцию. Каждая такая попытка жестоко каралась. Даже частный разговор о голоде расценивался как антисоветская пропаганда..., — пишет В. Т. Маляренко. — Анализ уголовных дел 1932 — 1933 годов... убедительно доказывает, что тогдашняя власть, искусственно организовывая голодомор, умышленно уничтожала людей за их нежелание идти в колхозное ярмо”¹⁵¹.

По разным подсчетам, жертвами голодомора стали от 4, 5 до 10 млн. человек. Перепись населения СССР 1926, 1937 и 1939 годов засвидетельствовала: Украина утратила свыше 10 % населения”. Преступление, совершенное большевизмом в Украине, не имеет аналогов в мировой истории ни по масштабам, ни по количеству жертв¹⁵².

В то же время в СССР усиливались репрессии в отношении всех слоев населения, обвиненных в нелояльности к советской власти.

Согласно Постановлению ЦИК СССР от 8 июня 1934 года “О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине” изменой Родине, то есть действиями, совершенными гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, назывались, наряду со шпионажем, выдачей военной или государственной тайны, переходом на сторону врага, “бегство или перелет за границу”. В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, каралось лишением свободы сроком от 5 до 10 лет¹⁵³. Таким образом, бегство из государства стало рассматриваться как тяжкое государственное преступление.

“Железный занавес” стал практически непреодолимым. Внутри ограниченного им пространства политические репрессии принимали тотальный характер.

10 июля 1934 года был образован общесоюзный НКВД, в который вошло ОГПУ. При НКВД учреждались прежние внесудебные органы: новые “тройки”, позднее и “двойки”, которые рассматривали судьбы репрессированных по спискам. Генеральный прокурор СССР А. Я. Вышинский издал в 1935 году директиву, расширяющую уголовную ответственность. Он предписывал: выступления, одобряющие теракты, квалифицировать в зависимости от обстоятельств как антисоветскую агитацию и пропаганду, как организационную контрреволюционную деятельность, как покушение на теракты. 14 сентября 1937 г. ЦИК СССР распространил упрощенный порядок рассмотрения дел о терактах практически на все контрреволюционные преступления. За отступление от этого порядка работники репрессивных органов жестоко наказывались, в том числе и по статьям о контрреволюционных преступлениях¹⁵⁴.

Для иллюстрации масштабов политических репрессий и цинизма правившего режима приведем оперативный приказ Народного Комиссара Внутренних дел № 00486 от 15 августа 1936 года, который гласил: “С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников Родины, членов

правотроцкистских шпионско-диверсионных мероприятий, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1 августа 1936 года”. Пункты 9, 10 этого приказа предусматривали, что “на каждую арестованную и на каждого социально опасного ребенка заводится следственное дело и краткое обвинительное заключение”, которые направляются на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР. Жены осужденных изменников Родины подлежали заключению в лагеря на срок 5 — 8 лет (п. 12), “социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления” подлежали заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима (п.13). Грудные дети, согласно приказу, направлялись вместе с их осужденными матерями в лагеря, откуда по достижении возраста 1 — 1,5 лет передавались в детские дома или ясли (п. 21). При производстве ареста жен осужденных дети у них “изымались вместе с их личными документами” (п. 29).¹⁵⁵

Основная масса репрессированных не только не совершала никаких уголовно наказуемых действий, но и не обнаруживала своего негативного отношения к властям. Как выразился В. В. Лунеев, “они попадали под каток политических репрессий по плану перманентных политических конвульсий”¹⁵⁶.

Активно работали Военная коллегия Верховного суда, трибуналы войск НКВД и военные трибуналы, рассматривавшие дела о вымышленных государственных преступлениях. В. Н. Кудрявцев подчеркивает, что вся эта практика, противоречившая не только элементарным принципам права, но и провозглашенным принципам “социалистической законности”, реализовалась преимущественно на основе партийных директив, инструкций и приказов руководителей ведомств. К ним относились, в частности, санкционированные Политбюро и подписанные Ежовым приказы НКВД 1937 года о проведении массовых репрессий¹⁵⁷. С особой силой кампания по ликвидации “классового чуждого” элемента” развернулась после убийства С. М. Кирова.

Понятие контрреволюционных преступлений приняло столь широкий и неопределенный характер, что разграничивать

государственные и общеуголовные преступления стало невозможно. Позднее советские юристы отмечали, что “под слова Сталина о том, что вор есть тот же шпион и предатель, если не хуже, Вышинский пытался подвести научную базу и пришел к выводу о необходимости отнесения такого преступления, как хищение, к разряду “крупнейшего политического акта, которое вырастает в крупнейшее контрреволюционное действие”; судебные органы квалифицировали случаи недонесения о хищении социалистической собственности как недонесение о контрреволюционном преступлении”¹⁵⁸.

Вместе с тем СССР подтверждал право политического убежища. Статья 129 Конституции СССР 1936 года и соответствующие статьи конституций союзных республик предусматривали, что право убежища в Советском Союзе предоставляется всем иностранным гражданам, “преследуемым за защиту интересов трудящихся или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу”.

Право убежища стало одним из важных компонентов идеологического противостояния государств. Советские ученые исходили из того, что “понятие политического преступления имеет ярко выраженный классовый характер” и утверждали, что “ограничивая и нарушая право убежища революционных политэмигрантов, империалистические государства в то же время широко используют институт права убежища для покровительства военным преступникам и контрреволюционным эмигрантам”¹⁵⁹.

В период 30—40-х и начала 50-х годов были сфальсифицированы громкие политические процессы по делам так называемых “Союза марксистов-ленинцев”, “Московской контрреволюционной организации — группы “рабочей оппозиции”, “Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других”, “Московского центра”, “Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра”, “Параллельного антисоветского троцкистского блока”, “Антипартийной троцкистской военной организации в Красной Армии”, “Ленинградскому делу” и другим”¹⁶⁰.

В предвоенные годы в Украине, как и во всем СССР, массовым репрессиям подверглись руководители предприятий, военные, писатели и другие представители интеллигенции. Огромное количество жертв понесли народы Северной Буковины и Западной

Украины. Там за два года было повторено то, что происходило ранее в остальной части Украины. После войны политические преследования усилились.

“Особый размах репрессии приобрели в Украине после освобождения ее земель от фашистских захватчиков, — пишет В. Т. Маляренко. — Как свидетельствует судебная практика, жертвами ее стали члены ОУН, бойцы УПА и огромная масса людей, которые хоть как-то были связаны с ними. В Западной Украине до 1956 года фактически протекала гражданская война. И все эти годы в тюрьмы попадали не только те, кто с оружием в руках боролся против советской власти, но и те, кто давал им убежище или кусок хлеба”¹⁶¹.

После смерти И. В. Сталина в СССР произошли события, существенно изменившие политическую ситуацию в стране и отношение к “политическим преступникам” — “врагам народа”. Переломным моментом в истории политических репрессий стало разоблачение “культа личности” Сталина¹⁶².

В феврале 1954 года было впервые официально объявлено, что с 1921 по 1953 год за контрреволюционные преступления было арестовано 3,8 млн. человек. В последующих многократных высказываниях официальных лиц звучала примерно та же цифра¹⁶³. В Отчете о работе комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с октября 1952 по 1 января 1956 года говорилось: “В результате разоблачения Центральным Комитетом КПСС банды Берия-Абакумова и его сообщников выяснилось, что они, злоупотребляя властью, творили вопиющий произвол, грубо нарушали социалистическую законность...”¹⁶⁴.

25 февраля 1956 года, в последний день работы XX съезда КПСС, на закрытом заседании вне повестки дня состоялся доклад Н. С. Хрущева “О культе личности и его последствиях”. Это было первое официальное признание сталинских репрессий.

В докладе приводился факт массовых репрессий в отношении делегатов XVII съезда КПСС. Из 139 членов Центрального Комитета партии, избранных на этом съезде, было арестовано и расстреляно 98 человек. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях 1108 человек. Н. С. Хрущев назвал “нелепыми,

дикими, противоречащими здравому смыслу предъявленные им обвинения в контрреволюционных преступлениях. “Сталин ввел понятие “враг народа”, — говорилось в докладе. — Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности”¹⁶⁵.

Н. С. Хрущев признал: “...Сталин ориентировал партию, ориентировал органы НКВД на массовый террор. Этот террор оказался фактически направленным не против эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и Советского государства, которым предъявлялись клеветнические, бессмысленные обвинения в “двурушничестве”, “шпионаже”, “вредительстве”, подготовке каких-либо выдуманных “покушений” и т. п.”¹⁶⁶.

После XX съезда КПСС в СССР было официально признано, что в период с 30-х и до начала 50-х годов имела место практика массовых репрессий и произвола, которая обернулась трагическими последствиями для сотен тысяч советских людей.

Статистика политических преступлений, как отмечает В. В. Лунеев, является неполной, противоречивой и неоднородной. Имеющиеся статистические данные касаются лишь “преступлений”, квалифицированных судом или внесудебным органом и отраженных в материалах уголовных дел, “тогда как основная масса репрессий осуществлялась в административном порядке, по спискам, планам, по наитию больших и малых вождей”. Только “красный террор” стоил более 1,5 млн. человеческих жизней¹⁶⁷. По данным М. С. Гринберга, с 1917 по 1980 годы в советском государстве было осуждено за государственные преступления с использованием норм уголовного права около 3 853 900 человек ¹⁶⁸.

Знаменательно, что в 1956 году термин “политическое преступление” был применен в официальном документе и, более того, вошел в его в наименование. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 года “О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и

хозяйственные преступления” (статья 1), постановлено: “образовать комиссии Президиума Верховного Совета СССР для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвиненного в совершении преступления политического характера, а также для рассмотрения вопроса о целесообразности содержания в заключении тех лиц, которые хотя и совершили политические или должностные и хозяйственные преступления, не представляют государственной и общественной опасности”¹⁶⁹. В дальнейшем, однако, понятие “политическое преступление” вновь исчезло из юридической лексики.

Отношение к этому понятию в официальной советской доктрине было крайне негативным: в нем усматривались происки “идеологических противников”. “Отказ от терминологического обозначения политических преступлений как контрреволюционных произошел в Законе Союза ССР “Об уголовной ответственности за государственные преступления” 1958 года и принятых в 1961—1963 годах уголовных кодексах союзных республик. Бывшие контрреволюционные преступления стали теперь именоваться “особо опасными государственными преступлениями”, — пишут И. И. Лукашук, А. В. Наумов. — По существу, все эти преступления и были преступлениями политическими, разумеется, по логике правовой идеологии того времени, закреплённой в идеологических установках правящей Коммунистической партии, хотя официально законодательные акты (в том числе и уголовно-правового характера) и избегали понятия “политические преступления”¹⁷⁰.

В “уголовном законодательстве нашего прошлого и настоящего нет понятия “политическая преступность”, — отмечает В. В. Лунеев — В гуглаговском обиходе под ним понимаются контрреволюционные преступления, а после принятия уголовного законодательства 1958 года — некоторые государственные преступления, совершенные по антисоветским мотивам и целям. Последние являются специфической разновидностью политической мотивации... Хотя преступления по политическим мотивам совершались и совершаются в любом обществе. Они были известны еще в XVIII веке. Но сформулировать универсальное для всех времен и стран понятие политического преступления не представляется возможным. В демократических странах субъекты политических преступлений

несут уголовную ответственность не за свои убеждения, а за объективно и виновно содеянное, если оно предусмотрено в законе. Именно поэтому первым императивным основанием для отказа в экстрадиции считается обстоятельство, когда правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче, рассматривается запрашиваемым государством как правонарушение политического характера”¹⁷¹.

После XX съезда КПСС политические репрессии сократились и видоизменились, но не прекратились полностью. Их главным направлением стала борьба с инакомыслием — “антисоветскими взглядами”.

“Способы распространения антисоветских идей могут быть самыми разнообразными: устная передача лично или с помощью магнитофона, радио, телевидения, распространения антисоветских призывов в виде надписей на стенах домов, портретах государственных деятелей и даже татуировок на теле”, — утверждали советские юристы ¹⁷².

Органы политической юстиции практиковали высылку неугодных лиц за границу (хотя она как мера наказания была отменена еще в 1958 году), а также административную ссылку внутри страны. С 1956 по 1975 год, по официальным данным, за диссидентскую деятельность было осуждено около 1000 человек (примерно треть из них — за антисоветскую агитацию)¹⁷³.

Выдающийся украинский писатель и общественный деятель Василий Семенович Стусь был дважды судим (в 1972 и 1980 годах) по статье 62 Уголовного Кодекса Украины — “Антисоветская агитация и пропаганда”. В приговоре судебной коллегии Киевского областного суда от 2 октября 1980 года указывалось на то, что некоторые произведения В. Стуса попали в капиталистические страны и использовались буржуазно-националистическими центрами в провокационных кампаниях против Союза ССР. В. С. Стусь обвинялся в том, что “с целью подрыва и ослабления Советской власти на протяжении длительного времени систематически изготовлял, хранил и распространял антисоветскую клеветническую литературу”, а также “в устной форме занимался антисоветской агитацией и пропагандой”. В вину В. Стусю ставилось даже то, что он написал заявление в Президиум Верховного Совета СССР и направил

его в Прокуратуру СССР, а также заявление в Прокуратуру УССР в защиту Горбала. Среди эпизодов обвинения — “Открытое письмо к И. Дзюбе”, в котором В. Стусь утверждал, что на Украине в 1972-1973 годах произошел “антиукраинский погром”, а также письмо к известному правозащитнику П. Г. Григоренко¹⁷⁴.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1984 года было введено понятие “произведение антисоветского содержания”. В это время получило распространение использование принудительного психиатрического лечения с целью изоляции на неопределенное время в психиатрических больницах неугодных режиму лиц. Советская психиатрия стала частью репрессивного аппарата государства¹⁷⁵.

Политические репрессии, менее кровавые, чем в сталинский период, однако не менее всеохватывающие, оставались основой тоталитарного режима вплоть до начала так называемой “перестройки”. В Указе Президента СССР М. С. Горбачева “О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50 годов” от 13 августа 1990 года говорится: “Тяжелым наследием прошлого явились массовые репрессии, произвол и беззаконие, которые совершались сталинским руководством от имени революции, партии, народа. Начатое с середины 20-х годов надругательство над честью и самой жизнью соотечественников продолжалось с жесточайшей последовательностью несколько десятилетий. Тысячи людей были подвергнуты моральным и физическим истязаниям, многие из них истреблены”. “Скорейшее преодоление последствий беззаконий, политических преступлений на почве злоупотреблений властью необходимо всем нам, всему обществу, вставшему на путь морального возрождения, демократии и законности”, — говорится в Указе¹⁷⁶. Знаменательно, что термин “политические преступления” вновь используется в официальном документе, но в уже совершенно ином значении — применительно к массовым репрессиям.

“Благородная, христианская по своей сути социалистическая идея привела к истреблению миллионов людей в период сталиновщины главным образом потому, что у власти оказалась преступная клика демагогов, фанатиков и психопатов. Все от человека...”, — писал А. Ф. Зелинский¹⁷⁷.

§ 3. Политическая преступность и политическое преступление как предмет криминологических исследований

В криминологической науке политической преступности уделялось относительно мало внимания. Тем не менее, различия между так называемыми “абсолютными” и “относительными” преступлениями отмечены давно. Как пишет американский криминолог В. Фокс, с учетом того воздействия, которое преступления оказывают на общество, выделяются две группы преступлений: 1) *mala en se* и 2) *mala prohibita*. К преступлениям группы *mala en se* относят преступления, причиняющие обществу прямой ущерб. К этой категории поведения неизменно относят, в частности, действия, посягающие на жизнь и физическую неприкосновенность человека, которые на основании последовательного признания их преступными почти во всех юридических системах могут быть отнесены к “общим” или “общеуголовным” преступлениям. В группу *mala prohibita* включают преступления, не причиняющие обществу прямого ущерба. Группа *mala prohibita* — это преступления без жертв. Преступления группы *mala en se* одинаковы во всех обществах. Преступления же группы *mala prohibita* обусловлены культурой и в разных обществах весьма различны¹⁷⁸.

“Преступление категории *mala en se* — наиболее опасные преступления, посягающие, как гласит западная доктрина, на вечные и неизменные нормы естественного права. Да оно и правда: никакой политики в определении видов и составов этих преступлений нет, — замечает А. С. Никифоров, подчеркивая при этом, что “при всей “вечности и неизменности норм естественного права” они все-таки пусть медленно, но эволюционируют в пределах национальных систем уголовного права”¹⁷⁹.

Каждая правовая система признает преступлением также действия, которые не имеют такого же уровня признания, как “общеуголовные преступления”. Традиционно к ним относят так называемые “политические” преступления. Входящие в первую категорию преступления часто называют абсолютными, во вторую — относительными.

Некоторые юридические доктрины не усматривают никаких оснований для разграничения этих категорий преступлений, поскольку любое нарушение любого закона в равной мере предосудительно уже потому, что является нарушением позитивного права. Другие теории исходят из того, что политические преступления посягают на интересы, значительно отличающиеся от тех, на которые посягают общеуголовные, в силу чего между ними существуют принципиальные различия.

Многие современные концепции преступлений сосредоточены на эгоистической природе преступлений и поэтому исключают из своей парадигмы поведение, в основу которого заложены коллективные цели. Преступления рассматриваются как деяния, в которых сила и обман использованы для удовлетворения эгоизма, направленного на получение удовольствий и избежание неприятностей¹⁸⁰. Политические цели, в такой интерпретации, исключают преступность деяния: “политические преступления”, зависят исключительно от формы государственного устройства и не содержат в себе “абсолютной” преступности.

Одним из первых криминологов, обратившихся к проблеме политической преступности, был Ч. Ломброзо, отрицавший существование принципиальных различий между политическими и общеуголовными преступлениями: “Среди распространенных мнений о политических преступлениях встречается также и такое, что политические преступления ничего общего не имеют с уголовными преступлениями, причем выделением своим в особую категорию они обязаны произволу правительства или требованию момента. В действительности же политическое преступление того же происхождения, что и уголовное”¹⁸¹. Таким образом, Ломброзо рассматривал политические преступления как явление, корнящееся в биологической природе человека.

В книге “Политический преступник” Ч. Ломброзо охарактеризовал политическое преступление как нарушение “права большинства на сохранение апробированной им политической организации”. “В человеческом мире прогресс продвигается очень медленно, преодолевая сильное внешнее и внутреннее сопротивление, из того, что человек и общество инстинктивно цепляются за старое, мы принуждены заключить, что прогрессивные стремления, проявляемые грубо и бурно, не физиологичны; что если они и являются для

подавляющего меньшинства неизбежными, то с юридической точки зрения они представляют собою антиобщественные поступки и преступления, — писал Ч. Ломброзо, определяя “антропологическое” понятие политического преступления следующим образом: “Политическое преступление есть всякое насильственное посягательство на политический, религиозный, социальный и т. д. мизонеизм (ненависть к новому)¹⁸² большинства на соответствующий ему образ правления и его официальных представителей”¹⁸³.

Научная позиция Ч. Ломброзо вызвала противоречивые отклики. В ее поддержку выступил, в частности, немецкий социал-демократ Ф. Гроссе, который, выразив преклонение перед политическими правонарушителями как “передовыми борцами”, свою статью “К вопросу о природе политических преступлений”, заключает, тем не менее, следующим образом: “Я лично не раз имел случай наблюдать анархистов, и должен сказать, что среди них имеется необыкновенно много дегенеративных людей; преступная натура их находит себе поле деятельности в области политики, как это и обнаруживает в своих исследованиях Ломброзо”¹⁸⁴.

К. Каутский в статье “Генезис политических преступлений” категорически отвергал “ввиду постоянного и часто радикального изменения понятия политического преступления и политического преступника” саму возможность сравнения политического преступника с уголовным и возражал против постановки вопроса об антропологии политического преступника, предпринятой Ч. Ломброзо. “Ломброзо доходит до такого абсурда, что утверждает, что политическое преступление есть не только нарушение государственных законов, но также нарушение естественных, — с возмущением писал К. Каутский в другой своей статье — “Ломброзо и его защитник”¹⁸⁵.

Исходя из того, что “невозможно найти критерий преступления и преступника, пригодный для всех времен и народов”¹⁸⁶, К. Каутский заключал: “Понятие уголовного преступления определяется социальными отношениями, между тем как понятие политического преступления, как показывает само название, отношениями политическими. Но политические формы обыкновенно не так эластичны, как экономические. Они более неподвижны и более хрупки. Их развитие совершается часто скачками, посредством катастроф”. По мнению К. Каутского, “соответственно различию в

политическом строе, нет понятия более разнообразного и шаткого, чем понятие политического преступления в Европе”, при том, что “социальная жизнь культурных наций, а вместе с тем и понятие уголовного преступления становятся все более однообразными”¹⁸⁷. “Те же причины, которые прежде делали человека политическим преступником, теперь превращают его в консервативного государственного человека”, — утверждал К. Каутский, вполне одобрительно оценивая “разнообразные и изменчивые” политические преступления¹⁸⁸.

Однако существует ли универсальное представление о преступлении? Вопрос о том, существуют ли неизменные, абсолютные формы преступного поведения, является, фактически, центральным вопросом всех криминологических теорий.

“Преступление может быть рассматриваемо и изучаемо как явление чисто юридическое, или же, и, прежде всего, как явление естественное. Первая точка зрения, по чисто логическим основаниям, принадлежит классической школе криминального права, вторая точка зрения принадлежит позитивной школе, которая, прежде чем изучать и анализировать преступление как юридический факт, то есть как факт анти-юридический, — изучает его как естественное явление...”, — писал Э. Ферри¹⁸⁹. Для социологической школы “обычные” преступления составляют “основные” преступления не только для настоящего времени, но и для прошедших времен. По мнению представителей социологической школы, эти “обычные” преступления во все времена составляли основное ядро преступности. Другими словами, нарушение заповедей: не укради, не убий и т. д. всегда рассматривалось как преступление¹⁹⁰.

Тем не менее, криминологи часто высказывают мысль о невозможности создания общей теории преступления, поскольку ни одно деяние не может всегда и везде считаться преступным. Стандартным примером этого выступает умышленное лишение жизни, совершаемое во время войны, которое не считается преступлением¹⁹¹. Трудно отрицать, что на протяжении многих веков представление о преступном и наказуемом не оставалась неизменным. Понятие “преступление” отражает установки и ценности определенной культуры в определенное время. Невозможно или, по меньшей мере, нецелесообразно “замораживать” дефиниции, оставляя их неизменными в меняющемся обществе¹⁹².

Еще Г. Тард обращал внимание на то, что преступность не обладает неизменной природой. Ее формы меняются с изменением законодательства и социального устройства ¹⁹³. “Преступления совершаются не только в большинстве обществ какого-либо одного определенного типа, но во всех обществах всех типов, — утверждал Э. Дюркгейм. — Не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности. Ее формы меняются; деяния, квалифицируемые в качестве преступных в одном месте, не являются таковыми везде; однако всегда и повсюду есть люди, которые ведут себя таким образом, что это навлекает на них уголовное наказание”¹⁹⁴.

“Преступление относительно как с правовой, так и с социологической точек зрения. Оно имеет меняющееся содержание. Многие из ранних преступлений носили главным образом религиозный характер, и они занимали важное место вплоть до недавнего времени. Сегодня же очень немногие религиозные преступления включаются в уголовные кодексы”, — писал Э. Х. Сатерленд¹⁹⁵.

Широко распространена точка зрения, что не существует вообще каких-либо форм деятельности, которые были бы девиантны по своей природе, *sui generis* ¹⁹⁶. Даже такой осуждаемый с библейских времен акт, как убийство, может получить в различных правовых системах различную юридическую оценку в зависимости от того, кто, кого, когда, почему и при каких обстоятельствах лишил жизни ¹⁹⁷.

Относительность определений преступности является одним из основных постулатов так называемой “модели конфликтов”. Согласно теории конфликта, ни одно действие или человек не являются внутренне моральными или аморальными, преступными или законопослушными. Если действие или человек признаются преступными, тому есть какая-то скрытая причина, поскольку подобное определение служит чьим-то интересам внутри общества. Если эти определения связаны с интересами, то, соответственно, изменение интересов неминуемо приведет к смене определений. Таким образом, каждое определение действия как аморального, девиантного или преступного должно рассматриваться как пробное и всегда может подвергнуться переоценке. Сторонники теории конфликта объясняют всеобщую признанность определений таких преступлений, как, например, убийство, стечением обстоятельств.

Вне зависимости от того, признано ли всеми определение некоторых действий как преступных, почти наверняка его корни лежат в защите интересов каких-то властных групп. История свидетельствует, что признание революционера и политического террориста героем или убийцей зависит от успеха революции, а не от действительной значимости террористического акта ¹⁹⁸.

Если сторонники теории согласия рассматривают закон как общественный институт, выражающий общие социальные ценности и контролируемый большинством, то приверженцы теории конфликта, напротив, придерживаются мнения, что закон является инструментом контроля, или, по словам А. Терка (*Turk, 1976*) “оружием социального конфликта”. Тот, кто устанавливает закон, обладает властью. Те, кто желает контролировать закон, борются за него ¹⁹⁹.

Возможность претворять свои интересы в общественную политику является важнейшим показателем обладания властью. Соответственно, если закон — это инструмент, которым заинтересованные лица стремятся обладать и который хотят использовать для усиления собственного положения в обществе, а уголовное право запрещает определенные действия, то преступность можно определить как действия, воспринимаемые находящимися у власти людьми как прямая или косвенная угроза их интересам. Сторонники теории конфликта (*R. Quinney, W. J. Chambliss, R. Seidman, C. R. Jeffery, J. Holl*) отмечают, что современное определение “преступного” зависит от того, воспринимается ли угроза людьми, обладающими достаточной властью, чтобы законодательно закрепить свои интересы. Некоторые из приверженцев этой теории утверждают, что правовой процесс контролирует не одна, а несколько групп с различными конфликтующими интересами, каждая из которых стремится добиться чего-то своего (*R. Troyer, G. Markel, 1982*). Причиной конфликта становятся не только экономические интересы, но и статусные соображения, моральные и идеологические установки. Плюралисты рассматривают общество как социальное образование, состоящее из групп, в различной степени осведомленных о собственных интересах, и групп, их не осознающих. Традиционные властные структуры постоянно подвергаются угрозе со стороны новых организаций, образованных группами, осознавшими свои интересы. Разнообразие групп, вовлеченных в правовой конфликт,

отражает разнообразие затрагиваемых интересов. Идеологические соображения также влияют на принятие законов, так как законы и их применение зачастую служат средством выражения политических и нравственных ценностей (*G. Fine, 1997*)²⁰⁰.

В этой связи Дж. Ф. Шелли (*Shelly*) подчеркивает: “Несмотря на то, что элементы инструменталистских, структуралистских и марксистских теорий подвергаются критике, нельзя игнорировать основной аргумент плюралистического подхода: законы не появляются по волшебству и не являются отражением “общечеловеческих” ценностей. Напротив, то, какие действия или каких людей мы в тот или иной момент называем преступными, зависит от деятельности групп, стремящихся обрести правовую поддержку своих экономических, идеологических и статусных интересов”²⁰¹.

В том случае, если и принятие закона, и его нарушение обусловлены определенными экономическими, идеологическими и статусными интересами групп, идентификация “законного” и “преступного” зависит только от того, какая из групп находится у власти. Эта концепция имеет значительную степень сходства с марксистско-ленинской концепцией преступления и преступности. Разработанные К. Марксом и Ф.Энгельсом принципиальные положения о социальной природе преступности, развитые в трудах В. И. Ленина, стали методологической основой советской криминологии²⁰², для которой характерно крайне политизированное восприятие преступления и преступности.

Советская криминологическая теория признавала классовый характер преступности. Преступность рассматривалась как исторически преходящее явление классового общества в условиях социалистического общества — рудимент классово-эксплуататорских формаций²⁰³. “Никаких общечеловеческих интересов нет, есть лишь интересы господствующих классов. Так обстояло дело на протяжении всей мировой истории.... С момента возникновения частной собственности и развития классовых противоречий об общечеловеческих интересах речи быть не может. Интересы угнетаемых, будь то рабы, крепостные, рабочие и т. д., противоположны интересам угнетателей. Но именно интересы угнетателей, а не угнетаемых классов, принято считать “высшими интересами общества”²⁰⁴, — так выглядит ответ на вопрос об общечеловеческих ценностях в трактовке приверженцев марксистско-ленинской теории.

Связь преступности с классовой борьбой усматривалась “в борьбе идеологии, психологии и нравственных устоев двух миров, двух формаций — социалистической и капиталистической”²⁰⁵. “По своему историческому происхождению преступность есть порождение определенных социальных условий: антагонистических общественных отношений классового общества, а также социальных противоречий, различий и диспропорций, которые сохраняются и после устранения классовых антагонизмов. В юридическом смысле преступность в определенном случае — “детище закона”, ибо именно закон объявляет определенные поступки преступлениями. Как писал Маркс, “право может не только наказывать за преступления, но и выдумывать их”, — говорилось в “Курсе советской криминологии”²⁰⁶.

С наступлением периода “перестройки” некоторые советские юристы открыто заявили о том, что советское государство продуцировало “неправо”. “Не всякий изданный от имени государства нормативный документ есть право... Именно поэтому огромное политическое и правовое значение приобретает лишение правовой силы решений, вынесенных на основе юридических актов, являвшихся, по существу, антиправовыми”²⁰⁷, — писал А. Э. Жалинский в 1989 году.

В работе украинского криминолога А. Н. Костенко “Криминальный произвол (социопсихология воли и сознания преступника)”, опубликованной в 1990 году, криминология характеризуется как этическая наука. “Можно сделать вывод, что зло, в том числе преступность, нельзя победить в отдельно взятой стране, или регионе. Борьба с ним может быть успешной лишь при создании мировой (глобальной) системы предупреждения проявлений зла, в том числе и преступлений. Для создания такой системы и нужна новая этическая (криминологическая) парадигма, приводящая к этическому (криминологическому) глобализму”, — утверждает А. Н. Костенко²⁰⁸.

“Этический глобализм” проявляется в универсализации понятий “преступление” и “преступность”. В. Н. Дрёмин в статье “Этическая природа преступности (к вопросу о криминализации социального поведения)” пишет: “Методологической посылкой при исследовании преступности является понимание того, что преступность

существует в течение многих веков, вплетена в ткань общественной жизни, является существенным правовым, экономическим, политическим фактором и элементом культуры современного общества... Возникает закономерный вопрос: можно ли вообще сформулировать всеобъемлющее понятие “преступность”, которое в одинаковой степени отражало бы национальные, культурные, правовые традиции, сложившиеся в разных частях света, в разных странах? Какие признаки, черты, свойства позволяют выделить из громадного массива актов человеческого поведения поступки, влекущие самую жесткую реакцию общества?...Предполагается, что правовые запреты, в том числе уголовно-правового характера, должны максимально полно отвечать нравственным ожиданиям общества, другими словами, — право поощряет нравственные поступки и устанавливает санкции за деяния, безнравственные, исходя из ценностей данного общества. Но есть ли общепризнанные критерии нравственности и безнравственности? Каким должно быть соотношение безнравственного и преступного или, иначе, каким должно быть “количество” безнравственного, чтобы стать преступным?”²⁰⁹

В отношении политических преступлений этот вопрос приобретает особую остроту. Несут ли в себе такие преступления достаточное “количество” безнравственного, чтобы подвергаться солидарному уголовному преследованию со стороны государств?

Политический преступник расценивает себя как исключение из существующих моральных норм в силу политических целей, которые он стремился достичь, что, по его мнению, оправдывает используемые методы²¹⁰.

В течение большей части XX века феномен международной политической преступности оставался вне серьезных криминологических исследований. Размежевание криминологии и политики, отделение изучения преступления от исследования государства с сожалением констатировал, в частности, известный криминолог Д. Матза (*Matza, 1969*)²¹¹.

Интерес к международной и политической преступности заметно повысился в конце 1960-х — начале 70-х годов под влиянием их резкой активизации. Терроризм, незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля людьми — каждый из этих видов преступной

деятельности занял место в общественном сознании как одна из важных социальных и политических проблем.

Политическое преступление в Западной Европе стало выражением, символом и эквивалентом политического сопротивления капитализму²¹², как за сто лет до этого в России оно было эквивалентом сопротивления “деспотизму и тирании” самодержавия. С этого времени начинается существенное расширение концептуальных границ криминологии и уголовного права. Активизировались исследования международной, в том числе политической, преступности, в частности, в рамках критической криминологии.

Первая волна критической криминологии предприняла попытку рассмотреть понятие “преступление” непосредственно в политических терминах. Тогда же получило распространение мнение, что преступления на улицах — это мистификация, “настоящие” преступления происходят в других местах и совершаются корпорациями и государствами. Начался поиск нового пути осмысления власти, соединенной с насилием, что нашло воплощение в понятии “преступления власть имущих” (*“crimes of the powerful”*), которое, по существу, размывает границу между преступлением и политикой.

Необходимо заметить, что уже в первой половине прошлого века высказывались протесты против ортодоксальных концепций преступности. Эти протесты были направлены на то, чтобы поколебать традиционные представления о преступлении и преступнике. Их суть состояла в отрицании якобы формально-юридической и произвольной доктрины, согласно которой деяния, запрещенные законом, являются преступлением, а лица, осужденные на основании уголовного закона, являются преступниками. Некоторые криминологи заявили, что один лишь факт нарушения уголовного закона представляет собой искусственный показатель преступности поведения, а категории, выработанные законом, не отвечают требованиям науки потому, что они имеют “случайный характер” и “не возникают органически”²¹³.

Преступление объявлялось искусственно созданной категорией ввиду отсутствия стандартов, необходимых для определения антисоциальности. Предпринимались попытки отыскать универсальную формулу, охватывающую все виды поведения,

противоречащего социальным интересам. Как отмечает Пол У. Таппен, “понятие преступления расширилось и утратило всякую определенность, выиграв в привлекательности”²¹⁴.

РевOLUTIONизирующее значение для концепции преступления приобрела предложенная профессором Э. Сатерлендом теория “беловоротничковой” преступности (*“white-collar criminality”*)²¹⁵. Как известно, главным тезисом, выдвигаемым сторонниками этой теории, является тезис о том, что те, кто входит в категорию осужденных, — это лишь “мелкие” преступники, те немногие, кто совершил против общества незначительные по своим масштабам проступки, люди, у которых возникли осложнения с полицией и судом вследствие их невежества и глупости. Важные преступники — те, кто безнаказанно причиняет непоправимый ущерб обществу, — обходят машину юстиции, либо оставаясь “технически” в рамках закона, либо пуская в ход свои знания и изобретательность, финансовое могущество или политические связи²¹⁶.

Аналогичное обоснование получила концепция преступления “власть имущих”. Известный вопрос Э. Сатерленда “Является ли беловоротничковое преступление преступлением?” был перефразирован следующим образом: “Является ли преступлением нарушение государством прав человека”?

Теории, связывающие преступление и политику, расширили концепцию преступления, оторвав его от узкой юридической основы. Как полагает Стэнли Коэн (*Cohen*), ранние попытки выразить концепцию государственного преступления в ракурсе нарушения прав человека не состоялись, поскольку были излишне политизированы. По мнению С. Коэна, эта концепция оказалась слишком неясной и полемической и представляла собой попытку использовать термин “преступление” для обозначения всех форм социальной несправедливости и нарушений прав человека²¹⁷.

В 70-х годах прошлого века появились труды, содержащие глубокий анализ политического насилия, в первую очередь, терроризма²¹⁸. Однако достаточного изучения проблема политической преступности не получила. В 1974 году С. Шафер (*Schafer*) назвал серьезным упущением в криминологии невнимание к внутренним и международным политическим преступлениям, отметив, что

“хотя политическое преступление самое старое и, возможно, наиболее преступное явление истории, оно, в значительной степени, игнорируется в криминологических исследованиях”²¹⁹. Д. А. Мак (*MacK*, 1975) критически прокомментировал пренебрежение, проявляемое криминологами к проблеме международных преступлений.

М. Лопес-Рей (*Lopez-Rey*, 1974) выделял две категории преступлений: обычное, традиционное преступление (“*conventional crime*”) и преступление, которое он определил как “необычное” (“*non-conventional crime*”). “Обычное” преступление совершается “человеком с улицы” (“*man in the street*”). Оно, как правило, попадает в сферу внимания полиции и судов, в него вовлечены люди, не принадлежащие к высшим кругам общества. “Необычное” преступление включает нарушения против международного права, правонарушения, совершенные по патриотическим, идеологическим, революционным причинам; преступления, совершенные с использованием служебного положения должностного лица и полуофициальных правительственных позиций и другие подобные нарушения. М. Лопес-Рей с сожалением отмечал, что криминологические исследования посвящены, как правило, только “обычным” преступлениям, а “не обычным” преступлением криминология фактически пренебрегает²²⁰.

Несмотря на то, что в 80-х годах прошлого века общественное мнение с повышенным вниманием относилось к проблеме международного глобального незаконного оборота наркотиков и терроризма, в западной криминологии все еще отмечался относительный дефицит исследований политической и международной преступности. Профессор М. Ш. Бассиони (*Bassiouni*) в 1981 году констатировал, что при наличии многочисленных работ, посвященных терроризму как всемирной проблеме, исследования обнаруживают недостаток аналитической последовательности и не дают достаточного представления об этом явлении. В 80-х годах феномен терроризма оказался в центре многих политико-правовых исследований²²¹, однако концепции политических преступлений по-прежнему не уделялось должного внимания.

Д. К. Джиббонс (*Gibbons*), оценивая состояние исследований политических правонарушений, пришел к выводу, что криминология не имеет убедительной теории таких преступлений. Комментируя

криминологические исследования терроризма, он подтвердил заключение М. Ш. Бассиони относительно недостаточной изученности терроризма. В том же контексте Э. Морэйлс (*Morales, 1986*) обращал внимание на контраст между популярностью публицистического освещения проблемы международной торговли наркотиками и пренебрежением к ее научному исследованию, объясняя эту ситуацию ее чрезмерной политической отягощенностью.

Столь редкое соприкосновение криминологии с политической преступностью находится в разительном противоречии с тем значением и тяжестью, которыми отличаются политические деликты, причиняющие не менее серьезный личностный, материальный и нематериальный вред, чем уличные преступления, которым в криминологии уделяют так много внимания ²²².

В середине 80-х годов известный немецкий криминолог Г. Й. Шнайдер (*Schneider*) констатировал, что в современной мировой юридической науке нет единого универсального понятия “политическая преступность”, как и нет общей системы криминологической классификации политических преступлений ²²³.

В качестве наиболее важных причин отсутствия криминологической концепции, которая позволила бы систематизировать политическую преступность, Г. Й. Шнайдер назвал две. Во-первых, во всех политических системах существует опасность того, что политические разногласия в повседневных политических процессах могут привести к уголовным преступлениям. Во-вторых, концепция политической преступности может оказаться очень тесно связанной с самой системой, в которой эта преступность существует и которой она полностью определяется. То, что в одной политической системе может квалифицироваться как политическое преступление, в другой будет подвигом. Относительность концепции политической преступности распространяется и на исторически сменяющие друг друга политические системы ²²⁴.

Избегая деления преступлений на “общие” и “политические”, советская юридическая наука, тем не менее, признавала значение политического компонента в “международных” преступлениях” и “преступлениях международного характера”. В официальной позиции СССР наблюдалась также явная тенденция

к политизированной оценке международного терроризма, который рассматривался как преимущественно политический феномен, “стратегия империалистических сил в борьбе с революционно-освободительными и прогрессивными движениями”.

Несмотря на то, что официальная советская доктрина не применяла термин “политическое преступление” по отношению к оппозиционной внутригосударственной преступности, к проблемам международной политической преступности одним из первых к мировой науке обратился выдающийся советский ученый А. Н. Трайнин ²²⁵. В трудах Н. С. Алексеева, Ю. М. Антоняна, Н. С. Бегловой, И. П. Блищенко, С. В. Бородина, В. В. Витюка, Л. Н. Галенской, А. И. Долговой, Н. В. Жданова, А. В. Змеевского, И. И. Лукашука, Е. Г. Ляхова, Л. А. Моржорян, И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, М. И. Лазарева, У. Р. Латыпова, А. В. Наумова, Ю. В. Петровского, В. П. Панова, Э. Ф. Побегайло, А. И. Полторака, Н. Н. Полянского, Ю. А. Решетова, П. С. Ромашкина, В. В. Тарабрина, М. Л. Энтина, С. А. Эфинова и других авторитетных ученых рассматриваются важные политико-правовые аспекты преступности.

В 90-х годах XX века исследования политических преступлений значительно интенсифицировались как в западной²²⁶, так и в постсоветской криминологической науке.

Становление политической криминологии как самостоятельного научного направления связано с именами известных российских криминологов В. Н. Бурлакова, В. В. Вандышева, Б. В. Волженкина, Я. И. Гилинского, Г. Н. Горшенкова, П. А. Кабанова, В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. Е. Михайлова, В. П. Сальникова, В. С. Устинова, В. А. Шабалина, Д. А. Шестакова и других ученых.

Политическая криминология превращается в отдельную отрасль криминологической науки, исследующую закономерности взаимосвязи преступности и политики²²⁷. При этом, как отмечает профессор Д. А. Шестаков, в политике рассматривается как правоохранительная, так и преступная ее сторона. Анализируется преступная политика, влияние тоталитарной политики на общеуголовную преступность, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, криминологическая политика²²⁸. “Проблемы террора и

терроризма относятся, прежде всего, к политической криминологии”, — подчеркивает Д. А. Шестаков²²⁹.

Значительно возрос интерес к политическому преступному поведению и в украинской юридической науке. В работах, посвященных политическим проблемам противодействия преступности, отмечается возрастание влияния преступности на политические процессы в условиях социальной и экономической нестабильности. Преступность является социальной базой для возникновения и обострения политических кризисов²³⁰. Взаимосвязь политики и преступности прослеживается в опубликованной в 1997 году монографии В. И. Шакуна “Власть и преступность”²³¹.

Различные аспекты политической преступности исследованы в трудах П. П. Андрушко, Л. В. Багрий-Шахматова, В. В. Голины, В. К. Грищука, В. Б. Глущенко, И. П. Даньшина, А. В. Дорошенко, В. Н. Дрёмина, А. П. Закалюка С. В. Кивалова, А. М. Костенко, О. М. Литвака, Е. Л. Стрельцова, В. А. Тулякова и других ученых.

С 90-х годов особое внимание уделяется отдельным видам политической преступности, прежде всего, терроризму. В трудах В. Ф. Антипенко, Т. С. Бояр-Созонович, В. А. Глушкова, В. В. Крутова, В. П. Емельянова заложены основы украинской террологии, получившей интенсивное развитие²³².

В современной криминологии понятие политической преступности не имеет однозначной интерпретации. В ее структуре, как правило, различают преступления населения против государства и преступления самой власти по отношению к народу. Так, Д. А. Шестаков определяет политическую преступность как “свойство общества воспроизводить опасные для его членов формы борьбы за установление, перераспределение, поддержание и удержание государственной, а также надгосударственной (мировой порядок) власти”, которое складывается из “воспроизводства преступлений как самого государства или, точнее выражаясь, преступлений, совершаемых от имени государства и олицетворяющих его преступную политику, так и против государства, против его конституционного строя”²³³.

“Политическая преступность представляет собой общественно опасную форму борьбы правящих или оппозиционных элит за власть

или за ее неправомерное удержание”, — утверждает профессор В. В. Лунеев²³⁴.

Особый интерес представляет используемый В. В. Лунеевым термин “некриминализованный преступность”. Советская политическая преступность рассматривается им как репрессивная политика властей против своего народа, который не разделял или противился установкам правящей коммунистической партии. “Таким образом, — пишет В. В. Лунеев, — в своем прямом понимании в советской “политической преступности” нет предмета для криминологического или уголовно-правового анализа. Поэтому предлагаемое понятие взято в кавычки. Криминологу, социологу и политологу “политическая преступность” важна в эмблематическом смысле, как некриминализованный преступность властей против своего народа. С этой точки зрения репрессированные лица рассматриваются не субъектами преступлений, а жертвами политического произвола”²³⁵. Тоталитарный политический режим изначально является преступным²³⁶

Можно ли “без кавычек” говорить о некриминализованной преступности? “Стереотип подчинения действующему законодательству, в том числе уголовному, постоянно находится в противоречии с существующими реалиями, — замечает Е. Б. Кургузкина. — Всегда ли необходимо подчиняться законам и всегда ли переступление через них приносит вред обществу? Любая власть — насилие. Но социум без власти приходит к вульгарному анархизму, отсутствию порядка и какой-либо защиты граждан. Видимо, только ту власть можно признать позитивной, которая не вступает в конфронтацию с народом. Власть, не содействующая развитию экономики, стабильности и процветанию общества, сталкивается с интересами индивида. Противостояние подобной власти, способствующее подъему благосостояния граждан, утверждению нравственных ценностей, прогрессу, носит положительные черты. Протест против отдельных законоположений такой власти не всегда можно считать преступным... В этой ситуации общественно-опасными можно признать действия представителей власти”²³⁷.

Общественная опасность, по мнению Е. Б. Кургузкиной, должна определяться не только исходя из установлений уголовного закона, но из криминологического анализа подлинной опасности

для всего социума тех или иных криминализированных или некриминализированных деяний²³⁸.

“Преступление в криминологическом смысле (в отличие от легального определения и наряду с ним) — виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве такового законом. Мнимое преступление — деяние, необоснованно запрещенное законом под страхом уголовного наказания”, — утверждает профессор Д. А. Шестаков. — Предложенное нами криминологическое понимание преступления повлекло нас за собой дальше. Теперь мы говорим больше того и предлагаем парадоксальное понятие преступный закон...”²³⁹.

В некоторых определениях политической преступности подчеркивается элемент противоправности составляющих ее деяний. По мнению профессора Г. Н. Горшенкова, “политическая преступность — это совокупность уголовно-наказуемых деяний, избираемых в качестве средств достижения целей политического характера”²⁴⁰.

Дать уголовно-правовое определение политическому поведению крайне сложно. Термин “политическое преступление” весьма неохотно используется для криминализации деяний, исходя из соображения, что “в уголовном законодательстве демократического общества политическая мотивация не может быть криминализована”²⁴¹. Государства чаще признают наличие политической преступности в других странах, нежели у себя, и формулируют “экспортный” вариант этого понятия применительно к ситуации международного взаимодействия.

Я. И. Гилинский в этой связи пишет: “Преследование политической преступности в первом (уголовно-правовом) смысле слова само может быть преступным — как борьба преступного режима против политических оппонентов — реальных или же мнимых (вспомним практику гитлеровского и сталинского режимов)...Обычно лишь *post factum* реформированное государство или международные органы в состоянии дать более или менее объективную, более или менее непредвзятую оценку действий режима и его оппонентов (например, в случае с Пиночетом). И борьба индивидов против государства (режима), и борьба режима (монархического,

фашистского, советского) против оппозиции могут рассматриваться как “политическая преступность”: в первом случае с точки зрения действующего уголовного права (*de lege lata*), во втором случае — с позиции мирового сообщества, общечеловеческой нравственности, международных правовых актов. Каждый раз возникает проблема “точки отсчета”. Если руководство гитлеровской Германии было признано преступным в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, то аналогичная практика сталинского режима или режима Пол Пота осталась без юридической оценки”²⁴².

Многие криминологи допускают несколько интерпретаций понятия “политическая преступность”. Так, Г. Й. Шнайдер определяет его с трех разных углов зрения: “Наиболее узким из них является уголовно-правовой. Здесь под политической преступностью понимают все деликты, которые в уголовном кодексе обозначены как политические преступления: это измена миру, государственная измена, создание угрозы демократическому правовому государству, преступления против иностранных государств, деликты против конституционных органов и нарушающие порядок выборов и процедуры голосования, а также преступления, ослабляющие обороноспособность страны. Все эти деликты относятся к политической преступности. Согласно двум другим, более широким точкам зрения, практически каждый второй деликт можно причислить к политической преступности, даже если в уголовно-правовом отношении он таковым не является. По определению, с точки зрения психологии решающим моментом в этом оказывается мотивация преступника. Политические преступления совершаются с целью сохранения или изменения политической системы, распределения власти в ней и ее структурах с использованием преступных средств и методов. Подобное отграничение довольно нечетко, поскольку очень трудно выявить мотивы преступника. В гораздо большей степени адекватна действительности третья точка зрения, отражающая психо- и социо- динамическую реальность и сводящая все к определению того, в какой мере участники этого процесса (то есть преступник, жертва, общество и особенно его представители в контрольном процессе) придают состоявшемуся деликту политическое значение. Именно участники этого процесса определяют преступный характер деяния в момент его совершения и в последующем (при расследовании и в уголовном судебном процессе)

рассматривают как политический акт. Таким образом, политическими эти деяния делают их “значение” и их квалификация”²⁴³.

С. М. Иншаков рассматривает понятие “политическая преступность” в широком и узком смысле: “В узком смысле понятием охватываются преступления, совершаемые по политическим мотивам. В широком — все преступления, совершаемые в политической сфере, в области государственного и социального управления. Главным критерием отнесения преступлений к первой группе является политический мотив. Политический мотив как психологический феномен — явление достаточно сложное. Он может носить: идеологический характер (в основе лежат представления об общественном идеале, социальной справедливости, благе государства или социальной группы); религиозный характер (стремление к переустройству социума в соответствии с одной из религиозных доктрин); характер корысти или иной личной заинтересованности (карьеризм, месть, политические амбиции, властолюбие и т. п.)”²⁴⁴.

В. В. Лунеев предлагает исследовать политическую преступность с трех позиций: уголовно-правовой, мотивационной и оценочной. С уголовно-правовой точки зрения к политическим преступлениям относятся, прежде всего, некоторые насильственные преступления против основ конституционного строя. Мотивационный подход предполагает политическую мотивацию совершенных деяний. Он намного шире уголовно-правового, ибо по политическим мотивам могут быть совершены самые различные преступления: против жизни и здоровья (убийства, причинение вреда здоровью и др.); против свободы, чести и достоинства (похищение человека, незаконное лишение свободы и др.); против конституционных прав и свобод человека и гражданина (нарушение равноправия граждан, нарушение неприкосновенности частной жизни и др.); против общественной безопасности (терроризм, массовые беспорядки и др.); против основ конституционного строя и безопасности государства (государственная измена, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля и др.); против мира и безопасности человечества (публичные призывы к развязыванию войны, наемничество и др.) Оценочный подход предполагает придание политического значения совершенному преступному деянию не только самим преступником (что охватывается мотивационным подходом), но и жертвой, обществом и государством.

Это, по мнению В. В. Лунеева, наиболее широкий и наименее определенный критерий ²⁴⁵.

Все разновидности политической преступности В. В. Лунеев условно сводит к трем видам:

1) преступления, совершаемые по политическим мотивам отдельными лицами или группировками против легального конституционного строя или его законных представителей;

2) преступления, совершаемые по политическим мотивам отдельными лицами и группами лиц против своих политических конкурентов;

3) преступления, совершаемые правящей группировкой тоталитарных режимов против народа, отдельных партий, групп и конкретных лиц ²⁴⁶.

В российской криминологии широкое распространение получила выдвинутая профессором В. С. Устиновым концепция тоталитарной преступности. Тоталитарная преступность определяется как преступная деятельность государства по отношению к населению, которая признается таковой в соответствии с нормами международного права ²⁴⁷. Необходимо подчеркнуть, что в качестве криминологически значимого признака политической преступности рассматривается нарушение международного уголовно-правового запрета.

Развивая эту концепцию, профессор П. А. Кабанов характеризует политическую преступность как “вид общественно опасного поведения, запрещенного международным и (или) национальным уголовным законодательством, совершаемый субъектами политики в целях сохранения, изменения или прекращения деятельности государственных конституционных органов, политических общественных объединений, высших должностных лиц национального или иностранного государства, либо международного сообщества, либо видных общественных или политических деятелей, либо сохранения или изменения внешних или внутренних границ государства, а также полного или частичного уничтожения людей, либо их вытеснения с определенной территории по национальным, расовым, этническим, религиозным признакам или политическим убеждениям” ²⁴⁸.

Тоталитарная преступность определяется П. А. Кабановым как “совокупность организованных уголовно-наказуемых деяний,

совершенных высшими должностными лицами государства, направленных на ущемление прав и свобод граждан, социальных, религиозных, этнических, национальных групп, политических партий с использованием насилия или угрозы ее применения с помощью государственных институтов власти, в том числе и права, материальных, финансовых и иных ресурсов государства и его органов в целях сохранения, упрочения личной или групповой власти в государстве или группе государств, а также ее распределения в государственных или межгосударственных органах вопреки интересам общества”²⁴⁹.

Традиционному понятию “субъект преступления” П. А. Кабанов предпочитает термин “субъект политики”. В частности, политический терроризм характеризуется им как “совокупность насильственных уголовно-правовых деяний, совершаемых субъектами политики в целях изменения, прекращения деятельности конституционных органов государственной власти, высших должностных лиц государства либо видных политических деятелей (лидеров политических, религиозных, общественных объединений или международных организаций), либо изменения границ государства”²⁵⁰.

Особый интерес представляет выдвинутая П. А. Кабановым концепция “международной политической преступности”, понимаемой как “организованная политическая преступная деятельность высших должностных лиц государства или группы государств, лидеров общественных или религиозных организаций, направленная на умышленное совершение преступления против мира и безопасности человечества, для достижения политических целей, с использованием государственных или общественных структур, их материальных, финансовых и иных средств и ресурсов”²⁵¹.

По мнению П. А. Кабанова, “агрессия, геноцид, апартеид, (а также призывы к ним) являются формами наиболее общего явления насильственной международной политической преступности, которые характеризуются следующими общими для них признаками: применением вооруженного насилия на межгосударственном или внутригосударственном уровне или между национальными общинами; вовлечением большого количества как участников преступной деятельности, так и защитников (сторонников) прежнего миропорядка; большими размерами причиненного материального,

физического и морального ущерба личности, обществу и государству; большим количеством жертв от совершенного преступления или преступной деятельности; ограниченными возможностями воздействия на участников преступления или преступной деятельности со стороны международных организаций и мирового сообщества; использованием в целях совершения преступлений уже сложившихся государственных, муниципальных или общественных структур, их материальных, финансовых и иных средств и ресурсов; субъектами уголовной и политической ответственности за эти преступления являются высшие должностные лица государства или группы государств, руководители органов местной власти и самоуправления, лидеры общественных организаций (партий, союзов, блоков, движений и т. д.), то есть определенный круг субъектов политики²⁵².

При такой интерпретации понятие международной политической преступности ограничивается преступлениями, которые совершаются представителями государственной власти “с использованием государственных или общественных структур, их материальных, финансовых и иных средств и ресурсов”, то есть являются “преступностью власти”. Вне “международной политической преступности” оказывается международный терроризм — феномен, ставший в начале XXI века трагическим символом преступной политики и политического преступления.

Несмотря на значительную активизацию политико-криминологических исследований, сегодня еще рано говорить о существовании целостной концепции политической преступности. При том, что идеологические препятствия на пути ее создания, в основном, устранены, остаётся неразрешенным ряд принципиальных вопросов методологического характера.

В современных условиях особое значение приобретает исследование международной политической преступности — категории, концептуальное обоснование которой требует предварительной идентификации понятий “международная преступность” и “международное преступление”.

ГЛАВА 2 ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

§ 1. Международная преступность и международное преступление: идентификация понятий

Термин “международная преступность”, несмотря на его постоянное употребление в юридической и политической лексике, не имеет достаточно четкого и согласованного определения. Традиционно преступность рассматривалась как внутренняя проблема. Длительное время международные аспекты преступности не привлекали к себе достаточного внимания, как на политическом, так и на научном уровне. Исследованию феномена международной преступности, в значительной мере, препятствовало идеологическое лицемерие времен “холодной войны”, которое маскировало и мистифицировало это явление. Политическое значение проблемы служило оправданием исключения ее из круга научных исследований.

Международная преступность не является специфической чертой современности. Она имеет различные политические, экономические, исторические, религиозные корни и представляет собой феномен, который проявлял себя в разные времена и присущ разным культурам и обществам. За исключением тех ее видов, которые связаны с применением новейших технологий, все проявления международной преступности встречались в далеком прошлом. С увеличением мобильности преступников и развитием международного общения все большую активность проявляют такие формы преступлений, которые представляют опасность для многих государств.

Интернационализация преступности приводит к тому, что преступления все чаще оказываются в сфере разных государственных юрисдикций. Уже в 1881 году Л. А. Камаровский писал: “Одна из черт, характеризующих наш век, состоит в усилении и быстром

возрастании так называемого интернационализма, то есть сношений частных и государственных, которые, наподобие громадной сети, все крепче и более связывают народы между собой... Сношения между народами получили дотоле невиданные размеры, благодаря двум мировым открытиям: пара и электричества. Благодаря телеграфам мы становимся до некоторой степени соучастниками во всех событиях, где бы то ни было совершающихся на нашей планете. Все это требует признания безопасности лиц и товаров на всех артериях передвижения”²⁵³.

Понятие “международная преступность” развивалось, в первую очередь, в контексте полицейского сотрудничества. В 1889 году, по инициативе известных европейских юристов Ф. Листа, А. Принса, Г. Ван Гаммеля был учрежден Международный союз уголовного права. Участники его учредительного заседания констатировали появление “международной преступности” и призвали “изучать и подавлять” международные преступления путем проведения согласованных международных полицейских мероприятий. В 1905 году в Гамбурге на заседании другого международного объединения — Криминалистического общества — было принято обращение ко всем государствам создавать в своих полицейских системах центральные службы для борьбы с “международной преступностью”²⁵⁴.

С 14 по 20 апреля 1914 года в Монако состоялся Первый Международный конгресс криминальной полиции. Участники конгресса обратились к правительству Монако с просьбой взять на себя инициативу организации единого международного бюро идентификации международных преступлений.

В этот период термин “международная преступность” использовался в его традиционном криминологическом, а не каком-либо специфическом “международно-правовом” значении. Эпитет “международная” отражал транснациональный характер преступной деятельности, все более проявлявшийся под влиянием процесса интернационализации. Таким образом, понятие “международная преступность” базировалось на понимании международного преступления как правонарушения, выходящего за границы одного государства.

Начав свое существование в контексте полицейского сотрудничества, понятие “международная преступность” развивалось

в том же направлении. Для целей Интерпола международная преступность определяется как “преступление или преступная деятельность, которые выходят за пределы границ страны, или когда преступная деятельность за границей сказывается на других или различных странах”²⁵⁵.

Как писал в 1967 году Ж. Непот, бывший Генеральный Секретарь Интерпола, “в настоящее время почти все преступления, предусмотренные общим уголовным правом, имеют международную распространенность”, в силу чего “широко используемый термин “международная преступность” нельзя ограничивать какой-то специфической категорией правонарушений, определенных в праве”²⁵⁶.

К. С. Родинов справедливо отмечает: “Понятие “международная преступность”, в отличие от внутригосударственной, национальной преступности, в мировой правовой науке мало изучено. Вместе с тем этот термин используется часто и вольно. Он вошел в лексику работников полиции и специалистов Интерпола. Признавая условность термина, они не сомневаются в существовании явления, которое стало частью повседневной жизни людей”. Обращая внимание на то, что “вместо общеуголовной преступности в переработанном тексте устава указан иной объект борьбы Интерпола — международная преступность”, К. С. Родинов утверждает, что международная преступность в своей основной массе — явление общеуголовное ²⁵⁷.

Весьма распространено и прямо противоположное толкование, противопоставляющее “международную” и “общеуголовную” преступность. Такое противопоставление основано на дихотомии “международные” (понимаемые как политические) и “общеуголовные” преступления.

Известный советский криминолог П. И. Гришаев писал, что “понятие международного преступления, а, следовательно, и понятие международной преступности, появилось гораздо позже понятия преступности общеуголовной”²⁵⁸. По мнению П. И. Гришаева, “конструктивным признаком понятия международной преступности является “предусмотренность в качестве преступлений входящих в него деяний международными конвенциями и соглашениями, принятыми в соответствии с ними нормами национального уголовного законодательства и незыблемыми принципами международного

права”²⁵⁹. Рассматривая относительную массовость в качестве конструктивного признака преступности, П. И. Гришаев писал: “Хорошо известно, что преступность, если определять ее, не отрываясь от реальности, в конечном счете как количественно определенное явление, складывается из совокупности относительно массового числа преступлений, совершаемых относительно большим числом людей. Можно ли относительную массовость, понимаемую в этом смысле, перенести на понятие международной преступности? Полагаем, что можно, но с указанием определенных особенностей. По вполне понятным причинам круг деяний, образующих в совокупности понятие международной преступности, гораздо уже, чем круг общественно опасных деяний, запрещенных национальным уголовным законодательством”²⁶⁰.

В такой интерпретации международная преступность не только не отождествляется с общеуголовной, но и прямо противопоставляется ей. По мнению П. И. Гришаева, “международная преступность складывается из совершения совокупности предусмотренных международными конвенциями, договорами и соглашениями, национальным уголовным законодательством и незыблемыми принципами международного права преступлений, представляющих разную степень опасности для человечества и общепризнанных ценностей...”²⁶¹.

Такая трактовка понятия “международная преступность” вызывает серьезные возражения. Профессор А. Н. Трайнин, критикуя концепцию, основанную на том, что международными следует считать преступления, для борьбы с которыми заключены международные конвенции, указывал на то, что этот критерий явно недостаточен. “По своей юридической природе и по фактическому значению конвенции по борьбе с отдельными уголовными преступлениями являются одной из разных форм уголовно-правовой взаимопомощи государств, имеющей целью рационализацию борьбы с преступностью. Эта взаимопомощь государств не лишена практического значения, но она не связана непосредственно с проблемой интернациональных деликтов. Совершенно независимо от международного значения конвенций, в ряде случаев могут быть заключены конвенции для более эффективной борьбы с отдельными видами преступлений”²⁶².

А. Н. Трайнин подчеркивал, что выбор того или иного деликта в качестве объекта международных конвенций “диктовался не теоретическими соображениями о природе международных преступлений, а различными политическими мотивами: заинтересованностью одного государства или группы государств в борьбе с данными преступлениями, техническими удобствами организации этой борьбы и др.”²⁶³.

Нельзя не заметить, что “преступления по международному праву”, то есть деяния, криминализированные международным правом или нашедшие отражение в международных соглашениях, составляют лишь часть международной преступности. Объем понятия “международная преступность” зависит не от количества конвенций и числа их участников, а от объективных параметров преступности, выходящей за пределы одного государства, имеющей международные связи, причины и последствия. Развитие международной преступности значительно опережает процесс принятия международных соглашений. Знаменательно, что полицейское сотрудничество в рамках таких организаций, как Интерпол и Европол, не ограничено противодействием преступлениям, предусмотренным в конвенциях.

На Десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями отмечалось: “Технический прогресс, как правило, открывает новые возможности для совершения преступлений, что ведет к быстрому и непредсказуемому возникновению новых форм преступности. Быстрая эволюция преступности требует от национальных законодателей дальнейшего развития уголовного законодательства. Аналогичные требования предъявляются и на уровне международного сообщества. Однако на международном уровне вопросы материально-технического обеспечения и политические трудности являются более серьезными. Если национальные legislatures обычно обладают ясными и достаточно эффективными полномочиями, то для разработки международных законов необходим чуть ли не консенсус в отношении новых мер со стороны большого числа весьма различных стран. На международном уровне сложнее также изменить существующие меры, и для этого требуется больше времени. В силу этих факторов международному сообществу значительно труднее быстро и на коллективной основе реагировать на новые тенденции в области преступности”²⁶⁴.

Термины “уголовная преступность” или “общуголовная преступность” приобрели устойчивое применение. Они весьма охотно употребляются в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть неполитический характер преступлений, по поводу которых осуществляется международное взаимодействие.

В 1968 году Л. Н. Галенская, давая характеристику террористическим актам, затрагивающим международные отношения, писала, что они могут быть двух видов: “международные преступления” и “преступные деяния общуголовного характера”²⁶⁵. В примечании к первому разделу монографии “Международная борьба с преступностью”, озаглавленному “Сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью”, Л. Н. Галенская подчеркивает, что “работа не затрагивает вопросов международного сотрудничества в области борьбы с военными преступлениями”. Как видим, в понятие уголовной преступности Л. Н. Галенская не включала международно-правовые преступления, являющиеся основанием международной уголовной ответственности²⁶⁶. Такой же подход был проявлен в изданной в 1983 году монографии С. В. Бородина и Е. Г. Ляхова “Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью”²⁶⁷, а также исследовании Я. М. Бельсона “Интерпол в борьбе с уголовной преступностью”²⁶⁸.

Отмечая, что “реалии конца второго — начала третьего тысячелетия человеческой цивилизации приводят нас к выводу, что практически все преступления, предусмотренные общим уголовным правом, имеют международную направленность и в этом смысле теряют свой “общуголовный” характер”, Р. А. Каламаркян пишет: “В условиях высоких технологий во всех сферах человеческого бытия, транспарентности границ и все повышающейся взаимозависимости членов мирового сообщества предложение некоторых ученых-криминалистов отделить международную преступность от немеждународной (общуголовной, то есть преступности, охватывающей практически весь перечень деяний, предусмотренных общим уголовным правом и соответственно уголовным законодательством данной страны) исключительно традиционными методами — по составляющим его преступлениям — в силу объективных причин уже не может представляться адекватно отражающим суть предмета. Таким образом, уже недопустимо

ограничивать понятие “международная преступность” какой-то специфической категорией правонарушений, определенных в праве. Международная преступность становится в общей своей массе явлением общеуголовным. И вместе с тем, будучи присущей любому государству как следствие все возрастающей взаимозависимости стран мира и их стремления к объединению (по типу Европейского Союза), общеуголовная преступность обрела внешние черты и содержательные признаки международной. Соответственно можно говорить о транснациональной преступности, что и отражено в документах ООН”²⁶⁹.

Криминологическое определение международной преступности дает В. П. Панов, по мнению которого, международная преступность представляет собой “негативное социальное явление, причиняющее вред развитию человеческого общества и слагающиеся из всей совокупности совершенных в нем преступлений”²⁷⁰.

Комментируя этот тезис, О. Ю. Лихачева пишет: “Как нетрудно заметить, далеко не все преступления, совершаемые в обществе, одинаково для него опасны, тем более, далеко не всякое преступление может носить “международный” характер. Сам автор это прекрасно понимает и рассматривает в своей работе преступления, которые представляют собой опасность не только для отдельных государств, но и для всего человечества”²⁷¹. О. Ю. Лихачева дает следующее определение международной преступности: “Негативное социальное явление, причиняющее вред развитию человеческого общества, и слагающееся из угрожающих международному правопорядку и национальной безопасности преступлений, в борьбе с которыми необходимо сотрудничество между государствами. Структура международной преступности включает в себя международные преступления, преступления международного характера и общеуголовную организованную преступность”²⁷².

Следуя логике О. Ю. Лихачевой, можно прийти к выводу, что так называемые “преступления международного характера” не являются общеуголовными преступлениями, либо являются таковыми, но не имеют признака организованности (в любом случае, они не входят в понятие “общеуголовная организованная преступность”). Такая трактовка представляется непоследовательной.

Российский криминолог В. А. Номоконов утверждает, что понятие “международная преступность” является родовым. В него входят: международные преступления (наиболее тяжкие преступления, посягающие на мир и безопасность человечества), преступления международного характера (преступления, посягающие на нормальные отношения между государствами, ответственность за которые предусмотрена специальными международными соглашениями) и преступления с “иностранным элементом или с “международными связями” (обычные общеуголовные преступления, имеющие одну особенность — иностранный элемент)”²⁷³. “Преступность с иностранным элементом в последнее время все чаще именуется транснациональной преступностью”, — отмечает В. А. Номоконов²⁷⁴.

Как видим, трактовка термина “международная преступность” в современной юридической и политической лексике далеко не однозначна и находится в прямой зависимости от того, что понимается под “международным преступлением”.

Спектр событий, охватываемых понятием “международное преступление”, чрезвычайно широк — от агрессии и международного терроризма до ординарного преступления “с иностранным элементом”. Как отмечают Р. А. Каламкарян и Р. А. Мюллерсон, “когда в международно-правовых документах встречается термин “преступление”, это может означать: а) совершение физическими лицами уголовно наказуемых деяний, затрагивающих интересы нескольких государств, с которыми последние договариваются вести борьбу; б) наиболее тяжкие правонарушения, совершение которых влечет определение государства как преступного (например, агрессия); в) нарушение определенных международных стандартов в области защиты прав человека, которые государства должны соблюдать при разработке и применении норм своего внутреннего уголовного права (например, рекомендации об отмене или ограничении применения смертной казни)”²⁷⁵. При столь широком и неопределенном толковании термин “международное преступление” утрачивает юридически полезное значение и выглядит скорее этической, нежели правовой, категорией.

Упорядочение концепции достигается с помощью классификации международных преступлений. В советской юридической доктрине

общепризнанный характер получило разграничение “международных” преступлений и “преступлений международного характера”²⁷⁶. Такая классификация наиболее популярна в постсоветской юридической науке и в настоящее время.

Советские ученые, позиция которых во многом предопределялась официальной позицией государства, настаивали на принципиальном различии этих категорий преступлений. Так, С. В. Бородин, Е. Г. Ляхов с озабоченностью констатировали: “В настоящее время возникла проблема, связанная с попыткой уравнивать международные преступления, некоторые уголовные деяния и иного рода насильственные действия... Объединив эти виды деяний, будет нетрудно, как считают некоторые буржуазные авторы, использовать репрессивный аппарат в борьбе с революционными и освободительными движениями”. Таким образом, массовые революционные и освободительные выступления, чисто уголовные деяния и международные преступления пытаются объединить в одну общую группу”²⁷⁷.

“Разумеется, приравнивание преступлений против мира и человечности, военных преступлений к простым общеуголовным деяниям противоречит общепризнанным принципам современного международного права и, прежде всего, принципам ненападения, мирного сосуществования, уважения прав человека и другим”, — писал Р. М. Валеев²⁷⁸.

Несмотря на то, что многие события оценивались сквозь призму идеологических установок, в советской литературе появился ряд ценных исследований, связанных с проблемами международной преступности.

В 1979 году была опубликована работа известного советского криминолога И. И. Карпеца “Преступления международного характера”. Значительным событием стал выход в 1988 году книги “Международная преступность” того же автора. В предисловии к ней, написанном академиком В. Н. Кудрявцевым, содержится оговорка: “Название предлагаемой читателю книги условно. Строго юридически содержание ее выводит читателя за рамки тех преступлений, которые международное и внутреннее право считает таковыми... Читатель найдет в книге и анализ тех преступлений, которые уже

признаны мировым сообществом в качестве международных в строго юридическом смысле. Найдет он и описание тех преступлений, которые не возведены в ранг международных главным образом из-за различных идеологических позиций”²⁷⁹. Таким образом, уже в предисловии к монографии была обозначена дефиниционная неопределенность понятия международной преступности.

И. И. Карпец утверждал, что “международным преступлением или преступлением международного характера в современных условиях может быть признано только такое деяние, которое затрагивает коренные интересы всех народов и государств”²⁸⁰.

Преступления международного характера И. И. Карпец характеризовал как “преступные деяния, предусмотренные международными соглашениями, не относящиеся к преступлениям против человечества, но посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб международному сотрудничеству в различных областях отношений (экономических, социально-культурных, имущественных и т. п.), а также организациям и гражданам. Наказания за эти преступления чаще всего предусматриваются в национальном законодательстве. Эти преступления неоднозначны по своему характеру, некоторые из них находятся как бы на грани международных и просто уголовно наказуемых преступлений”²⁸¹. Таким образом, И. И. Карпец, рассматривая международную преступность как политический феномен, признавал ее политический характер.

Развивая эту концепцию, И. И. Карпец впоследствии дополнил ее понятием “международных преступлений, находящихся на стадии становления”, отнеся к ним терроризм, наемничество, расизм и расовую дискриминацию. “Эти виды преступлений сегодня достаточно распространены и опасны не только для международного правопорядка в конкретных регионах, но и для мирового сообщества в целом, — утверждал И. И. Карпец. — По конкретным видам этих преступлений имеются международные региональные соглашения. Несмотря на различие в их трактовке, все едины в том, что это — международные преступления. Соппротивление их официальному признанию идет от сил, противодействующих прогрессивному развитию международных отношений, международной законности и правопорядка”²⁸².

В отличие от этих преступлений, объект которых, как утверждают И. П. Блищенко, И. В. Фисенко, — международные отношения, жизненные интересы человечества — регулируется международным правом, непосредственный объект преступлений международного характера имеет общеуголовный характер в смысле внутреннего права. Преступления международного характера совершаются преступниками по своей инициативе, в целях реализации своего частного интереса. Ущерб международным отношениям наносится лишь постольку, поскольку это необходимо для достижения общего преступного результата... “По сути, это транснациональные преступления”, — заключают И. П. Блищенко и И. В. Фисенко²⁸³.

Критикуя концепцию Н. А. Ушакова, который, не придерживаясь столь строгого разграничения, использовал термин “уголовные преступления международного характера”²⁸⁴, И. П. Блищенко и И. В. Фисенко пишут: “Не касаясь самого термина “уголовное преступление” (это нонсенс), такое разделение носит искусственный характер и противоречит действующим международным актам, принятым в послевоенный период. Анализ этих международных актов, а также материалов их подготовки, позволяет сделать вывод о том, что не существует и не может существовать двух “одноименных” (по выражению Ушакова) понятий агрессии, геноцида, апартеида и т. д. Современное международное право и действующие международные акты исходят из того, что указанные “международные преступления” и “международно-правовые преступления”, влекут за собой “международную ответственность как государств, так и физических лиц”²⁸⁵.

Такую же позицию занимает профессор Р. А. Мюллерсон: “Если международное преступление совершается непосредственно государством и международная ответственность физических лиц часто есть форма политической ответственности самого государства, то преступления международного характера совершаются в основном только физическими лицами, а не государством. Ответственность государства за совершение физическими лицами преступлений международного характера может наступить только в случае невыполнения им своих договорных обязательств по борьбе с

преступлениями международного характера или непосредственного участия государственных органов (например, спецслужб) в этих преступлениях”²⁸⁶.

Украинский юрист-международник В. А. Василенко выделяет три вида международных правонарушений (ординарные международные правонарушения, опасные международные правонарушения, тягчайшие международные преступления²⁸⁷) и относит к категории тягчайших международных преступлений международные правонарушения, признаки которых, как правило, четко сформулированы в международных договорах, соглашениях и иных актах, играющих особо важную роль в системе норм международного права. Они влекут за собой не только ответственность государства, но и международную ответственность виновных должностных лиц²⁸⁸. Такой же классификации придерживается А. И. Дмитриев²⁸⁹.

“В украинской науке международного права международно-правовые нарушения по характеру последствий и степени опасности делят на три вида: тягчайшие международные преступления; серьезные международные правонарушения; ординарные международные правонарушения. Наиболее тяжкие международные преступления — это такие международные правонарушения, которые ставят под угрозу уничтожения существующий международный порядок, затрагивают права и интересы всего мирового сообщества, как правило, осуществляются с неправомерным применением вооруженных сил, иных неправомерных принудительных мер, ставят под угрозу существование государства и т. п.” — пишут А. В. Задорожный, В. Г. Буткевич, В. В. Мыщик²⁹⁰. Из сказанного можно сделать вывод, что понятием “наиболее тяжкие международные преступления” охватываются деяния государств и индивидов.

Эта концепция поддерживается многими украинскими учеными. Профессор Е. Л. Стрельцов утверждает: “В соответствии с принятой в международном праве классификацией, уголовная ответственность физических лиц наступает за совершение таких преступлений:

1) международные преступления, ответственность за которые физически лица несут только при условии, что их деяния связаны с преступной деятельностью государств...;

2) за совершение преступлений международного характера...”²⁹¹.

В отношении преступлений международного характера Е. Л. Стрельцов замечает: “В целом эти преступления не имеют непосредственной связи с преступной деятельностью конкретного государства, как преступления, указанные в предыдущей группе. Но в то же время они посягают на международный и национальный правопорядок, на мирное сотрудничество государств в сфере экономики, торговли, права и свободы человека, интересы юридических лиц. Все это позволяет говорить, что они являются общественно опасными для многих государств. В то же время в масштабе одного государства очевидно невозможно осуществить весь комплекс мер по противодействию таким преступлениям... По своей юридической природе данные преступления в отличие от международных преступлений являются достаточно “обычными”, однако в них присутствует “иностраннный элемент”²⁹².

Анализируя особенности преступлений международного характера и их отличие от международных преступлений, Е. Л. Стрельцов отмечает следующее:

“а) государство за совершение преступлений международного характера гражданами ответственности не несет. Уголовной ответственности подлежат только физические лица на основе международных соглашений, но по уголовным законам другого государства. При этом государство-участник соглашения по борьбе с такими преступлениями должно трансформировать нормы конкретной конвенции в свое уголовное законодательство;

б) преступления международного характера осуществляются на территории нескольких государств, либо их соучастниками являются иностранцы, либо последствия преступлений проявляются за границами государств, в которых они были осуществлены...;

в) конвенционность, это значит, что необходимо международное соглашение, устанавливающее преступность и наказуемость конкретного деяния;

г) эти преступления в целом неоднородны по своему характеру и по содержанию. Часть из них находится как бы на границе с “обычными” преступлениями, которые предусмотрены в уголовном законодательстве других государств...”²⁹³.

Современная терминология, используемая для обозначения функционирующего в сфере международного права понятия

преступления, не отличается единообразием. Как пишет В. П. Панов, в различных источниках “преступление международного характера” именуются по-разному: “международные уголовные преступления”, “уголовные преступления международного характера”, “международные преступления уголовного характера”, “конвенционные преступления”, “транснациональные преступления” и т. п.”²⁹⁴.

По мнению В. П. Панова, эти различия носят терминологический характер и перечисленные названия фактически являются синонимами: “Указанные преступления чаще всего посягают на внутригосударственный, национальный порядок. Одновременно они затрагивают интересы других стран или международного сообщества, подрывая основы сотрудничества государств и другие стороны международных отношений. По своей юридической природе они в своем большинстве могут быть отнесены к общеуголовным преступлениям, осложненным “иностраннным элементом”. Таким образом, В. П. Панов отождествляет понятия “преступление международного характера”, “общеуголовные преступления, осложненные “иностраннным элементом” и “транснациональные преступления”²⁹⁵.

Такого же мнения придерживается Ю. В. Трунцевский: “Что касается преступлений международного характера, то в международном праве пока нет единого термина для обозначения этих правонарушений. Поэтому в различных источниках можно встретить такие определения, как “международные общеуголовные преступления”, “преступления, нарушающие международный правопорядок”, “конвенционные преступления” и т. д. Существенного значения название для этой группы преступлений не имеет, тем более, что за каждым из них стоят одни и те же составы преступлений. Мы считаем, что к преступлениям международного характера относятся уголовные преступления, в отношении которых заключены многосторонние международные соглашения...”. “Можно сделать вывод, — продолжает Ю. В. Трунцевский, — что преступления международного характера — это деяния, так же, как и международные преступления, посягающие на международный правопорядок, но в иных, меньших масштабах и затрагивающие не фундаментальные основы международных отношений, а только какую-

либо их отдельную сторону. Ответственность за такие преступления наступает в соответствии с международными соглашениями (иногда носящими региональный характер) и национальным законодательством. К специальной группе преступлений (у нас — третьей), являющихся объектом озабоченности международного сообщества, условно можно отнести преступления, составы которых не вошли в понятие международных преступлений или преступлений международного характера. Это уголовные преступления, выходящие за пределы какого-нибудь одного государства и приобретающие международный характер лишь в конкретной ситуации в связи с появлением в составе преступления международного “иностранного” элемента (хищения, мошенничество, похищения детей и т. д.). По поводу подобных преступлений между государствами заключаются двусторонние соглашения о правовой помощи (или региональные соглашения), направленные на пресечение попыток преступников скрыться от правосудия за рубежом, а также на недопущение сбыта похищенного или “отмывания” преступных доходов за границей, кражи и контрабанда, грабежи на международном железнодорожном и автомобильном транспорте и др.”²⁹⁶.

Сравнивая термины “преступления против международного права”, “преступления согласно международному праву”, “преступления против мира”, “военные преступления”, “преступления против человечества”, “преступления против мира и безопасности человечества”, С. В. Черниченко отмечает, что их юридическая природа в контексте соответствующих документов одна и та же, а именно: во всех случаях имеются в виду действия индивидов. В этом он видит их основное отличие от действий, рассматриваемых как преступление государства. Преступления против международного права (преступления согласно международному праву) следует рассматривать как действия индивидов, представляющие опасность в международном масштабе, которые признаются государствами преступными и требующими объединения усилий для борьбы с ними. Они включают в себя преступления против мира и безопасности человечества²⁹⁷.

Словосочетание “уголовные преступления международного характера”, наряду с термином “преступление международного характера”, получило широкое распространение. Им обозначают

преступления, которые “не только посягают на национальный правопорядок, но и затрагивают интересы международного сообщества, подрывают основы сотрудничества и другие стороны межгосударственных отношений”, относя их к “общегуголовным преступлениям, осложненным “иностранным элементом”²⁹⁸. По мнению А. Г. Богатырева, международный характер такого рода преступлений состоит, прежде всего, в том, что они связаны с “международным”, “иностранным” элементом²⁹⁹.

“Международные преступления делятся на преступления, которые посягают на международный мир и безопасность народов и общегуголовные преступления международного характера”, — утверждает украинский юрист-международник Л. Г. Заблоская³⁰⁰, характеризуя “общегуголовные преступления международного характера” как “определенные категории общегуголовных преступлений, совершение которых связано с последствиями, которые выходят за границы отдельного государства”³⁰¹.

Нельзя не заметить, что многие авторы используют одни и тот же термины для обозначения различных по своей юридической природе преступлений и различные термины для обозначения одних и тех же преступлений. Можно сказать, что, в определенном смысле, понятия “международное преступление” и “международная преступность” существуют автономно друг от друга. Действительно, если под международными преступлениями понимать только те деяния индивидуумов, ответственность за которые наступает по международному праву, получается, что их совокупность не образует того понятия, которое традиционно обозначается как “международная преступность”. Очевидно, что “международная преступность” не ограничена этой категорией преступлений. Более того, даже расширение понятия “международное преступление” до всех деяний, относительно которых заключены международно-правовые соглашения, не позволяет согласиться с тем, что их совокупность являет собой “международную преступность”. Таким образом, получается, что совокупность международных преступлений не образует международной преступности, а международная преступность состоит из “немеждународных” преступлений.

Отсутствие четких критериев классификации преступлений как “международных” и “преступлений международного характера” серьезно подрывает целостность концепции, претендующей на общепризнанность. Наряду с этой классификацией существуют иные подходы к понятию и типологии международных преступлений.

И. И. Лукашук и А. В. Наумов в своих совместных трудах рассматривают международное преступление как “виновное нарушение индивидом нормы международного уголовного права”. Такое преступление, по мнению этих авторитетных ученых, требует наличия международного элемента, который может заключаться в самом характере противоправного деяния, в объекте или результате. Так, преступление может быть направлено против общих интересов мира и безопасности или посягать на более ограниченные интересы, например, отдельного иностранного государства³⁰².

Отказываясь от традиционной классификации, И. И. Лукашук и А. В. Наумов делят международные преступления на два основных вида. К первому относятся преступления по международному праву (точнее — по общему международному праву). В силу того, что преступность соответствующих деяний установлена общим международным правом, уголовная ответственность за их совершение возникает независимо от места совершения. Международный уголовный суд и суды государств вправе осуществлять правосудие непосредственно на основе норм международного права. Ко второму виду международных преступлений относятся преступления конвенционные, состав которых установлен международными конвенциями. Поэтому сферой их действия является сфера юрисдикции лишь участвующих государств³⁰³.

Преодолевая односторонность трактовок, отождествляющих международную и общеуголовную преступность, либо противопоставляющих их друг другу, И. И. Лукашук и А. В. Наумов предлагают широкое толкование понятия “международная преступность”: “Ядро международной преступности составляют международные преступления. Однако если для последних термин “международное” имеет строго юридическое содержание, то в понятии международной преступности он достаточно условен. Дело в том, что международные преступления почти никогда

не совершаются в чистом виде (только как нарушение норм и принципов международного права). Они связаны с совершением “обычных”, то есть немеждународных преступлений, в первую очередь насильственных (например, умышленных убийств), “коррупционных” (подкупа соответствующих должностных лиц) и корыстных (всевозможного рода хищений в громадных масштабах). Свой международный характер они приобретают в связи с транснациональным характером этих преступлений, а потому термин “международные преступления” включает и транснациональную преступность, предполагающую совершение общеуголовных преступлений на территории не одного, а двух или более государств, а также участие в них граждан нескольких государств”³⁰⁴. Такая интерпретация понятия “международная преступность” выглядит более чем убедительной.

Международная преступность может носить как политический, так и неполитический характер. Отождествление общеуголовной, то есть неполитической, и международной преступности представляется ошибочным в той же мере, как и их противопоставление. Международная преступность, безусловно, весьма политизирована, что не может являться препятствием международно-правового и полицейского сотрудничества в противодействии ей. Политическое и преступное не исключают друг друга.

§ 2. Основные параметры и виды международных преступлений

Международная преступность представляет собой сложное, многоуровневое системное явление, элементы которого имеют значительную специфику. Приведенные выше классификации международных преступлений, при их несомненной научной ценности, не исключают существования иных типологий. В качестве одного из возможных подходов к исследованию и категоризации феномена международного преступления является классификация, основанная на двух существенных параметрах: криминальности и юрисдикции.

То обстоятельство, что деяние подпадает под юрисдикцию двух и более государств, отражает международную распространенность

преступления и/или динамизм преступника как объективное свойство преступной деятельности и постпреступного поведения лица; а криминализация такого деяния является формальным фактором, отражающим источник уголовно-правового запрета, нарушенного преступлением³⁰⁵.

Совокупность значимых в международном плане преступных деяний формирует международную преступность. Объем понятия “международное преступление” предопределяется, прежде всего, международно-признанным характером защищаемых ценностей.

Концепция международных преступлений в широком смысле охватывает все преступления, которые влекут за собой возникновение правового интереса международно-правового значения³⁰⁶.

Под международным преступлением в этом контексте понимаются запрещенные национальным или международным уголовным правом социально опасные деяния, подлежащие солидарному уголовному преследованию государств. Степень солидарности государств в уголовном преследовании преступлений может быть различной. Соответственно, существуют различные градации понятия “международное преступление”.

Как отмечал Н. А. Захаров (1917), “охрана личности и её интересов в сфере международно-правовых отношений путем издания и действия известных карательных норм достигается тремя путями: 1) созданием специальных писанных и обычных норм международного права; 2) международными соглашениями, обязывающими национальный закон государства карать нарушителей условий этих соглашений; 3) организацией оказания международной помощи одним государством другому в деле осуществления наказания за совершенное преступление³⁰⁷.”

Этим высказыванием Н. А. Захаров обозначил различные трактовки самого понятия “преступление”, лежащего в основе концепции международного уголовного права: 1) преступление “создаваемое” нормами международного права; 2) преступление, “создаваемое” национальным законом под воздействием международного права; 3) преступление, являющееся основанием для оказания государствами взаимной международно-правовой помощи в осуществлении уголовной репрессии.

“Преступное деяние не есть абстрактная формула, а жизненное понятие, вредное и опасное для лица и общества, а потому и воспрещенное законом”, — писал профессор Н. С. Таганцев (1902)³⁰⁸.

В международно-правовом контексте социальная опасность характеризуется как международная, главным образом, с точки зрения ее распространенности на интересы, охраняемые правовой системой более чем одного государства. Распространенность общественной опасности весьма трудно поддается правовому измерению, в силу чего малопригодна для международно-правовой дефиниции. Выражением вовлеченности государства в правоотношения, порождаемые преступлением, является категория юрисдикции.

Существуют различные трактовки понятия “юрисдикция”³⁰⁹. Не вдаваясь в их обсуждение, заметим, что в интересующем нас контексте под юрисдикцией понимаются полномочия принимать законы относительно лиц, имущества или событий (законодательная юрисдикция), полномочия судов государства рассматривать дела и выносить решения в отношении лиц, имущества или событий (судебная юрисдикция), и полномочия на принуждение (юрисдикция принуждения)³¹⁰.

С юридической точки зрения опасность деяния для двух и более стран означает, что преступная деятельность оказывает воздействие или как-либо иначе затрагивает социальные учреждения и интересы граждан двух или более государств. Такая причастность образует связь, которая является основанием для юрисдикции государства по отношению к этому деянию и является существенной для международно-правовой интерпретации термина “международное преступление”.

Так, если преступление совершено на территории нескольких государств, эти государства имеют юрисдикцию над ним в соответствии с принципом территориальной юрисдикции; если оно совершено иностранным гражданином, то наряду с территориальной юрисдикцией, которой обладает государство места совершения преступления, возможна юрисдикция государства гражданства (активный принцип гражданства); если от преступления пострадал иностранный гражданин, может возникнуть вопрос о юрисдикции

государства гражданства потерпевшего (пассивный принцип гражданства). Значительно расширяет количество государств, имеющих юрисдикцию по отношению к преступлению, защитный принцип юрисдикции, согласно которому государству позволено подвергнуть наказанию за действия, которые наносят ущерб его безопасности, даже если они содеяны иностранцами за границей.

В отличие от внутригосударственного права, где преступлением является только то, что запрещено законом, международное преступление (в широком значении) представляет собой поведение, относительно которого далеко не всегда существует международно-правовой запрет. Принцип "*nullum crimen sine lege*" не может быть интерпретирован как "нет международного преступления, не предусмотренного международным правом".

Международные преступления как составляющие международной преступности являются, преимущественно, национальными по формальному признаку, поскольку включают в себя противоправные деяния, запрещенные и наказуемые национальным правом. Идентификация их как преступлений, судебное разбирательство и наказание преступников осуществляются государством.

Под влиянием международного права происходит унификация национального законодательства, но только внутригосударственное право способно криминализировать деяние, не являющееся основанием международной уголовной ответственности и не подпадающее под международную уголовную юрисдикцию.

Таким образом, понятием "международных преступлений" охватываются две различные по характеру криминализации группы противоправных деяний:

1) деяния, криминализированные национальным уголовным правом (в случае, если они подпадают под юрисдикцию не менее чем двух государств);

2) деяния, криминализированные международным правом.

Если, по элементарному определению, национальная преступность — это совокупность деяний, запрещенных национальным правом, то сказать, что международная преступность — это совокупность деяний, запрещенных международным правом, нельзя. Деяния, прямо запрещенные международным правом, то

есть международно-правовые преступления, представляют собой только часть международной преступности³¹¹. С формальной точки зрения большинство международных преступлений — это деяния, криминализованные не международным, а национальным правом, однако имеющие интернациональную распространенность.

Криминализация — определение сферы уголовной репрессии — является выражением законодательной юрисдикции государства и представляет собой логическое следствие национального суверенитета. Несмотря на то, что деяния, относящиеся к первой группе, являются формально национальными преступлениями, международное право не остается безразличным к осуществлению мер уголовной репрессии по отношению к лицам, совершившим эти деяния. Без посторонней помощи отправлять свою судебную деятельность государство может только в тех пределах, в которых ему принадлежит принудительная власть. Вне этих пределов оно нуждается в содействии других государств.

Исходя из классического определения, согласно которому преступление — это деяние, преступность и наказуемость которого установлены уголовным правом, можно сказать, что, соответственно, относящиеся ко второй группе международные преступления — это деяния, преступность и наказуемость которых установлены международным правом, то есть деяния, криминализованные международным правом.

Международно-правовая криминальность выражена в примате международного признания преступности деяния перед положениями национального права. Такие деяния непосредственно нарушают нормы международного права и существуют вне зависимости от наличия уголовно-правового запрета в национальном праве. Они могут быть условно названы международно-правовыми, поскольку являются таковыми по природе уголовно-правового запрета: ответственность эти деяния возникает по международному праву независимо от того, отражен ли состав таких преступлений в законах государства, под юрисдикцию которых оно подпадает. Точнее, однако, их было бы называть международно-противоправными.

Органы международной уголовной юстиции и национальные суды вправе осуществлять правосудие непосредственно на основе норм международного права.

Международная юрисдикция распространяется на преступления, являющиеся основанием международной уголовной ответственности. В значительной мере, международно-правовая криминализация осуществляется путем подчинения определенных деяний международной юрисдикции. В предметной юрисдикции органов международной уголовной юстиции проявляется диалектическая взаимосвязь между характером криминализации и характером юрисдикции.

Деяние, квалифицируемое как международное преступление, может обладать свойством двойной криминальности (признаваться преступным в каждом из двух взаимодействующих государств), либо множественной криминальности (признаваться преступным не менее чем в двух государствах, под юрисдикцию которых подпадает), либо международной криминальности (то есть быть криминализированным международным правом).

Сочетание множественной (“двойной” и более) либо международной криминальности и множественной (“двойной” и более) либо международной юрисдикции позволяет выделить в структуре международной преступности три категории международных преступлений:

- 1) международные экстрадиционные преступления;
- 2) транснациональные преступления (национальные по характеру уголовного запрета и межнациональные по характеру юрисдикции);
- 3) международно-правовые преступления.

Рассмотрим каждую из этих категорий преступлений.

А. Международные экстрадиционные преступления

Первой формой взаимодействия государств по поводу осуществления уголовной репрессии явилась выдача предполагаемых преступников, и соответственно, первой категорией преступлений, которые могут быть названы международными, являются экстрадиционные преступления, то есть преступления, влекущие выдачу. Существование этой категории международных преступлений обусловлено динамизмом преступника и взаимодействием государств в применении мер уголовной репрессии.

Профессор М. Ш. Бассиони справедливо отмечает, что проблема выдачи, является, в первую очередь, вопросом юрисдикции³¹². Юрисдикция запрашиваемого государства основана на его территориальном верховенстве, которое не может быть нарушено

либо ограничено другим государством. Добровольность выдачи заключается в том, что запрашиваемое государство передает свои полномочия по отношению к запрашиваемому лицу без принуждения. Передача лица под принуждением, явным или скрытым, является нарушением суверенитета государства.

Вопрос о взаимодействии государств в форме экстрадиционного производства возникает при совпадении, как минимум, двух юрисдикций:

1) судебная юрисдикция (или юрисдикция в отношении деяния) государства, требующего выдачи;

2) юрисдикция принуждения (или юрисдикция в отношении лица) государства, в пределах которого находится преследуемое лицо.

Экстрадиционная процедура носит характер двухюрисдикционного процесса. Экстрадиция, независимо от того, производится она на основе соглашения или принципа взаимности, предполагает, что запрашивающее государство заинтересовано в осуществлении своей юрисдикции над индивидуумом, в то время как запрашиваемое государство такой заинтересованности не имеет. Лицо, таким образом, находится вне юрисдикции того государства, которое имеет достаточные основания для осуществления своей юрисдикции над данным лицом в связи с совершенным преступлением.

Экстрадиция — это процесс, посредством которого запрашиваемое государство, имеющее реальную юрисдикцию над лицом, находящимся на его территории, формально отказывается от своей юрисдикции по отношению к индивидууму, путем передачи его на территорию запрашивающего государства, в сферу территориального верховенства последнего, для осуществления уголовного преследования.

Для осуществления выдачи недостаточно, чтобы были установлены полномочия, то есть, чтобы одно государство имело право требования, а второе имело возможность исполнить это требование. При наличии “двойной юрисдикции” преступление может рассматриваться как экстрадиционное преступление только в том случае, если присутствует и “двойная криминальность”, то есть оно признается преступлением по законодательству как запрашивающего, так и запрашиваемого государств. Таким образом, деяние является международным экстрадиционным преступлением

в ситуации совпадения юрисдикции двух государств (“двойная юрисдикция”) и криминальности деяния (“двойная криминальность”).

Согласно **принципу двойной криминальности** (или двойного вменения) выдача осуществляется только в том случае, если инкриминируемое выдаваемому лицу деяние криминализовано законодательствами обоих государств — того, которое запрашивает выдачу, и того, у которого запрашивается выдача. Это первое требование, ограничивающее круг влекущих выдачу преступлений.

Принцип двойной криминальности долго оспаривался (и оспаривается ныне)³¹³, но в целом сформировался уже в конце XIX века. “Это положение, определенно высказанное в большинстве договоров о выдаче, заключенных разными государствами, находится в противоречии с принципиальным представлением о выдаче, как акте судебной помощи, — отмечал Ф. Лист. — Эта последняя предполагает только, что требующее государство, вследствие совершенного в нем преступления, имеет право на наказание преступника, государство же, которому предъявляется требование о выдаче, должно оказать ему помощь при осуществлении этого его права³¹⁴.”

Начиная с середины XIX века, принцип двойной криминальности находит отражение в экстрадиционных соглашениях и внедоговорной практике выдачи. В Оксфордской резолюции Института международного права принцип двойной криминальности был зафиксирован как общепризнанный. Статья XI резолюции гласила: “По общему правилу, следует требовать, чтобы деяния, к которым приложима выдача, были караемы по законам обеих стран, кроме случая, когда, в силу особых учреждений, или географического положения страны убежища, в ней не могут проявиться фактические стороны преследуемого деяния”³¹⁵.

Экстрадиция основана на взаимности, и “двойная криминальность” гарантирует каждому из участвующих в процессе выдачи государств, что ни одно из них не сможет использовать свою принудительную власть для того, чтобы подвергнуть человека уголовному наказанию за деяние, которое не является для выдающего государства преступлением. Таким образом, принцип двойной криминальности является выражением взаимности, лежащей в основе всей структуры выдачи. “Выдача может требоваться государством, компетентным

в произнесении приговора над преступлением, а компетенция эта должна покоиться не только на собственном законодательстве, но и на праве выдающего государства”, — утверждал А. Ривье (1893)³¹⁶.

Двойная криминальность может рассматриваться как проявление принципа законности, выражаемого в формуле “*nullum crimen, nulla poena sine lege*”. Он выполняет функцию обеспечения прав человека, поскольку препятствует ограничению его свободы вследствие нарушений, не признанных преступными в одном из взаимодействующих государств.

“В судебной практике стран “общего права” не раз утверждалось, — пишут И. И. Лукашук, А. В. Наумов, — что принцип двойной криминальности является договорным, а не принципом общего международного права. Подобная позиция юридически уязвима, она противоречит общему принципу уголовного права “нет наказания без закона”. Если право выдающего государства не квалифицирует деяние как преступное, то едва ли можно оправдать выдачу. Еще более парадоксально выглядит ситуация, когда страна запрашивает выдачу лица за деяние, которое не считается преступлением по ее праву”³¹⁷.

Современные договоры, содержащие положения об экстрадиции, как правило, подтверждают этот принцип³¹⁸. Он указывается либо подразумевается в большинстве экстрадиционных соглашений. Некоторые договоры содержат условие двойной криминальности только в отношении определенных преступлений, например, финансовых. Судебная практика, преимущественно, идет по пути применения этого принципа даже при отсутствии явно выраженного условия в договоре³¹⁹.

Таким образом, категория экстрадиционных преступлений формируется из деяний, квалификация которых как преступных совпадает в национальном праве взаимодействующих государств.

Следует отметить, что, несмотря на возрастающую степень сходства уголовного законодательства многих стран, этот принцип не утрачивает своего значения. Достаточно очевидно это иллюстрируется сравнением законодательства разных стран, касающегося деяний типа эвтаназии, самоубийства, прелюбодеяния³²⁰. Для функционирования института экстрадиции каждая сторона должна развить понимание закона и правовой системы другой стороны. Нужно идти дальше перевода определенных терминов соглашения

и развивать понимание практического и концептуального значения терминологии соглашения в контексте внутригосударственного права и процедуры другой стороны³²¹.

Возможны, как минимум, два подхода к интерпретации принципа двойной криминальности: конкретный и абстрактный.

Первый подход — конкретный — основан на требовании тождественности наименований преступления в законах взаимодействующих государств и строгого толкования его юридических элементов. Согласно второму подходу, двойная криминальность основывается на признании преступности деяния независимо от того термина, которым оно обозначается, и полного соответствия его элементов в законодательстве взаимодействующих стран.

При следовании первому подходу, за пределами возможностей экстрадиции остается значительное количество серьезных преступлений, имеющих различное отражение в юридической терминологии государств. Очевидно, интерпретация “*concreto*” более благоприятна для правонарушителя, потому что создает значительные препятствия для уголовного преследования.

В связи с этим многие авторы отмечают, что “двойное вменение” не означает абсолютной тождественности содержания и наименования законов, устанавливающих преступность деяния в соответствующих государствах. Юридическое название преступления может быть различным. Достаточно, если действия, содержащие преступление в требующем государстве, составляют преступление и в стране, в которой беглец скрывается³²².

Не существует четкого ответа относительно того, какая из моделей интерпретации практически преобладает. В общих чертах, страны с немецкой традицией права (ФРГ, Австрия, Швейцария) преимущественно, имеют тенденцию к конкретной интерпретации, страны французской традиции проявляют тенденцию к абстрактной интерпретации³²³.

Не всякое международное преступление, отвечающее требованиям двойной юрисдикции и двойной криминальности, способно повлечь выдачу. Выделение из общей массы таких преступлений с иностранным элементом правонарушений особой категории экстрадиционных преступлений осуществляется

применением двух методов — метода перечисления (*enumerative*) и ограничительного (*eliminative*) метода. Иногда применяется их комбинация. Использование любого метода существенно дополняется принципом исключения, который состоит в том, что из числа экстрадиционных преступлений исключаются деяния, отвечающие определенным характеристикам, прежде всего, политические.

Как подчеркивает Х. Шульц (*Schultz*), бесспорным принципом является то, что только серьезные преступления могут быть основанием для выдачи. Причина такого ограничения носит, в первую очередь, чисто технической характер: процедура выдачи является длинной, тяжелой и дорогостоящей ³²⁴. При том, что значительное распространение имеет внедоговорная практика выдачи, диапазон экстрадиционных преступлений, преимущественно, регламентируется международными соглашениями. Экстрадиционным преступлением потенциально является “преступление с иностранным элементом”, отвечающее “тесту тяжести” и соответствующее экстрадиционной номенклатуре.

Итак, **экстрадиционные** преступления представляют собой деяния, запрещенные уголовными законами взаимодействующих государств, то есть являются по своей природе национально-правовыми. Вместе с тем они имеют не только национально-правовые, но и международно-правовые параметры, что является убедительным доказательством правомерности их идентификации как международных преступлений.

“Национальные” политические преступления, не связанные с насилием, как правило, исключаются из категории экстрадиционных даже в том случае, если обладают свойством двойной криминальности, то есть запрещены уголовным правом как запрашивающей, так и запрашиваемой стороны.

В. Транснациональные преступления

Преступление не знает границ, а преступники мало обеспокоены соображениями соблюдения государственного суверенитета. В этом смысле можно сказать, что преступление, пересекающее границы, является международным. В то же время возможности принудительного применения внутригосударственного права ограничиваются территорией государства. Категория транснациональных преступлений относится к национальным

по формальному признаку: входящие в ее состав деяния криминализированы национальным уголовным правом и подпадают под национальную уголовную юрисдикцию. Они являются основанием для привлечения лица к уголовной ответственности согласно внутрисударственному праву.

Именно национальное сообщество — государство — устанавливает перечень деяний, рассматриваемых в качестве преступления и предусматривает санкции за их совершение. Это — логическое следствие принципа национального суверенитета. В этом смысле международное преступление национально³²⁵. Для того, чтобы избежать внешне парадоксального, хотя и верного по существу, словосочетания “международное национальное преступление”, в международно-правовой лексике получил распространение термин “транснациональное”, или “межнациональное”, преступление.

Понятие “транснациональное преступление” представляет собой широкую концепцию, включающую в себя различные виды преступлений, которые, в основном, могут быть отнесены к категориям организованной преступности, корпоративных преступлений, профессиональных и политических преступлений, причем иногда к нескольким категориям одновременно³²⁶. Традиционно фактор пересечения границ преступниками или проявление результатов их противоправных действий за пределами страны — места их совершения — рассматривается как обязательный компонент функционирования транснациональной преступности, находящейся в подвижном, динамичном состоянии³²⁷. Пересечение может заключаться в передаче информации, то есть быть “виртуальным”, а не физическим.

Стандартное определение транснационального преступления, используемое в докладе о результатах четвертого Обзора ООН по вопросу о тенденциях в области преступности и функционировании систем уголовного правосудия, содержит акцент на транснациональном характере преступной деятельности и состоит в следующем: “Правонарушение, охватывающее — в аспектах, связанных с планированием, совершением и/или прямыми или косвенными последствиями более чем одну страну”³²⁸. Национальные по характеру уголовно-правового запрета, такие преступления являются международными по характеристике преступной

деятельности и/или участвующих в ней субъектов, в силу чего они подпадают под юрисдикцию более чем одного государства.

Понятие “транснациональное преступление” отражает международный характер преступной деятельности при национальном происхождении уголовно-правового запрета. Первый вопрос, который возникает при такой его интерпретации, состоит в том, достаточно ли наличия уголовного запрета одного государства для того, чтобы, при наличии свойства транснациональности, оно рассматривалось как транснациональное преступление.

По этому вопросу высказываются различные мнения. Так, Дж. М. Мартин (*Martin*) и Э. Т. Романо (*Romano*) полагают, термин “преступление” в данном случае означает, что поведение виновных лиц рассматривается как нарушение его уголовного закона, по меньшей мере, в одной из вовлеченных стран. Любое деяние, нарушающее национальное уголовное право, можно рассматривать как преступление. Следовательно, если деяние, имеющее свойство транснациональности, запрещено уголовным законом хотя бы одной страны, оно является и “транснациональным”, и “преступлением”³²⁹.

Несмотря на кажущуюся безупречность этого рассуждения, оно вызывает серьезные возражения. С учетом международного характера преступления и национального характера уголовного права бывший Генеральный Секретарь Интерпола Андре Боссард (*Bossard*), называет следующие конститутивные элементы международного преступления этой категории:

1) транснациональное преступление связано с пересечением государственных границ людьми (преступниками — в процессе совершения преступления или после его совершения — с целью скрыться от правосудия; жертвами — в случае захвата заложников, торговли людьми и т. п.); перемещением предметов (огнестрельное оружие, наркотики, вещи, добытые преступным путем) или денег (отмывание доходов, хищение с помощью компьютерной связи) и т. п.;

2) на национальном уровне, согласно принципу “*nullum crimen, nulla poena sine lege*” антиобщественное поведение может рассматриваться как транснациональное преступление только в том случае, если рассматривается как преступное правонарушение в законодательствах по меньшей мере двух государств либо

предусматривается в качестве преступного многосторонними международными соглашениями³³⁰.

Таким образом, по мнению А. Боссарда, транснациональным преступлением может быть деяние, запрещенное уголовным законом не менее чем двух государств.

Эта точка зрения представляется вполне обоснованной. Действительно, для того, чтобы деяние квалифицировалось как “преступление”, достаточно наличия уголовного запрета одного государства. Однако для международно-правовой характеристики транснационального преступления в контексте международного сотрудничества в применении уголовной репрессии необходима, как минимум, двойная криминальность, предполагающая совпадение позиций взаимодействующих государств относительно преступности такого деяния.

Понятие “транснациональное преступление” включает в себя широкий спектр деяний различной степени общественной опасности, квалифицируемых как преступные в праве, по меньшей мере, двух государств, под юрисдикцию которых они попадают. Совпадение множественной (две и более) юрисдикции и множественной (две и более) “криминальности” конструирует понятие “транснациональное преступление”³³¹. Вопрос о преступности индивидуального поведения и его квалификации в отношении этой категории преступлений решается исключительно с позиций национального права.

Противоречие между интернациональным характером преступления и национальным характером уголовно-правового запрета составляет основную сложность борьбы с транснациональными преступлениями, как на международном, так и на национальном уровне. Внутригосударственное право многих государств, в целом, имеет значительную степень схождения относительно большинства видов транснациональной преступности. Вместе с тем в законодательствах разных стран существуют различия, которые оказывают или могут оказывать отрицательное влияние на развитие международного взаимодействия.

Рост числа и опасности транснациональных преступлений повышает потребность многостороннего взаимодействия государств, гармонизации уголовного права, выработки согласованной стратегии сдерживания преступности. Под влиянием международного права

происходит гармонизация национального законодательства, но только последнее способно криминализировать такого рода деяния.

Понятие “транснациональное преступление” отражает международный характер преступной деятельности при национальном происхождении уголовно-правового запрета³³². Вопрос о преступности индивидуального поведения и его квалификации в отношении этой категории преступлений решается исключительно с позиций национального права.

Транснациональные преступления могут быть разделены на две большие группы: конвенционные и неконвенционные транснациональные преступления.

Понятие “конвенционные транснациональные преступления” носит достаточно условный характер. Индивиды не являются субъектами международного правоотношения, вытекающего из конвенции. Ответственность за нарушение конвенции может быть возложена только на государство, участвующее в нем. Поскольку индивид не может нарушить конвенцию, нарушение конвенционного обязательства нельзя рассматривать как преступление. С помощью конвенций достигается множественная унифицированная криминализация, а сам факт наличия конвенции позволяет говорить о деянии как “международном преступлении”.

Содержание конвенционной нормы заключается в обязательстве государства установить в национальном уголовном праве преступность и наказуемость определенных деяний. Конвенции создают обязательство, но “не создают” преступления. Еще в 1909 году Ф. Лист настоятельно подчеркивал, что “благодаря исполнению этого обязательства, возникает одинаковое по содержанию право в различных государствах. Но источником его государственно-правовой обязательности является национальный закон, а не международный договор”³³³.

Международно-правовой нормы, устанавливающей преступность и наказуемость предусмотренного такими конвенциями преступлений, не существует. Конвенции направлены на гармонизацию национального законодательства, но не на создание международно-правовой нормы, которая могла бы выполнять функции уголовно-правового запрета.

Чтобы выполнять обязательства, предусмотренные в конвенциях, многие государства принимают новое законодательство

или вносят изменения в действующее, а также укрепляют свои правоохранительные структуры и системы уголовного правосудия. Таким образом, конвенции способствуют множественной унифицированной криминализации деяния. В этом смысле конвенционные транснациональные преступления определяются в качестве “международно запрещенного” поведения, в связи с которым государства несут международные обязательства по классификации его в качестве уголовного, по преследованию или выдаче и наказанию преступника и по сотрудничеству с другими государствами в осуществлении этого обязательства”³³⁴.

С. Международно-правовые преступления

Особую категорию международных преступлений составляют деяния, криминализованные международным правом и потенциально подпадающие под действие международной юрисдикции либо (в условиях дефицита международных судебных органов) ее эквивалента — универсальной юрисдикции.

Этот вид преступлений концептуально оформился в середине 40-х годов прошлого века, под влиянием Нюрнбергского прецедента. Ранее международное право не обнаруживало способности криминализовать деяние, не являющееся преступлением по национальному праву. Такие преступления называют международными преступлениями в узком значении термина, или собственно международными преступлениями. Противоправность этой категории преступлений носит международно-правовой характер, что дает возможность привлечения виновного лица к уголовной ответственности независимо от наличия национального уголовно-правового запрета.

Со значительной долей условности такие преступления могут быть названы международно-правовыми (точнее было бы их называть международно-противоправными), поскольку ответственность за эти деяния возникает по международному праву независимо от того, отражен ли состав таких преступлений в законах государства, под юрисдикцию которых оно подпадает.

После того, как международно-правовой криминализации были подвергнуты деяния, не являвшиеся преступлениями в национальных системах уголовного права, в пределах международного права стала развиваться система норм, преодолевающая ограниченность

национального права, имеющая свой механизм криминализации и механизм правосудия, то есть система, устанавливающая преступность деяния и подчиняющая его своей юрисдикции. Таким образом, международное право самостоятельно определило сферу уголовной репрессии.

Международно-правовое преступление — это деяние, прямо запрещенное международным правом и потенциально подпадающее под международную или универсальную юрисдикцию. Для этой категории преступлений характерна универсальная, или международно-правовая, криминальность, которая выражена в примате международного признания преступности деяния перед положениями национального права.

Международной криминальности соответствует универсальная или международная юрисдикция. Международная уголовная ответственность индивида может быть реализована в рамках международной уголовной юстиции, а также применением принципа универсальной уголовной юрисдикции государств.

Универсальная юрисдикция является следствием всеобщей заинтересованности в подавлении международно-правовых преступлений. В этом случае государство, осуществляющее уголовное преследование, действует как агент международного сообщества, в соответствии с международным правом. Международный уголовный суд и суды государств вправе осуществлять правосудие непосредственно на основе норм международного права. Вместе с тем, и традиционные юрисдикционные основания не утрачивают своего значения.

Понятие международного преступления как основания международно-правой ответственности индивида неоднородно. Возникнув под влиянием нюрнбергского прецедента, в течение полувека своего существования оно подверглось значительной трансформации. Сегодня можно выделить несколько “моделей” международно-правового преступления: 1) “нюрнбергская”, сконструированная нюрнбергским и токийским прецедентами; 2) “постнюрнбергская”, сформировавшаяся в постнюрнбергский период под влиянием национальной судебной практики и развития международного права; 3) “гагская”, формирование которой связано с учреждением и деятельностью международных

трибуналов в Гааге и Аруше; 4) “римская”, заложенная в Римском Статуте Международного уголовного Суда и отражающая согласованную точку зрения значительного количества государств относительно общеприемлемого понятия преступления как основания международной уголовной ответственности.

Итак, родовое понятие “международное преступление” включает в себя три вида преступлений: *международные экстрадиционные преступления, транснациональные преступления и международно-правовые преступления*. Названные категории не изолированы друг от друга и, в большинстве случаев, пересекаются. Однако каждая из названных категорий имеет самостоятельное значение.

Как всякая типология, предложенная классификация является весьма условной и несовершенной, однако, на наш взгляд, она может быть полезной в исследовании того сложнейшего политико-правового феномена, каковым стала на рубеже XX и XXI столетий международная преступность.

С криминологической точки зрения в системе международной преступности можно выделить два ее вида: наднациональную и транснациональную преступность.

“Наднациональную” преступность составляют деяния, криминализованные международным правом, то есть являющиеся основанием международной уголовной ответственности. Такие деяния непосредственно нарушают нормы международного права. Запрет на них существует вне зависимости от наличия уголовно-правового запрета в национальном праве. Доля этих преступлений в количественной характеристике международной преступности невелика, однако их наличие не позволяет отождествить понятия “международная” и “транснациональная” преступность. Наличие или отсутствие признака транснациональности для этой категории преступлений не имеет определяющего значения.

Международно-правовые преступления составляют “верхушку” пирамиды международной преступности. В основании же этой пирамиды лежат преступления, которые, как минимум, обладают качествами экстрадиционного преступления. Верхний уровень международной преступности очерчен категорией международно-правовых преступлений, нижний — категорией международных экстрадиционных преступлений.

При сопоставлении понятий “международная преступность” и “транснациональная преступность” можно прийти к выводу, что первое понятие значительно шире второго, поскольку включает в себя, наряду с транснациональной, “наднациональную” преступность. Вместе с тем, транснациональная преступность “не вмещается” в международную, оставляя за ее пределами неэкстрадиционные (в первую очередь, “абсолютно политические”) и малозначительные транснациональные преступления.

В структуру международной преступности не входят неэкстрадиционные политические преступления, даже если они являются транснациональными с точки зрения их пространственной распространенности. Не являются компонентами международной преступности также транснациональные деяния, степень социальной опасности которых ниже “теста тяжести” экстрадиционных преступлений, то есть преступления, по поводу которых международно-правовое взаимодействие является нерациональным. Таким образом, международная преступность формируется международно-правовыми преступлениями и транснациональными преступлениями, обладающими параметрами экстрадиционных.

§ 3. Международное политическое преступление и международная политическая преступность

При определении понятия “международное политическое преступление” следует исходить из того, что обозначаемый этим термином вид правонарушений относится и к “международным”, и к “политическим” преступлениям, то есть обладает их основными характеристиками. Очевидно, что эти понятия не совпадают. С одной стороны, не все политические преступления являются международными, с другой — далеко не все международные преступления являются политическими.

Понятием “политическое преступление” охватываются две категории правонарушений: а) деяния, представляющие собой “преступление по национальному праву”, то есть нарушающие национальное уголовное право и являющиеся преступными согласно позитивному праву государств; в) деяния, являющиеся

“преступлениями по международному праву” — вне зависимости от наличия или отсутствия национально-правовой криминализации, то есть деяния, криминализованные международным правом.

В национальных системах уголовное право традиционно действует на основе приоритета позитивного права. “Преступность как социальное явление от иных не менее массовых “отклонений” отграничивается не “степенью общественной опасности” — понятием, совершенно не поддающимся измерению, а усмотрением законодателей. То есть несет отпечаток субъективности”, — подчеркивал А. Ф. Зелинский³³⁵.

Государство далеко не всегда криминализирует деяния, выражающиеся в злоупотреблении властью. Устранение очевидного противоречия между пониманием преступности как совокупности уголовно-наказуемых деяний, с одной стороны, и включением в ее состав “некриминализованных” деяний, совершаемых представителями власти, с другой, достигается путем указания на международно-правовую криминализацию.

Международная политическая преступность формируется, во-первых, *исключением* из понятия “политическая преступность” деяний, запрещенных национальным уголовным правом, но не подлежащих международной уголовной репрессии как не обладающих “абсолютной” преступностью, во-вторых, — *дополнением* ее деяниями, не запрещенными национальным правом конкретного государства, но обладающими “абсолютной” преступностью, в силу чего криминализованными правом международным.

Исторически формирование универсального международного представления о преступности началось с *исключения* из подлежащих международной уголовной репрессии политических преступлений, запрещенных национальным правом. Только в середине XX века международное право *дополнило* концепцию преступности своим собственным представлением о преступлении, криминализовав наиболее тяжкие и массовые нарушения прав человека.

Вследствие этого возникают значительные терминологические проблемы. С одной стороны, политическими преступлениями называют преступления, обладающие “относительной” преступностью, криминализация которых в значительной мере зависит от

произвола законодателя (например, инакомыслие, не подлежащее криминализации в демократических государствах); с другой — преступления, представляющие собой грубейшие нарушения естественного права, посягающие на основные права человека и приводящие к массовым человеческим жертвам.

На одном полюсе политической преступности оказываются деяния, признаваемые преступными с точки зрения позитивного права, на другом — деяния, преступные с точки зрения естественного права.

При внешней противоречивости, в основе обеих интерпретаций лежит естественно-правовой подход, трактующий понятие “преступление” как посягательство на универсальную этику. В одном случае, такой подход позволяет исключить из сферы солидарного уголовного преследования государств политические преступления, не обладающие “абсолютной преступностью”, в другом — усиливает степень солидарности государств в применении уголовной репрессии в отношении “абсолютно преступных” деяний до уровня международной уголовной юстиции, вне зависимости от позиции национального права.

Излагая позицию ученых, поддерживавших принцип невыдачи политических преступников, Н. С. Таганцев писал: “Подобные преступления очень часто грозят вредом и опасностью только тому государству, против государственного строя коего они направлены, и не представляют ничего опасного для других держав: не может республиканское государство смотреть, как на человека опасного, на лицо, пытающееся заменить в соседней стране монархический образ правления республиканским.... С другой стороны, говорят они, так же изменчивы политические преступления и во времени... Благодаря этому относительному характеру таких преступлений, участие в политических преступлениях не кладет на виновного того пятна, которое клеймит большинство общих преступников”³³⁶.

По мнению Н. С. Таганцева, большинство из этих доводов имеет весьма условное значение: “Относительный характер преступности почти исчезает в политических преступлениях позднейшего времени, в коих рядом с антигосударственным элементом становится элемент антисоциальный; можно ли утверждать, что преступные посягательства, учиненные членами социально-революционной партии, а в особенности

анархистами, грозят только тому или другому отдельному государству: они направляются на блага и интересы, общие всем культурным народам, становятся международными преступлениями”³³⁷. Как видим, уже в начале прошлого века профессор Н. С. Таганцев отмечал существование международных политических преступлений.

Нужно заметить, что концепция преступления в международном праве формировалась под существенным влиянием естественно-правовых воззрений. Как известно, разделение права на естественное и позитивное составляет одну из базовых аксиом классической правовой философии. Под естественным правом обычно понимают совокупность универсальных норм и принципов, находящихся в основании всех правовых систем мировой цивилизации. Позитивным правом называют те нормы, которые оформлены как система законодательства, поддерживаемого силой данного государства в данный исторический период ³³⁸.

“Отец международного права” — Гуго Гроций — рассматривал преступление, влекущее выдачу, как естественное преступление, и совершившее такое деяние лицо подлежало солидарному преследованию со стороны государств. С позиций естественного права было само собой разумеющимся, что государство, признающее международный порядок, в случае совершения “естественного” преступления вне его территории, может само наказать преступников, находящихся в его власти, или передать их для этой цели другому государству³³⁹.

Врагами всего человечества предлагал считать лиц, совершивших серьезные общие преступления, Э. де Ваттель. Международное значение этих преступлений выражалось в том, что они рассматривались в качестве основания для выдачи, являющейся правовой обязанностью, наложенной на государство. Государство, не выдающее и само не наказывающее преступников, Э. де Ваттель рассматривал как соучастника в преступлении. Эту позицию поддерживали Хейнессиус (*Heineccius*), Бурламаки (*Burlemaqui*), Рутефорт (*Rutherford*), Шмелзинг (*Schmelzing*), Кент (*Kent*) и другие ученые.

Школа Пуфендорфа (*Pufendorf*), отрицая концепцию Г. Гроция, видела в примерах выдачи, имевших место в древности и в средние века, не проявление естественного права, а отдельные

случаи, продиктованные принуждением. В своем знаменитом труде “Элементы международного права” Пуфендорф (1729), рассматривал выдачу как обязательство, вытекающее из специального соглашения. Акцентируя внимание на фактах выдачи лиц, обвиняемых в политических правонарушениях, последователи этой концепции, по существу, отрицали естественно-правовую природу преступления, полагая, что придание выдаче характера юридической обязанности повлекло бы за собой лишение последнего убежища людей, преследуемых деспотизмом. Развивая эту теорию, Билльо (*Billot*) и его сторонники — Виллефорт (*Villefort*), Кардаилак (*Cardaillac*), Фиоре (*Fiore*) — утверждали, что до XIX столетия выдачу влекли не уголовные преступления, а политические конфликты.

С тех пор не утрачивает своей актуальности вопрос о разграничении двух видов правонарушений: абсолютных, естественных преступлений и относительных — политических — правонарушений. Показательно, что в бельгийском Законе 1833 года об экстрадиции говорилось, что выдача или судебное преследование в Бельгии осуществляются “во всех тех случаях, когда эти факты составляют сами по себе нарушения законов естественных и неизменных человеческой совести и когда факты эти наказываются уголовными законами всех народов”³⁴⁰.

Концепция политических преступлений базируется на признании необходимости уголовно-правовой защиты основных общечеловеческих ценностей вне зависимости от того, отражен ли состав соответствующих преступлений в законах государства, на территории которого они совершены. Это положение, в частности, отражено в Уставе Нюрнбергского трибунала, где говорится о подлежащих его юрисдикции преступлениях “независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет” (п. “с” статьи 6).

Утверждение этой концепции неразрывно связано с универсализацией концепции прав человека. “Движение за международное признание и защиту основных прав человека в какой-то мере является случайным последствием Нюрнбергского судебного процесса в том смысле, что его, вероятно, не было бы, если бы не было необходимости нанести смертельный удар по нацистской идеологии”, — утверждает Э. Цоллер³⁴¹.

М. Дженис, Р. Кей, Е. Бредли подчеркивают: “Традиционная позитивистская философия международного права XX и начала XIX столетий села на мель международной практики в 40-х, когда союзники рассмотрели нарушения прав человека государствами оси. В Московской декларации об ответственности немцев за совершенные зверства от 30 октября 1943 года Соединенные Штаты, Соединенное Королевство, Франция и Советский Союз заявили, что отдельные немцы будут привлечены к ответственности за нарушения норм международного права. А 8 августа 1945 года те же четыре союзные державы в Уставе Международного военного трибунала предусмотрели создание Нюрнбергского трибунала, который должен был судить отдельных лиц... Рождение международного права в области прав человека в решении Нюрнбергского трибунала и Всеобщей декларации прав человека называют “радикальнейшим событием за всю историю международного права...”³⁴².

Трагический парадокс истории заключается в том, что в тот же день — 8 августа 1945 года, когда союзники приняли Лондонское соглашение, учреждающее Нюрнбергский трибунал, Соединенные Штаты сбросили свою вторую атомную бомбу на Японию, разрушив город Нагасаки и мгновенного уничтожив, как минимум, 70 тыс. человек — гражданское население города. В связи с этим Г. Симсон пишет: “Вся история военных преступлений — история, пронизанная горькой иронией, но соединение этих двух событий — своего рода манифест подчинения “закону силы”, беспрецедентное действие насилия вопреки основному требованию права войны — возможно, наиболее трагично. Для некоторых исследователей это событие рассматривается как символ смерти идеи при ее рождении: идеи относительно универсального приложения международного уголовного права ко всем правонарушителям...”³⁴³.

Несмотря на весьма символичное совпадение событий, привносящее значительную долю скепсиса в оценку перспектив воплощения идеи международной уголовной ответственности за нарушение прав человека, Лондонское соглашение и последовавший за ним Нюрнбергский процесс стали основой формирования принципиально новой категории политических преступлений. В таком смысле, действительно, 8 августа 1945 года можно признать “днем рождения” этого юридического понятия.

Советская юридическая наука с большой настороженностью отнеслась к естественно-правовой трактовке международного преступления. “Некоторые буржуазные юристы говорят о применении Международными военными трибуналами в Нюрнберге и Токио международного права в динамическом смысле, то есть в виде эволюционирующего естественно-правового мышления. При этом выражается сожаление в связи с тем, что судьи этих трибуналов якобы слишком осторожно и непоследовательно ссылались на принципы, стоящие над позитивным правом, что принципы естественного права не были полностью положены в основу судебных приговоров. Более того, буржуазные юристы Шейдер, Г. Радбух, Г. Вебер, Коинг, Лаутерпахт и многие другие считают, что без естественного права невозможно дать определение преступлений против человечества³⁴⁴”, — писал Г. П. Жуков (1961). Отметив, что “Лаутерпахт указывал на “возрождение естественного права в современных условиях, на стремление естественного права “подорвать жесткий позитивизм XIX столетия”³⁴⁵ и напоминая, что, “по мнению Лаутерпахта, лишь в сфере универсального, надгосударственного “права человечества” интересы индивида могут быть надлежащим образом защищены”³⁴⁶, — Г. П. Жуков давал современным концепциям естественного права традиционную для советской риторики характеристику “реакционных”³⁴⁷.

Украинский юрист-международник А. А. Мережко (2002) называет решения Нюрнбергского и Токийского трибуналов “примерами действенности естественного права в XX веке”, напоминая, что “исторически естественное право сыграло особую роль в развитии международного права: некоторые юристы даже отождествляли международное право с естественным правом”³⁴⁸.

Связывая содержание принципа “*nullum crimen sine lege*” особенностями международного права, известный бельгийский ученый Стефан Глазер писал, что с точки зрения международного права действие расценивается как преступное уже в момент его совершения, независимо от того, вытекает ли это определение о преступности из договорного права или непосредственно из права обычного. В этой связи С. Глазер утверждал, что международное уголовное право берет свое начало из международного правосознания

и защищает важные интересы, общие для многих государств, в связи с чем основной заповедью законности в сфере международного уголовного права является более широкий, в естественно-правовом смысле сформулированный принцип: “нет преступления без указания на то в праве (*nullum crimen sine iura*)”³⁴⁹.

В данном случае, с известной долей условности, можно говорить о приоритете естественного права, создающего универсальный запрет на совершение определенных деяний. В основе универсального характера этого запрета лежит вытекающая из естественного права универсальность защищаемых им ценностей. Деяние, не криминализованное национальным правом, может быть криминализовано правом международным. В то же время, политическое преступление как деяние, подлежащее уголовному преследованию по национальному праву конкретного государства, если оно не обладает свойством “абсолютной преступности”, с позиций международного права фактически оправдывается.

Такой подход к понятию политического преступления нивелирует произвол национального права, признающего преступлением деяние, не являющееся преступным с точки зрения естественного права и допускающего (или предписывающего и поощряющего) деяние, являющееся “абсолютно” преступным с точки зрения естественного права. В то же время, эта концепция совмещает и позитивистский подход, позволяя придать понятию преступления необходимую для него формальную определенность.

И. И. Лукашук, А. В. Наумов отмечают: “В результате своего развития международное право вносит изменение в содержание одного из основных принципов внутреннего уголовного права, согласно которому нет ни преступления, ни наказания без соответствующего закона (*nullum crimen, nulla poena, sine lege*). Теперь под законом понимается не только внутреннее, но и международное право”³⁵⁰.

Характерно, что в статье 15(1) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, провозглашающей, что “никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или

международному праву, не являлось уголовным преступлением”, оговорено: “Ничто в настоящей статье не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом”. Как видим, в Пакте подтверждается международная криминализация деяния *“согласно общим принципам права, признанным международным сообществом”*.

Итак, понятие **“международная политическая преступность”** включает в себя две категории преступлений, подлежащих солидарному уголовному преследованию:

1) преступления “по национальному праву”, которые подпадают под юрисдикцию не менее чем двух государств, в которых они криминализированы и признаются экстрадиционными, то есть “транснациональные политические преступления”;

2) преступления “по международному” праву, подпадающие под юрисдикцию международных уголовных судов, то есть международно-правовые политические преступления.

В сфере национальных юрисдикций фигурирует первая категория преступлений, имеющая четкие национально-правовые параметры, то есть преступления, “созданные” национальным правом. Такие преступления подлежат солидарному уголовному преследованию лишь в том случае, если имеют “международно-признанную” преступность. Политические правонарушения, не влекущие солидарного уголовного преследования государств, то есть не являющиеся экстрадиционными, в систему международной политической преступности не входят.

Транснациональные политические преступления — это деяния, которые, будучи совершенными в определенном политическом контексте и имея политическую значимость, нарушают универсальные этические нормы, то есть посягают на общечеловеческие нравственные и правовые ценности. Наказуемость этих преступлений установлена национальным правом, следовательно, они являются национально-правовыми преступлениями по природе уголовно-правового запрета.

В то же время, такие преступления являются международными по характеристике преступной деятельности и/или участвующих в

ней субъектов. Прежде всего, к этой категории относятся проявления терроризма, то есть насильственная политическая преступность. Эта категория преступлений по мере развития общечеловеческого правового сознания неизбежно будет расширяться за счет отнесения к ней ненасильственных нарушений прав человека, в первую очередь, дискриминационного характера.

В сфере международной юрисдикции находятся политические преступления второй группы — “международно-правовые (“наднациональные”) политические преступления”. Преступления этой категории могут служить основанием международной уголовной ответственности именно в силу того, что являются “сверхпреступными” — широкомасштабными политическими преступлениями, формирующими “наднациональную” преступность.

Международно-правовые (наднациональные) преступления — называемые “преступлениями против мира и безопасности человечества”, “серьезными нарушениями международного гуманитарного права”, “самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность международного сообщества” — это, по существу, политические преступления, то есть преступления, подчиненные международной уголовной юрисдикции ввиду своей особой политической значимости. Они могут получить юридическую квалификацию как преступление агрессии, геноцид, преступления против человечности, наиболее серьезные военные преступления.

На наш взгляд, существуют три альтернативных критерия, по которым правонарушение может быть отнесено к категории международных политических преступлений:

1) политический **контекст** (преступление совершается в русле государственной политики либо политики любой организации или группы);

2) политическая **мотивация** индивидуального или группового поведения;

3) политическая **значимость** корыстных и насильственных преступлений, с аполитичной мотиваций, предопределяемая социальным статусом виновного лица или общепасным способом его совершения.

Первый критерий — политический **контекст** — является основным: им охватываются подавляющее большинство проявлений политической преступности.

Для этой группы преступлений понятие “политические цели”, которыми обычно характеризуется политическая преступная деятельность, относится не к индивидуальному поведению, а к целям субъектов политики, каковыми являются, в данном случае как государство, так и любая организация или группа. Такие правонарушения совершаются в определенном политическом контексте, в русле определенной политики.

Чтобы квалифицировать деяние как преступление, совершенное в политическом контексте, политика не обязательно является политикой государства и не должна быть явно сформулированной³⁵¹. Должно быть принято во внимание существование силы, которая, хотя не является законным правительством, имеет де-факто контроль над определенной территорией. Следовательно, “политика” может быть политикой любой организации или группы, а не только государственной³⁵².

В частности, общей конструкции понятия “преступление против человечности” (как оно формулируется в статье 7 Статута Международного уголовного суда и “Элементах преступлений”) контекстуальным обстоятельством является то, что “деяние совершается в рамках широкомасштабного или систематического нападения”, которое “предприниматься в целях осуществления политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике”. Имеется в виду, что “политика, направленная на совершение такого нападения”, предполагает, что государство или организация активно поощряли такое поведение как нападение на гражданское население или подстрекали к нему. В военных преступлениях, охватываемых статьей 8 Статута, контекстуальные обстоятельства выражены в форме указания на ситуацию вооруженного конфликта международного или немеждународного характера и связь деяния с этим конфликтом.

Трактовка политических преступлений как преступлений, совершаемых по политическим мотивам, оказывается весьма

неопределенной ввиду неопределенности понятия “политический мотив”. Реальные мотивы индивидуального поведения, трактуемого как политическое преступление, могут существенно расходиться с целями организационных структур, быть следствием их слабости. Это проявляется, в частности, в тех случаях, когда командование не осуществляет надлежащего контроля над действиями подчиненных, совершающих военные преступления. В такой ситуации преступными могут быть признаны как действия подчиненных, так и бездействие командования.

Преступления против человечности, например, могут быть совершены по вполне личным причинам, если при этом они учиняются в контексте широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население и обвиняемый осознает это обстоятельство³⁵³. Существование плана или политики может проявляться в систематическом характере нарушений, рассматриваемых как преступления против человечности³⁵⁴.

Вне зависимости от индивидуальных мотивов преступной деятельности, виновные в них лица осознают политический контекст своих действий. Деяния, совершаемые по глубоко личным мотивам (например, сексуальные посягательства), будучи осуществлены в определенном политическом контексте, могут расцениваться как наднациональные политические преступления.

Для уяснения значения, которое вкладывается в понятие “политической цели” применительно к транснациональным организованным политическим преступлениям, целесообразно воспользоваться формулировкой, содержащейся в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (2000), которая распространяется на неapolитические преступления и формулирует понятие аполитичных целей преступных организаций. Эта формулировка имеет принципиальное значение. По существу, с ее помощью осуществляется разграничение политических и иных форм транснациональной организованной преступности.

Посредством определения организованной группы как действующей “с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду”, Конвенция ограничивает

сферу своего действия преступления с корыстной мотивацией, исключая, таким образом, из понятия “транснациональное организованное преступление” правонарушения, имеющие политическую направленность. Однако цель получения выгоды относится не к индивидуальному поведению, а к направленности действий организованной группы.

Таким образом, граница между политическими и аполитичными преступными организациями, и, следовательно, политическими и аполитичными организованными преступлениями, проходит по **цели деятельности организованной группы**, а не отдельного человека. Личные мотивы преступлений могут быть разнообразными, но при этом преступления находятся в русле определенной политики и являются ее выражением.

Конечно, отсутствие “цели наживы” не делает политическим каждое организованное преступление, однако несомненно, что включение этого признака в характеристику организованной преступной группы было направлено на то, чтобы разграничить политическую (прежде всего, террористическую) и аполитичную организованную преступность. Нужно заметить, что такое деление является условным и необходимо для целей конвенции. Оно может быть использовано для целей классификации только с оговоркой о взаимопроникновении этих форм преступной деятельности. Все виды преступлений все более тесно переплетаются: политическое насилие “сверху” трудно отличить от терроризма — политического насилия “снизу”, коррупция неотделима от транснациональной организованной преступности, отмывание преступных доходов используется в политических целях, а для финансирования терроризма используются государственные средства. Агрессия как наиболее тяжкое преступление лиц, облеченных верховной государственной властью, корреспондирует с терроризмом, способным в современных условиях вызвать не менее тяжкие последствия.

Второй критерий — политическая **мотивация**, — применяемый в качестве самостоятельного основания классификации, позволяет включить в понятие “политическая преступность” относительно небольшую категорию преступлений, совершаемых по идеологическим

мотивам преступниками-одиночками или спонтанно сформированными преступными группами.

Современные технологии придают действиям террористов потенциально катастрофогенный характер. Мир становится все более зависим от злой воли и поведения отдельного человека, движимого самыми разнообразными, в том числе и политическими, интересами. В этой связи значительно возрастает угроза, исходящая от политических фанатиков, которым свойственны апокалиптические настроения и деструктивные мотивы. Такое поведение может иметь идеологическую или дискриминационную мотивацию (как рациональную, так и иррациональную), обосновывается коллективистскими или иными целями, однако оно не находится в прямой зависимости от политики определенных организаций, хотя их идеологическое воздействие может быть весьма существенным.

Особом феноменом политической преступности являются “бунты”, “мятежи”, “погромы”, политический вандализм, движимые негативистской мотивацией “толпы”. Деструктивные разрушительные влечения многократно усиливаются в агрессивно настроенной толпе³⁵⁵.

Третий критерий — политическая **значимость** — отражает возрастающее влияние преступности на политику. Он позволяет охватить понятием политической преступности (не исключая их из категории общеуголовных) деяния, лишённые идеологической окраски. Общеуголовная преступность переросла в силу, представляющую реальную и существенную угрозу глобальной экономике и государственности многих стран. Экономическое и политическое влияние преступных организаций ослабляет социальную структуру и демократические институты. Объединяющиеся криминальные силы вступают в демонстративное либо тайное противостояние с мировым правопорядком. Характерной чертой современного общества стала криминализация политики и экономики.

Возрастающую опасность приобретают акты террористического насилия, совершаемые вне политического контекста. Аполитичные группы, применяющие тактику терроризма, рассматривают его как часть преступного бизнеса, дающую возможность деморализовать официальные власти, устранить или устрасить конкурента, либо достичь иных целей. **Террористическое насилие** как способ

совершения преступлений придает им ту степень политической значимости, которая обосновывает их включение в разряд “политических”.

Особое значение приобретают также **“корыстно-политические” преступления**, совершаемые из личных, эгоистических интересов, и получающие политический резонанс в связи с тем, что субъект преступления занимает должностное положение, позволяющее злоупотреблять им в политически значимых масштабах.

К этой категории, с учетом конкретной ситуации, относятся политическая коррупция, в том числе транснациональная, отмывание доходов, полученных преступным путем, злоупотребление служебным положением, хищения, совершаемые с использованием политического статуса виновного лица и т. п. Такие преступления не являются классическими “политическими преступлениями”, поскольку направлены на достижение эгоистических целей. Однако влияние именно этих форм преступности на политические процессы столь велико, что не позволяет их игнорировать и сводить современную политическую преступность к ее идеалистическим формам (впрочем, и идеалистам-революционерам никогда не были чужды эгоистические и корыстные цели).

“Властные полномочия, — пишет С. М. Иншаков, — как правило, сопряжены с распределением определенных ресурсов (в том числе и в личных интересах), а также предполагают комфортность бытия. Поэтому в мотивации, связанной со стремлением к власти и удержанием ее, достаточно сложно отделить политический мотив от корыстного”³⁵⁶.

Как справедливо отмечает профессор В. В. Лунеев, в станах, где “власть — деньги — власть — собственность” завязаны в один порочный узел”, “политическая воля направлена на одно: на захват и удержание власти любыми технологиями, среди которых коррупционные технологии признаются наиболее эффективными и бескровными”³⁵⁷.

Политическая преступность имеет широкий спектр проявлений. Чаще всего политические преступления “сконцентрированы” вокруг государственной власти. Они могут быть средством достижения власти или влияния на нее, дестабилизации политического

режима или оказания политического давления (оппозиционная или “антигосударственная” политическая преступность — преступность “снизу”), либо средством удержания и злоупотребления властью (“государственная” преступность — преступность “сверху”). Особый вид политической преступности составляют преступления, которые трудно с достаточной степенью определенности отнести к одной из названных категорий — это преступления, совершенные в условиях неэффективности государственной власти, например, в ситуации вооруженного этнополитического конфликта внутри государства.

Первоначально “наднациональное” (международно-правовое) политическое преступление рассматривалось как поведение представителей государства — преступное насилие “сверху”, используемое во внутренней и внешней политике представителями государств (нюрнбергская модель).

Распространение концепции международно-правового преступления на ситуации вооруженного конфликта немеждународного характера, нашедшее отражение в Уставе и прецедентном праве Международного трибунала по бывшей Югославии (“Гаагского” трибунала) и Международного трибунала по Руанде, расширило эту концепцию. Поведение представителей всех противоборствующих сторон конфликта может повлечь индивидуальную международную уголовную ответственность, если оно осуществляется в русле определенной политики. Международно-правовое политическое преступление — чаще всего — преступление власти (не всегда легитимной и признанной мировым сообществом, но реальной, контролирующей определенную территорию), совершаемое при прямом участии ее представителей либо при их попустительстве.

Таким образом, можно условно различать “государственные” и “негосударственные” международно-правовые политические преступления. Преступления первой группы совершаются лицами, являющимися представителями легитимной власти либо лицами, действующими в контексте политики государства. Во втором случае виновные лица не представляют легитимную власть, более того, действуют в контексте политики оппозиционной ей организации.

При всех различиях, эти виды политических преступлений имеют генетическую связь. “Как мы теперь понимаем, — пишет

В. Н. Кудрявцев, — еще в революционной “лаборатории” левых радикалов XIX века выращивались ростки тоталитарной идеологии и политики, вольно или невольно закладывался будущий фундамент тех насильственных действий в отношении собственного народа, которые постепенно породили “большой террор” сталинского времени”³⁵⁸.

“Политическая преступность XX века в России многократно меняла свое лицо. В начале века — это террор эсэров, политическая пропаганда социал-демократов. Временное правительство после февральской революции открыло ворота тюрем, и многие вчерашние политические преступники поменялись местами с политическими деятелями. Император Николай II с семьей был арестован, бывший военный министр Сухомлинов — расстрелян. Большевистский переворот продолжил трансформацию политических преступников в правящую элиту, а бывшей элиты — в преступников”, — справедливо отмечает С. М. Иншаков ³⁵⁹.

Преступления, совершенные в контексте государственной политики, от имени государства либо с использованием его полномочий формируют “государственную” преступность, которая в условиях тоталитарного режима приобретает характер тотальных политических преследований (“тоталитарная преступность”).

Политическая преступность как элитно-властная преступность представлена преступлениями “власть имущих”, совершаемыми с использованием высокого должностного положения и имеющими существенные политические последствия. Такие преступления состоят в нарушении норм национального и/или международного права. Преступления “власть имущих” относятся к категории политических по первому и третьему из выделенных нами критериев. Совершаемые в контексте государственной политики, они могут выражаться в форме **агрессии** (прямой или косвенной) и форме **репрессий**, носящих характер политических преследований.

Субъект преступления агрессии должен иметь достаточные полномочия для развязывания агрессивной войны, в силу чего только это преступление характеризуется высоким должностным положением субъекта. В остальных случаях высокое должностное положение не является обязательным признаком субъекта преступлений, относящихся к “государственной” преступности.

“Государственные” политические преступления могут выражаться в:

- а) преступлениях против мира — агрессии;
- б) поддержке (спонсировании) терроризма (косвенной агрессии);
- с) тоталитарной репрессивной преступности (государственном терроре), включающей судебные и внесудебные репрессии, осуществляемые государством в соответствии с его правом, а также тайное использование властью нелегитимного насилия с целью устрашения населения и сохранения тоталитарного режима;
- д) репрессиях, направленных против носителей определенной идеологии или всех лиц, не разделяющих господствующую идеологию (“полицид”);
- е) репрессиях, направленных против определенной социальной общности и нарушающих права индивидов в связи с их принадлежностью к этой общности (расовая, национальная, религиозная и иные формы дискриминации — дискриминационные преступления), самой тяжелой формой которых является геноцид;
- ф) репрессивном терроре, угрожающем гражданскому населению, оказавшемуся во власти противника;
- г) преступных злоупотреблениях властью в коллективистских целях и эгоистических целях;
- h) наиболее серьезных военных преступлениях и т. п.

В ситуации вооруженного конфликта немеждународного характера действия представителей как правительственной, так и неправительственной стороны могут быть квалифицированы как международно-правовые политические преступления. Такие преступления нередко являются массовыми не только по количеству жертв, но и по количеству участников. Ситуация вооруженного конфликта “развязывает руки”, снимает “табу” на совершение тягчайших злодеяний. При этом далеко не всегда действительный мотив индивидуального поведения совпадает с его политической мотивировкой. Истинные психологические пружины жесточайшего агрессивного поведения индивидов, ставшего возможным в контексте определенной политической ситуации, находятся вне декларируемых мотивов деятельности субъектов политики. Феномен “коллективного” преступления еще ждет своей разгадки.

Наднациональные преступления составляют только часть международной политической преступности. Вторая ее часть состоит из преступлений, не подпадающих под международную уголовную юрисдикцию, однако представляющих значительную социальную опасность. Транснациональные политические преступления носят, чаще всего, антигосударственную направленность.

Внутри **“антигосударственных” преступлений** целесообразно различать преступления “внешнеполитические” и “внутриполитические”. Последние можно подразделить на:

1) преступления, направленные на неконституционное изменение формы правления и/или политического режима (преступления социально-политического характера);

2) преступления, направленные на неконституционное изменение государственного устройства (преимущественно, сепаратистские преступления этнополитической мотивации, усиленной радикально-религиозной идеологией);

3) экстремистские идеологические и деструктивные “протестные” преступления (радикально-религиозного, сектантского, так называемого “мировоззренческого”, мессианского или иррационального характера), не преследующие конкретных политических целей.

В свою очередь, внутри социально-политических преступлений могут быть выделены социально-революционные (“левые”, “лево-радикальные”) и социально-реакционные (“правые”, “право-радикальные”).

Внешнеполитические преступления направлены против внешней политики государства (государств) или внутренней политики иностранного государства, на провокацию межгосударственных конфликтов и препятствие мирному урегулированию конфликтов.

Терроризм занимает особое место в системе международной преступности. Террористические преступления сочетают в себе признаки и общеуголовных, и политических правонарушений. Называя проявления терроризма политическими преступлениями, мы не исключаем, что они являются общеуголовными. Термин “политическое” подчеркивает их политическую значимость, но не лишает общеуголовного содержания.

Террористические организации обладают разрушительной мощностью, сравнимой с мощностью вооруженных сил крупного государства.

В условиях вероятной доступности для них оружия массового поражения и использования современных технологий возрастает опасность оппозиционного политического насилия. По существу, государства утрачивают монополию на применение вооруженной силы и на ведение войн, а преступное сообщество получает атрибуты государственной власти.

Оппозиционная политическая преступность, в значительной мере, носит идеологический характер. Часто она выражается в радикальных формах идеологического (в том числе религиозного) фанатизма. Религия всегда была и остается мощным идеологическим оружием в процессе политической борьбы, вследствие чего многие проявления политического экстремизма и терроризма приобретают религиозную мотивацию.

“Религиозный” характер могут принимать как социально-политические, так и этнополитические преступления. С фундаменталистскими концепциями связана деятельность ряда праворадикальных групп, в то время как леворадикальные группы чаще используют идеологию воинствующего атеизма. В этнополитическом терроризме религиозная мотивация имеет более существенное значение, поскольку религия тесно связана с традициями этноса и его духовным самовыражением³⁶⁰.

Политическая преступность “снизу”, так же, как и политическая преступность “сверху” может быть прагматичной, какими бы идеологическими мотивами она не объяснялась. За так называемыми “благородными” мотивами нередко скрываются низменные побуждения. Как известно, среди мотивов убийства Платон ставил на первое место — стремление к богатству, на второе — честолюбие³⁶¹. Кроме того, политические мотивы могут носить и иррациональный характер, выражаться в слепой ненависти и вражде, в основе которых лежит глубинный мотив социальной, религиозной или национальной мести.

В последние десятилетия особенно интенсивно происходит сращивание политической и аполитичной преступности на фоне слияния и сотрудничества нелегальных и легальных структур экстремистского толка с националистическими, религиозно-сектантскими, фундаменталистскими и другими сообществами на основе взаимовыгодных интересов³⁶².

В системе политической преступности наряду с преступлениями, отражающими вертикальные связи власти и подчинения, можно выделить преступления, которые не связаны непосредственно с претензией на власть либо ее использование. Тем не менее, они имеют столь значительное влияние на социально-политическую ситуацию, что, вне всякого сомнения, должны быть отнесены к политическим. Эти преступления составляют преступность, которая может быть условно названа “дискриминационной”.

Дискриминационная преступность принимает форму идеологических, религиозных, национальных, расовых и иных преследований и чаще всего совершается без цели захвата или удержания власти. Дискриминационные политические преступления направлены не против государства как политической организации общества, а против определенной социальной общности, иногда — народа. Их конструктивным элементом является их особый — дискриминационный — мотив. Дискриминационные мотивы характерны, главным образом, для этнополитической преступности. Если ранее в центре политической преступности был, преимущественно, социально-классовый конфликт, то теперь на первый план вышел конфликт этнорелигиозный.

Дискриминационные мотивы присущи многим тяжким наднациональным преступлениям. К таким преступлениям относятся некоторые формы преступлений против человечности и геноцид, который характеризуется специальным *геноцидальным* умыслом.

“Геноцидальное намерение может быть проявлено в двух формах, — отмечает Н. В. Дрёмина. — Во-первых, оно может заключаться в желании истребления очень большого количества членов группы — массовое уничтожение; во-вторых, оно может выражаться в стремлении уничтожить ограниченное число людей, отобранных для оказания воздействия, имеющего существенное значение для выживания группы — “выборочное” уничтожение”³⁶³. Дискриминационные мотивы присущи и транснациональным политическим преступлениям: во многих случаях именно они являются истинными психологическими причинами террористических проявлений.

В качестве самостоятельного подвида оппозиционной политической преступности можно выделить сопровождающие

политическую преступную деятельность преступления общеуголовного характера, направленные на ее финансирование, сокрытие, обеспечение и поддержку. В этой связи принципиально важным представляется вопрос о корпоративной уголовной ответственности. Во многих государствах установлена уголовная ответственность за действия юридических лиц (организаций), вследствие чего понятие “преступность” расширяется за счет преступлений, субъектами которых являются организации. Соответственно, в понятии “политические цели” акцент ставится на основные цели организаций, а не индивидов.

Международная политическая преступность не изолирована от иных форм преступности. Политические конфликты международного и немеждународного характера порождают широкое применение насилия и стимулируют незаконную торговлю людьми и оружием. Терроризм, незаконный оборот наркотиков, коррупция являются постоянными спутниками таких конфликтов, вовлекающих в свои акции криминальные силы³⁶⁴. Происходят криминализация политики и политизация преступности.

“Криминализация политики” означает, прежде всего, использование традиционной преступной тактики и средств в различных формах политического поведения. “Политизация преступности” может интерпретироваться как повышение роли преступных сообществ в жизни общества, возрастание их политического влияния. В целом, это взаимосвязанные и неразделимые процессы.

§ 4. Международное политическое преступление государства: реальность или фикция?

Понятие “международное политическое преступление” получило широкое применение. Однако его значение остается не вполне определенным. Прежде всего, это вызвано тем, что отсутствует согласованное представление о субъекте такого преступления. “Международное политическое преступление или, точнее сказать, преступление, предусмотренное нормами международного права”, представляет собой, по мнению российского юриста А. И. Бойцова, международно противоправное деяние государства, нарушающее

его исключительно важные международные обязательства; оно характеризуется общечеловеческой опасностью и международной противоправностью, представляющей собой противоречие деяния международному обязательству³⁶⁵.

Поддерживая эту точку зрения, Д. А. Шестаков утверждает, что внешняя преступная деятельность проявляется в международных политических преступлениях государства ³⁶⁶. Основным содержанием понятия “преступление” применительно к актам государства и его представителей является политика этого государства, признаваемая преступной.

Концепция “международного преступления” государства возникла и развивалась по мере осознания народами той безусловной истины, что война представляет собой величайшее зло, посягающее на основы существования всего человечества и попирающее права каждого человека. Термин “преступление” в лексике всех народов мира наиболее адекватно отражает моральное осуждение этого зла.

Международно-правовая наука традиционно выделяет из общей массы международных правонарушений особо опасные посягательства на общечеловеческие ценности. Еще Э. де Ваттель утверждал: “Если какая-либо нация открыто попирает справедливость, презирая и нарушая права других всякий раз, когда она найдет повод для этого, то высший интерес безопасности человеческого общества дает другим нациям право объединиться для отпора и для наказания такой нации”³⁶⁷. К числу таких правонарушений, прежде всего, относились правонарушения, приводившие к вооруженным конфликтам.

“Представление о противоправности, несправедливости агрессивных войн было внутренне присуще концепции международного права уже во время ее зарождения. Непрерывные захватнические войны осуждались лучшими умами человечества, доказавшими противоречие этих войн совести, основам человеческой морали, элементарным представлениям о справедливости и праве. Создавались многочисленные проекты, призванные ликвидировать такого рода войны совместными усилиями государств”, — пишет профессор И. И. Лукашук ³⁶⁸.

Конец XVIII и начало XIX века в Европе были ознаменованы длительными войнами. Уставшая от Наполеоновских войн Европа ждала от Венского конгресса (1814-1815) установления прочного

международного порядка, который устранил бы в будущем возможность повторения пережитых потрясений. Постепенно формировалось морально-политическое осуждение войны как способа разрешения международных конфликтов.

Примыкающий к актам Венского конгресса акт Священного Союза, подписанный в Париже 14 сентября 1815 года императорами Александром I, Францем I и королем Фридрихом-Вильгельмом, содержал торжественное заявление о решимости монархов “как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам руководствоваться... заповедями Святой Веры, заповедями любви, правды и мира...”³⁶⁹. Конгрессы “всеобщего мира”, состоявшиеся в 1891 и 1896 годах, провозгласили, что отношения между государствами регулируются теми же общими принципами права и морали, какими регулируются отношения между людьми, что всякое несогласие между государствами, которое не может быть улажено дружественным путем, должно быть разрешаемо судебным путем ³⁷⁰.

Показателен, однако, тот факт, что классическое международное право рассматривало акты пиратства, а не злодеяния войны как посягательства на международное право. Так, Кауфман (*Kaufmann, 1855*) писал, что война — страшное бедствие, но не величайшая безнравственность на земле³⁷¹.

XX век стал свидетелем беспрецедентного скачка всех видов насилия. По количеству жертв, размерам произведенных разрушений и мощи применяемых средств насилия эта эпоха превзошла все предшествовавшие³⁷². В первой половине XX века, период между двумя мировыми войнами, активно происходила концептуализация особого понятия преступления: таким преступлением, в первую очередь, была названа сама война. Общественное сознание, травмированное жертвами и разрушениями первой мировой войны, было охвачено идеологией пацифизма. Под влиянием этой идеологии шло формирование специфической категории международного преступления как основания международной уголовной ответственности за развязывание войны и связанные с ней злодеяния. Развитие концепции происходило в двух направлениях: применительно к государствам и в отношении физических лиц.

В обоснование этой концепции обычно приводятся документы, разработанные после первой мировой войны в рамках Лиги Наций, которые содержали термин “международное преступление”. В частности, статья 1 Проекта договора о взаимной помощи, представленного Собранию Лиги Наций 28 сентября 1923 года гласила: “Высокие Договаривающиеся Стороны утверждают, что агрессивная война составляет международное преступление, и принимают торжественное обязательство не совершать этого преступления”. В преамбуле Женевского протокола о мирном разрешении международных споров, принятого Собранием Лиги наций 2 октября 1924 года, признавалось “наличие солидарности, объединяющей членов международного сообщества”, и утверждалось, что “агрессивная война составляет нарушение этой солидарности и международное преступление”³⁷³. Весьма характерно, эти договоры не вступили в силу, что свидетельствует об отсутствии достаточной правовой основы рассматриваемой концепции.

В договоре об отказе от войны, заключенном в Париже 27 августа 1928 года (пакт Бриана — Келлога), в государства-участники заявили об осуждении обращения к войне для урегулирования международных споров и отказе от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики”³⁷⁴. Следует подчеркнуть, что термин “международное преступление” в договоре не фигурировал.

Советская юридическая доктрина, отражавшая официальную позицию СССР по рассматриваемой проблеме, связывала появление концепции международного преступления государства с инициативой советской власти. Профессор Д. Б. Левин утверждал: “Начало образованию такого понятия было положено осуждением агрессивной войны как международного преступления, что имело место после Великой Октябрьской социалистической революции. В первом внешнеполитическом акте Советской власти — Декрете о мире, изданном 26 октября (8 ноября) 1917 года, империалистическая война была объявлена преступлением против человечества”³⁷⁵.

Сторонники концепции международного преступления государства разделились на две группы: одни придерживались мнения, что только государство может быть субъектом международной уголовной ответственности, а отдельные лица могут нести уголовную

ответственность лишь по национальному праву (Бустаманте, Доннедье де Вабр); другие считали, что как государство, так и индивиды могут быть субъектами уголовной ответственности по международному праву (Пелла, Сальдана, Леви).

В формировании теории международного преступления государства заметную роль сыграл опубликованный в 1925 году и ставший широко известным труд румынского ученого — профессора В. Пеллы (*Pella*) “Коллективная преступность государств и уголовное право будущего”³⁷⁶. В. Пелла полагал, что уголовная ответственность государства уже существует в международном праве, и что полное признание этого вида ответственности имело бы большое значение для повышения его эффективности.

Исходя из предпосылки, что международное право должно развиваться по тому же пути, что и национальное, В. Пелла сделал вывод о том, что уголовная ответственность государства должна неизбежно появиться в международном праве и что область ее применения будет расширяться. Он утверждал, что “государство имеет собственную волю и, следовательно, может совершать преступления...”. Среди преступлений, совершенных государством, профессор Пелла считал самым тяжелым агрессивную войну. Помимо этого, он относил к числу преступлений и ряд других действий, связанных с агрессивными целями: военные, морские, воздушные, промышленные и экономические мобилизации, предпринимаемые с целью военных демонстраций, угрозу агрессивной войной в виде ультиматума, вмешательство одного государства во внутреннюю политическую борьбу или в осуществление суверенных полномочий другого государства, приготовление или допущение приготовлений на своей территории посягательств на безопасность другого государства, в частности покровительство бандам, готовящимся к вторжению на территорию последнего и т. п. Такие деяния, по мнению В. Пеллы, являются не просто правонарушениями, а преступлениями, подпадающими под действие международного уголовного права и подлежащими международной уголовной репрессии³⁷⁷.

Идея международной уголовной ответственности за деяния, которые могут быть проявлением “преступной политики”, имеет длительную и противоречивую историю, которая нашла широкое

освещение в юридической литературе ³⁷⁸. Особую популярность эта идея приобрела в период между двумя мировыми войнами, в частности, в рамках так называемого “унификационного движения”.

Согласно концепции В. Пеллы, существуют три группы деликтов: 1) деликты обычные общеуголовные; 2) деликты национально-политические и 3) деликты интернациональные. “Интернациональный деликт есть действие или бездействие, обложенное наказанием, провозглашенным и применяемым именем союза государств” — писал В. Пелла, выделяя в качестве объектов международной репрессии те деяния, “которые посягают на основы существования всякого цивилизованного коллектива”³⁷⁹.

Другой известный представитель так называемого “унификационного движения” — профессор Сальдана (*Saldana*), — предлагал “философское понятие интернационального деликта”. “С точки зрения философской, — отмечал он, — международный деликт — это естественный и всеобщий деликт, посягающий на “естественное право” народов”. Среди международных преступлений существует особая группа посягательств, международных в особом, “квалифицированном” смысле. Такие “ультрамеждународные” посягательства характерны тем, что обращены не против того или иного политического строя, а против всякого культурного общения, против самого существования современного государства³⁸⁰.

В октябре 1933 года на V Конференции по унификации международного уголовного права профессор Рафаэль Лемкин предложил объявить “*delictio juris gentium*” действия, направленные на уничтожение этнических, религиозных и социальных сообществ. Он разделил такие действия на две группы: агрессия против физических или социальных лиц как членов данного сообщества (“варварство”) и разрушение культурных ценностей (“вандализм”) и предложил проект международной конвенции об ответственности за эти преступления.

Среди проблем, привлекавших внимание организаторов унификационного движения, заметную роль играла борьба с военной агрессией. На конференции в 1927 году в Варшаве профессор Раппопорт выступил от имени польской делегации с предложением о разработке проекта уголовной ответственности за пропаганду

агрессивной войны. Через три года, на III конференции, по докладу профессора Сальдана была принята резолюция о наказуемости пропаганды агрессивной войны.

Многие ученые рассматривали действия нападающей стороны как бесспорные международные преступления, требующие специальных санкций в порядке интернациональной юрисдикции. Так, профессор Политис (*Politis*) выделял особую группу преступлений войны и преступлений, родственных им, совершение которых создает опасность для мира. В. Пелла составил детальный перечень подобных военных деликтов международного характера. В него входили: ведение агрессивной войны, нарушение демилитаризованных зон, отказ подчиниться решению авторитетной международной инстанции, объявление мобилизации, маневры, имеющие целью демонстрировать готовность к войне, угрозу агрессивными действиями, вмешательство одного государства в осуществление суверенных прав другим государством.

Согласно весьма распространенной ныне концепции, индивидуальная уголовная ответственность в системе международного права сочетается с международно-правовой ответственностью государств за совершение ими “международных преступлений”. По отношению к этой концепции в юридической науке обнаруживаются три позиции:

1) отрицание концепции и, соответственно, отрицание правомерности существования понятия “международное преступление” государства;

2) признание концепции и, соответственно, “международного преступления” государства;

3) отрицание концепции уголовной ответственности государств и, вопреки этому, восприятие понятия “международное преступление государства”.

Первые две теории имеют определенное правовое обоснование, более или менее убедительное. Третья позиция, на первый взгляд, представляется весьма парадоксальной: признавая акт государства “международным преступлением”, ее сторонники категорически возражают против “криминализации” ответственности за него. Однако преступление — это уголовное, то есть “криминальное”,

правонарушение. В самом термине заложена и им самим обусловлена криминализация того понятия, которое оно обозначает. Тот, кто отрицает криминальную ответственность государств, казалось бы, должен отказаться и от понятия “преступление”. Тем не менее, этого не происходит. Более того, именно эта, весьма непоследовательная, концепция длительное время была преобладающей.

Вопреки логике, такое положение вполне объяснимо. С политической точки зрения позиция признания преступлением ряда тягчайших международных правонарушений (в первую очередь, агрессивной войны) являлась безупречной.

После второй мировой войны, принесшей народам неисчислимые бедствия, фашизм стал синонимом планетарного зла, и стремление назвать “преступными” причастные к нему государства было, прежде всего, реакцией на пережитый человечеством шок. Выразительность политической формулировки, использующей термин “преступление” в целях осуждения агрессивных войн, возобладавала над соображениями чистоты юридических формулировок.

Замечая, что основой концепции уголовной ответственности государства является теория единства путей развития международного и национального права, согласно которой развитие права представляет собой единый процесс, в котором национальное право и международное право находятся лишь на различных ступенях, выдающийся советский юрист-международник Г. И. Тункин обращал внимание на то, что возражения против этой концепции основывались, как правило, на той же теории единства путей развития права. Концепция уголовной ответственности государства в международном праве развивалась, главным образом, криминалистами, которые были более склонны переносить категории национального права в международное право, чем специалисты по международному праву, среди которых эта концепция находила сравнительно мало сторонников³⁸¹.

“Мы не находим никакого упоминания об уголовной ответственности государства в документах, относящихся к капитуляции Германии и Японии, в Уставах Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов... Между тем, где, как не в этих документах, должно упоминаться об уголовной

ответственности за тягчайшие правонарушения, совершенные агрессорами, если бы уголовная ответственность государства вообще имела в виду?” — задавался вопросом Г. И. Тункин, и, отвечая на него, писал: “Когда агрессивную войну и некоторые другие нарушения международного права называют преступлениями, то этим хотят лишь подчеркнуть в отношении государства особо опасный характер правонарушения”³⁸².

Классическими признаками преступления являются его виновность и наказуемость. Ни вина, ни уголовная санкция как категории национального права не применяются в системе международного права по отношению к государствам. Применительно к государствам недопустимо использование выражения “обвинение в совершении преступления”. Государство не может стать объектом психологического анализа, также как оно не может подлежать лишению свободы или смертной казни. В книге “Защита мира и борьба с преступлениями против человечества” А. Н. Трайнин резко выступил против криминализации ответственности государств. А. Н. Трайнин подчеркивал, что “уголовная ответственность покоится на вине в форме умысла или неосторожности; весьма существенную роль в уголовном правосудии играют понятия и институты вменения, стадий совершения преступления, соучастия, наказания. Вне таких понятий и институтов уголовное право и уголовная ответственность немыслимы. Однако все указанные институты и понятия нельзя применять к государству, поэтому в сфере материального права, как и в области процесса, попытка рассматривать санкции, применяемые к государству, как уголовные санкции оказывается в глубочайшем несоответствии с основными принципами уголовного правосудия”³⁸³.

Аналогичную позицию занимал и Д. Б. Левин, который утверждал, что “теория уголовной ответственности государств вообще не имеет под собой никакой реальной почвы, она является иллюзорной и утопической, а ее сколько-нибудь заметное развитие могло бы привести к не менее вредным последствиям, так как ставило бы под угрозу самые принципы, на которых основывается нормальное общение государств, и прежде всего принципы государственного суверенитета и суверенного равенства государств”, “международное преступление государства есть понятие политическое, специфика

которого коренится в политических отношениях между государствами, а отнюдь не в категориях уголовного права”³⁸⁴

По мнению Ю. М. Колосова, “квалификация особо опасных деликтов в качестве преступлений носит скорее дополнительный политический оттенок и не означает, что преступление есть нечто, качественно отличающееся от деликта”³⁸⁵.

Н. А. Ушаков подчеркивал, что “установление в современном международном праве категорий международных преступлений... имеет моральную и политическую силу воздействия против потенциальных совершителей таких преступлений, в частности, путем мобилизации мирового общественного мнения на борьбу за предотвращение и пресечение международных преступлений государств”³⁸⁶.

В. А. Василенко в своем широко известном труде “Ответственность государства за международные правонарушения” (1976) писал: “Классифицируя международные правонарушения, следует избегать двусмысленных терминов и опираться на комплекс единых критериев, посредством которых можно дать оценку характерных особенностей любых видов международных правонарушений. Представляется, что этот комплекс должен включать в себя три основных взаимосвязанных и взаимообусловленных критерия: а) значимость международно-правовых актов и характер регулируемых ими правовых отношений; б) предполагаемый образ действий государства-правонарушителя; в) степень социальной опасности и характер последствий международного правонарушения. На основании данного комплекса критериев можно подразделить все международные правонарушения на три основных вида: 1) ординарные международные правонарушения; 2) особо опасные международные правонарушения; 3) тягчайшие международные преступления”³⁸⁷.

Правовая конструкция, согласно которой “международное преступление государства” влечет за собой международно-правовую ответственность, не имеющую ничего общего с уголовной, считалась общепризнанной в советской юридической науке. “Когда агрессивную войну и некоторые другие нарушения международного права называют преступлениями, то этим хотят лишь подчеркнуть в

отношении государства особо опасный характер правонарушения”, — писал Г. И. Тункин³⁸⁸.

Тем не менее, преступление индивида и преступление государства нередко рассматривались как одно-порядковые явления. Так, В. И. Менжинский в 1951 году утверждал, что международные преступления — это общественно опасные деликты, направленные против жизненных интересов миролюбивых народов. Ответственность за них не ограничивается международно-правовой ответственностью государств. Субъектами международных преступлений наряду с государствами являются и физические лица, в отношении которых также возникает международная ответственность, и которые изымаются из юрисдикционного суверенитета государства-правонарушителя³⁸⁹. Л. Н. Галенская (1970) настаивала на том, что субъектами международных преступлений “могут быть как государства, так и отдельные органы государства, организации и даже физические лица”³⁹⁰.

“Анализ международно-правовых документов позволяет сделать вывод о том, что субъектами международных преступлений как юридической патологии являются, как и в случае других международных правонарушений, прежде всего, государства, а также физические лица, выступающие от их имени и конкретно осуществляющие эти преступления”, — утверждал в Ю. А. Решетов (1983)³⁹¹.

Такое понимание международного преступления по-прежнему широко распространено. По мнению И. П. Блищенко, И. В. Фисенко (1998), “государства и физические лица совершают преступления одинакового состава”³⁹². Аналогичную позицию высказывают Р. А. Каламкарян, Р. А. Мюллерсон (1999): говоря о различии между международными преступлениями и преступлениями международного характера, эти авторитетные специалисты подчеркивают, что “первые совершаются как государством, так и физическими лицами одновременно...”³⁹³.

В. А. Номоконов (2001) полагает, что “объективную сторону международного преступления составляет, прежде всего, противоправное поведение государства”, которое представляет собой “последовательную политику и практику, противоречащие

международным обязательствам соответствующих государств и осуществляемые со многих звеньях законодательной, исполнительной и судебной власти”³⁹⁴. “Субъект международного преступления всегда двойной, — утверждает В. А. Номоконов. — Это государства (и иные юридические лица) и физические лица, действующие от имени государства”³⁹⁵.

Характеризуя двуединый субъект международных преступлений как ясный и неоспоримый, В. Ф. Антипенко (2001) утверждает, что “общий подход к оценке субъекта международного преступления в международном праве разработан достаточно глубоко и определяет в качестве такового и государства, и физических лиц...”. И далее: “В международном праве достаточно хорошо разработан вопрос о том, что субъектами международных преступлений как юридической патологии являются, прежде всего, государства, а также физические лица, выступающие от их имени и конкретно осуществляющие такие преступления”³⁹⁶.

Базирующаяся на таком понимании международного преступления концепция оставляет неразрешенными ряд принципиальных вопросов. Каким образом объяснить то, что одно и то же уголовное правонарушение влечет уголовную ответственность для одних субъектов и не влечет таковой для других? Может ли международное право претендовать на некое специфическое, “международно-правовое”, понятие преступления, имеющее абсолютно автономное существование? Как объяснить то, что уголовно-правовое понятие — “преступление” — влечет не уголовную, а международную ответственность? И, наконец, какова юридическая ценность такого кентавра с уголовно-правовой головой и международно-правовым хвостом?

Одним из основных аргументов сторонников противоречивой концепции международного преступления государства являлась позиция Комиссии Международного права по этому вопросу. В течение многих лет Комиссия работала над согласованием Проекта статей о международной ответственности государств. На своей первой сессии в 1949 году Комиссия в качестве одной из тем, которые она сочла подходящими для кодификации, выбрала тему “Ответственность государств”. На пятнадцатой сессии в 1963 году Комиссия назначила Специальным докладчиком по этой теме Р. Аго

(Ago). Под его руководством Комиссия в 1976 году включила в Проект статью, которая производит разграничение между “нормальными” международно-противоправными действиями — деликтами, и исключительно серьезными нарушениями международного права, которые названы “*international crimes*” — международными преступлениями³⁹⁷. Таким образом, Комиссия восприняла предложение, сделанное Р. Аго, который уже в 1939 году обосновал необходимость такого разграничения.

На сорок восьмой сессии в 1996 году Комиссия завершила первое чтение проектов статей частей второй и третьей об ответственности государств и постановила препроводить проекты статей, принятые Комиссией в предварительном порядке в первом чтении, через Генерального секретаря правительствам для получения их замечаний. Несмотря на серьезные возражения со стороны отдельных стран³⁹⁸ и многих ученых³⁹⁹, деление международных правонарушений на деликты и преступления было сохранено.

Включая термин “международное преступление” в Проект статей, Комиссия подчеркнула, что его употребление не означает попытки “криминализации” ответственности государств. Использование этого термина объяснялось необходимостью выделить особую категорию наиболее опасных международных правонарушений, а также тем, что более подходящего термина не существует. Возобладало мнение, согласно которому за нарушение норм международного права государство несет не уголовно-правовую, а особую международно-правовую ответственность.

Однако, как справедливо замечает К. Марек (*Marek*), “в то время как для обывателя вполне допустимо называть “преступлением” то, что он осуждает, юрист не располагает такой свободой высказываний. Говоря о преступлении, он вторгается в область уголовного права со всеми вытекающими из этого последствиями, и не имеет смысла сообщать при этом всему миру, что при этом он представляет нечто иное и использует это понятие вне его действительного значения”⁴⁰⁰.

Статья 19 (п. 2) Проекта статей устанавливала, что “международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается

как преступление международным сообществом в целом, составляет международное преступление”⁴⁰¹. Как следует из этого определения, критерии квалификации международного правонарушения как преступления были таковы:

1) правонарушение состоит в нарушении международного обязательства, которое является необходимым для защиты фундаментальных интересов международного сообщества;

2) правонарушение “рассматривается как преступление международным сообществом в целом”.

Для поддержания этой более чем аморфной конструкции использовались примеры: пункт 3 статьи 19 давал перечень тех случаев, когда международно-противоправное деяние следовало *inter alia* квалифицировать как международное преступление. Список не являлся исчерпывающим.

В этой связи неизбежно возникали вопросы:

1) Кто и как устанавливает пределы, вне которых действия государств являются преступными? В чем, другими словами, реализуется принцип, выраженный в формуле *nullum crimen, nulla poena sine lege*?

2) Кто и как устанавливает наказуемость деяний? Какие иные, кроме уже предусмотренных международным правом, санкции должны применяться к государству-“преступнику”?

Статья 19 предусматривала, что вопрос о том, какие именно международные правонарушения относятся к преступлениям, компетентен определять некий эфемерный субъект права — “международное сообщество в целом”. Оставалось совершенно неясным, кто выступает от имени человечества, и чем подтверждены его полномочия. В этой связи К. Марек справедливо называла отношения между государством, подозреваемым в совершении незаконной акции, и неопределенным международным сообществом “правосудием толпы”⁴⁰².

В уголовном праве вопрос о преступности и наказуемости деяний не разрешается общественным мнением. Этот вопрос решается законодателем и — в каждом конкретном случае — судами. Другими словами, существование уголовной ответственности обусловлено существованием центральной власти и обеспечено принадлежащей ей монополией суждения относительно состава преступления и принуждения в связи с его совершением.

В уголовных преследованиях под угрозой оказывается жизнь человека, его свобода, его честь, поэтому в сфере уголовной юстиции высоко развиты сложные материально-правовые и процедурные гарантии, обеспечивающие юридическую защиту индивидуума. Как бы не различались законодательства разных государств, во всех цивилизованных системах существуют общие юридические гарантии, направленные на защиту человека от произвола, и, насколько возможно, судебных ошибок.

Такой гарантией, в частности, является принцип законности, выраженной в формуле *nullum crimen sine lege*. Этот принцип подразумевает точность в формулировке наказуемых действий и, в то же время, исключает обращение к аналогии. Большое значение имеют и другие гарантии: отсутствие обратной силы уголовного закона; четкое указание санкций, которые можно применить к каждому наказуемому действию; презумпция невиновности, которая возлагает бремя доказательства на обвинение; принцип *in dubio pro reo* и т. д. Ни одна из этих гарантий не предусмотрена для государства.

Заключавшаяся в статье 19 Проекта концепция “международного преступления государства” приводила к невозможности идентификации “преступных” действий. В нарушение общих принципов права, она не давала ни четкого и исчерпывающего перечня преступных действий, ни внятных показателей для их оценки.

Система ответственности государств, содержавшаяся в Проекте статей 1996 года, не предлагала для преступлений никакого особого режима санкций. Те специальные последствия, которые предлагались Комиссией, были очень ограничены и ставили под сомнение полноценность самого понятия “международное преступление”. Недостаток проекта в этой части отмечали даже сторонники концепции международных преступлений⁴⁰³. Таким образом, категория “преступление” превращалась в правовую фикцию, не обеспеченную специфическими карательными санкциями.

Весьма характерно, что применительно к ответственности государств в предлагавшемся Проекте статей не использовались понятия “вина” и “вменение”. По мнению В. Д. Вадапаласа, “отказ комиссии от термина “вменение” (*imputation*) и замена его “присвоением” (*attribution*) знаменательны, так как тем

самым она избежала известной ранее смысловой путаницы, когда вменение деяния государству ассоциировалось без всяких на то оснований с предъявлением обвинения судебной властью во внутригосударственном праве”⁴⁰⁴.

Создание особой категории — “преступление” вне вины и вменения — стало порождением правового монстра, нежизнеспособного в правовой сфере. Рассматриваемая концепция базируется на понятии неопределенных преступлений и влечет неопределенные последствия. Эта концепция опровергает фундаментальные принципы права. Какие же цели она преследует?

Несмотря на различие мотивировок, выдвигаемых в обоснование теории “международного преступления государства”, следует признать, что это противоречивое понятие выполняет две функции:

1) выделяет категорию наиболее опасных международных правонарушений;

2) дает возможность от имени “международного сообщества в целом” признать преступлением некоторые акты государства и, тем самым, признать преступником само государство.

Дифференциация международных правонарушений не вызывает принципиальных возражений, что отнюдь не означает признания целесообразным и допустимым использование для этих целей термина “преступление”.

Некоторые колебания в данном вопросе проявляли даже последовательные сторонники этой концепции. Так, член Комиссии международного права А. Пелле (*Pellet*) писал: “Эта терминологическая проблема не столь важна: слово “преступление” легко защитить. Оно приобрело легитимность с 1976 года и очень широко используется. Однако если аналогия с внутригосударственным правом кажется действительно чрезмерной и отталкивающей, оно может быть оставлено. Но реальность состоит в том, что геноцид не может быть сравним с нарушением торгового соглашения; они различны по своей природе. Называйте их “нарушением императивной нормы” или “нарушением необходимого обязательства”..., но факт остается: мы нуждаемся в концепции и названии для этой концепции!”⁴⁰⁵.

Во многом с этим утверждением можно согласиться: действительно, концепция, дифференцирующая международные правонарушения по степени их опасности для мирового сообщества, нуждается в названии. Но пора признать, что избранное ранее название “международное преступление” категорически неприемлемо⁴⁰⁶. И это далеко не терминологический спор.

Какие цели преследует использование уголовно-правовой терминологии в вопросах государственной ответственности? Вероятно, настойчивость применения столь уязвимого термина объясняется важностью второй из обозначенных нами выше функций, состоящей в признании государства “преступным” от имени “международного сообщества в целом”.

Признание государства “преступником” неизбежно означает признание преступным целого народа. В качестве доказательства необходимости применения уголовно-правовой терминологии приводится тезис, согласно которому народ должен был и мог предупредить совершение преступления, а также что такой подход к ответственности народа будет служить сдерживающим фактором для инициаторов преступления и побудительным фактором для народа принять меры для предупреждения преступления.

В этой связи И. П. Блищенко, И. В. Фисенко пишут: “Подобная концепция имеет скорее моральную, чем юридическую, ценность и преследует цель осудить со стороны международного сообщества преступное поведение. Фактом является отсутствие специальных мер и механизма по их осуществлению в отношении народа, отличающихся от ответственности индивидов, их объединений и государств за совершение международных преступлений. Народ, действительно, претерпевает определенные и весьма значительные лишения, но с юридической точки зрения обязательства, вытекающие из ответственности, налагаются только на государство⁴⁰⁷.”

С тем, что теория распространения уголовной ответственности на весь народ имеет моральную ценность, трудно согласиться. Будучи объяснимой и, в определенной степени, оправданной после второй мировой войны, когда мир находился под впечатлением чудовищных злодеяний фашизма, она абсолютно недопустима сегодня. В противном случае, прилагая значительные усилия для защиты прав

индивидов, мировое сообщество одновременно будет создавать правопорядок, не гарантирующий соблюдения прав целых народов.

В отношении статьи 19 Проекта статей 1996 года член Института Международного права, бывший член Комиссии Международного права С. Росенн (*Rosenne*) отмечала: “Чем больше я анализирую Проект статей о международной ответственности государств, тем больше нахожу его неадекватным, если не испорченным. В целом, он не учитывает последствий поломки традиционного международного права девятнадцатого столетия и его замены новой системой”⁴⁰⁸. Эта точка зрения получила достаточно широкое распространение, что нашло отражение в работе Комиссии международного права.

В ходе работы над проектом статей во втором чтении Комиссия отказалась от использования термина “международное преступление” в отношении государств. На своей пятьдесят второй сессии в 2000 году Комиссия приняла к сведению доклад Редакционного комитета о втором чтении проектов статей в целом, которые были в предварительном порядке приняты Редакционным комитетом⁴⁰⁹. Статьи были включены в качестве предварительного текста в доклад Комиссии о работе ее пятьдесят второй сессии⁴¹⁰. Это было сделано для того, чтобы дать еще одну возможность для представления комментариев. Проект содержал главу III Части второй — “Серьезные нарушения обязательств перед международным сообществом в целом”. Сердцевиной этой главы явилось понятие обязательства перед международным сообществом в целом (*erga omnes*).

На пятьдесят третьей сессии (23 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2001 года) Комиссия рассмотрела четвертый доклад Специального докладчика Д. Кроуфорда (*Crawford*). По существу исследуемого вопроса Специальный докладчик заявил: “Представляется значимым, что никто еще не приводил доводов в пользу иного свода норм для определения “уголовной ответственности государства”, например в сфере атрибуции или оправданий, не говоря уже в пользу системы, закрепляющей минимальные гарантии должного процесса. Как свод, так и система общеприняты в правовых системах для целей проведения различия между уголовной и деликтной ответственностью. По этим и иным причинам пока еще нет основы для такого различия в международном праве. Исключение статьи [19] и само очень широкое

согласие в Шестом комитете с этим исключением отражают, таким образом, реальный шаг вперед. Вместе с тем понятие обязательств перед международным сообществом в целом имеет особое значение. Геноцид, агрессия, апартеид, насильственный отказ в самоопределении представляют собой противоправные деяния, которые “шокируют человечество”, и представляется правильным отразить это в аспекте последствий, связанных с их нарушением⁴¹¹.

На пятьдесят третьей сессии Комиссия завершила рассмотрение темы “ответственность государств” во втором чтении и постановила рекомендовать Генеральной Ассамблее принять к сведению в своей резолюции проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и включить проекты статей в приложение к этой резолюции.

Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятые во втором чтении, содержат главу III — “Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права”, применяемую, согласно статье 40, “к международной ответственности, которую влечет за собой серьезное нарушение государством обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права”. Статья 40 предусматривает, что “нарушение такого обязательства является серьезным, если оно сопряжено с грубым или систематическим невыполнением обязательства ответственным государством”. Таким образом, для целей дифференциации правонарушений государств в проект включено понятие “серьезное нарушение государством обязательства”, базирующееся на концепции императивной нормы общего международного права. Термин “международное преступление” не используется.

Комментируя это решение, Комиссия указала, что, несмотря на состоявшиеся процессы и осуждение Нюрнбергским и Токийским военными трибуналами отдельных правительственных должностных лиц за преступные деяния, совершенные ими в их официальном качестве, ни Германия, ни Япония не рассматривались в качестве “преступных государств” в документах, учреждавших эти трибуналы. Что касается более недавней международной практики, то схожий подход применялся при создании специальных трибуналов

для Югославии и Руанды Советом Безопасности Организации Объединенных Наций.

Оба суда рассматривают дела только отдельных лиц (статьи 1 и 6 Устава Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года, и статьи 1 и 7 Устава Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств). В своем решении по делу Бласкича (возражения по вопросу о приказе о явке в суд) Апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии заявила, что нынешнее международное право ясно указывает на то, что государства по определению не могут быть объектом уголовных санкций наподобие тех, которые предусмотрены в национальных уголовных системах⁴¹².

В Римском статуте Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года также устанавливается юрисдикция в отношении “самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества”, но эта юрисдикция ограничивается “физическими лицами” (пункт 1 статьи 25). В этой же статье конкретно указывается, что ни одно положение в этом статуте, “касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву”. Отказавшись от деления правонарушений государств на “преступления” и “деликты”, Комиссия подчеркнула, что, тем не менее, “в статьях необходимо отразить то обстоятельство, что в области ответственности государства существуют определенные последствия, вытекающие из базовых концепций императивных норм общего международного права и обязательств перед международным сообществом в целом⁴¹³.”

Исторически понятие “международное преступление государства” развивалась в виде морально-политических деклараций, не подкрепленных международно-правовой практикой. Однако если рассматривать “международное преступление” как этическую

категорию, возникает вопрос: насколько уместно определение преступления государств в терминах морали? Государства не имеют своей собственной системы этики; действия государств оцениваются на основе человеческих идей и идеалов. В то же время, даже признавая ее существование, следует обсудить, может ли государство нести ответственность, если преступление определено в терминах этики.

Видимо, следует согласиться с тем, что всеобщее осуждение деяния как “безнравственного” не превращает его в международное преступление. Этика — неадекватное объяснение международного преступления государства. Моральные категории должны действовать в иной нормативной системе и порождать моральную ответственность. Перенос моральных понятий в правовую систему неизбежно влечет за собой ее искажение. Столь же проблематично механическое перемещение понятий уголовного права в международное.

Концепция “международных преступлений” государств конкурирует с индивидуальной ответственностью лиц, совершивших действительные, а не искусственно сконструированные преступления. Она является дискриминационной по отношению к государствам, то есть их народам. Возможно, помимо воли своих авторов и сторонников, эта теория оправдывает возрождение принципа объективного вменения, когда за действия виновных лиц страдания возлагаются на невиновных.

Государство, как известно, — это не только правительства, которые могут быть преступными, но и население — народ, который преступным быть не может. Тем не менее, каждый, кто считается совершившим преступление, несет груз не только юридической, но и моральной ответственности. Отчасти именно желание придать наиболее тяжким международным правонарушениям этически окрашенную оценку послужило причиной внедрения понятия “преступление государств”. Подобно тому, как государству “присваиваются” действия его официальных лиц, народу, “присваивается” преступление государства. Так вина отдельных лиц трансформируется в “вину” народа.

П. Дрост (*Drost*) в известном труде “Государственное преступление” развивает теорию, согласно которой “государственные

акты” могут быть государственными уголовными преступлениями по международному праву (*crimes of state under international law*). Но “государственные преступления”, согласно Дросту, — это не “преступления государства”. Государство не может быть преступником. Уголовное право имеет дело с индивидуумами, воздействует на индивидуальную психологию, и его санкции применимы только к индивидуумам. Исходя из теории, рассматривающей государство как фикцию, П. Дрост справедливо заметил: “Преступное государство есть, говоря юридически, бессмыслица; преступное правительство, наоборот, является юридической реальностью и весьма серьезным вызовом... Возможность наказания государства юридически и практически исключается. Правительства могут и должны быть наказуемыми, если международный правопорядок будет предусматривать осуществление уголовной юстиции” ⁴¹⁴. Однако и в случае “преступности правительства” преступления всегда остаются “индивидуальными преступлениями”, и уголовную ответственность за них несут физические лица.

Присущее людям стремление к справедливому возмездию не может быть обращено к государству в целом. С тех времен, когда общество одобряло кровную месть, направленную на всех членов рода преступника, человечество, при всех его недостатках, ушло далеко впе

Если субъектом преступления могут быть названы государства, то преступниками называются их народы, что влечет за собой ущемление прав народа, который, чаще всего, является основным “потерпевшим” от такого правонарушения. На народ в целом ложатся последствия осуждения государства, в то время как виновны в преступлении конкретные лица. При этом, в отличие от индивидов, имеющих определенную систему гарантий защиты своих интересов, государства таких гарантий не имеют. Именно потому, что признание государства преступником несет в себе груз морального осуждения всего народа, оно часто расценивается как несправедливое и оскорбительное.

Государство может быть субъектом преступной политики, выражающейся в конкретных политических преступлениях индивидов

(и их организаций), но оно не может быть субъектом преступления. Криминализировать акты государства не способно ни международное, ни, тем более, национальное право. “Криминализованная” политика — это криминализованное (то есть признанное преступным и подвергаемое уголовной репрессии) поведение физических лиц, но не государств. Включение в понятие “международная политическая преступность” особых, не обеспеченных юридическим содержанием и не влекущих уголовной ответственности “преступлений” государств, способно разрушить юридическую концепцию политической преступности.

Понятие “преступная политика” не имеет строгого юридического содержания и выходит далеко за пределы понятия “преступность”. Ни термин “политика”, ни определение “преступная” не обязывают юриста к их точному юридическому толкованию. “Преступный политик” и “политический преступник” — это далеко не одно и то же. Обвинение в преступной политике — идеологическое и политическое клише, в то время как официальное обвинение в политическом преступлении — элемент уголовного преследования.

Теория международного преступления государства утрачивает свои позиции. С точки зрения криминологии она представляется абсолютно неприемлемой. Расширение концепции преступности не должно приводить к утрате ею своего основного смысла и содержания. “Политическая преступность” и “преступная политика” — понятия корреспондирующие, но не идентичные.

ГЛАВА 3 НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Нюрнбергская концепция международного политического преступления

Основываясь на походе, согласно которому родовое понятие “международное преступление” может быть подразделено на виды в зависимости от сочетания основных параметров — “криминальности” и “юрисдикции”, категорию “международно-правовых преступлений” можно определить как деяние, криминализованное международным правом и потенциально подпадающее под международную юрисдикцию. Противоправность международных преступлений этой категории носит международно-правовой характер: относительно них существует международно-правовой запрет.

Такие деяния непосредственно нарушают нормы международного права и подлежат уголовному преследованию вне зависимости от наличия уголовно-правового запрета в национальном праве государства, на территории которого они совершены. По существу, преступления этой категории являются наднациональными. Органы международной уголовной юстиции и внутригосударственные суды вправе осуществлять правосудие непосредственно на основе норм международного права. Это положение отражено в Уставе Международного военного трибунала в содержащейся в статье 6 (пункт “с”) формуле относительно подлежащих его юрисдикции преступлений независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Концепция наднационального (международно-правового) преступления основана на принципе автономии международного права в установлении уголовного запрета.

Впервые на процессах в Нюрнберге и Токио на международно-правовой основе был закреплён и на практике реализован принцип индивидуальной международной уголовной ответственности. Главные военные преступники второй мировой войны как представители политического, дипломатического, военного, экономического и пропагандистского аппарата власти предстали перед судом по обвинению в планировании, подготовке и развязывании войны и совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности. Обвиняемых не освободили от уголовной ответственности ни ссылки на иммунитет, вытекающий из доктрины государственного акта, ни ссылки на приказ свыше или отсутствие внутригосударственных уголовно-правовых норм относительно этих преступлений⁴¹⁵.

“Отличие международных преступлений от других преступных действий, и в частности преступлений с международным элементом, именно в том и состоит, что вследствие их тяжкого для международного сообщества характера уголовная ответственность за такие преступления является международной и ей, в принципе, может сопутствовать международная уголовная юрисдикция в отношении этих лиц. Таким образом, важным юридически значимым следствием установления международной преступности того или иного деяния является возникновение международной уголовной ответственности физических лиц, его совершивших. Возникновение же этой ответственности имеет глубокое нормативное значение и существенно изменяет характер процессуальных норм и принципов осуществления судебной юрисдикции, — подчеркивает Ю. А. Решетов⁴¹⁶.

Деяния, получившие международно-правовую криминализацию, имеют особое политическое значение и являются воплощением преступной политики. “Международные преступления возникли как своеобразная правовая реакция на действия политических лидеров и государственных органов, несущих угрозу человечеству, — писал И. И. Карпец. — И хотя преступные деяния этого рода разнообразны, получили во многих случаях четкие и определенные характеристики, они являются политическими преступлениями по своему содержанию”⁴¹⁷. Политический характер международных преступлений отмечал Ю. Г. Барсегов: “Физические лица подлежат

за свои действия уголовной ответственности, хотя уголовными эти преступления можно считать лишь отчасти: несмотря на политический характер, международные преступления под руководством государственной власти либо в качестве ее носителя “для целей правосудия рассматриваются как уголовные”⁴¹⁸.

Сегодня можно констатировать, что существуют два вида относительно самостоятельных уголовно-правовых систем: международно-правовая и внутригосударственная. Индивид должен соотносить свое поведение с каждой из них и может понести уголовную ответственность за нарушение входящих в эти системы уголовно-правовых запретов. В случаях, когда эти системы не противоречат друг другу, международно-правовая выполняет роль дополняющей.

Как сказал Ф. Биддл, бывший член Нюрнбергского трибунала от Соединенных Штатов, “нельзя допускать, чтобы внутригосударственное право конфликтовало со стоящим над ним международным правом — точно так же, как у нас в стране признается недействительным закон штата, противоречащий федеральной конституции. Если бы мы пришли к каким-нибудь другим результатам, международное право как таковое потеряло бы свой смысл”⁴¹⁹.

Государство обязано иметь такую правовую систему, которая не противоречит международно-правовым требованиям и не ставит находящихся под их юрисдикцией лиц в ситуацию выбора уголовно-правового запрета. Однако государства далеко не всегда выполняют эту обязанность. Ответствен ли в таких случаях индивид, если он выполняет предписания национального права, нарушающие норму права международного? Может ли поведение, не преступающее закон, расцениваться как преступное? Где грань между правомерным поведением и преступлением? Как определить пределы правомерного поведения, если национальное право перестает быть мерилom дозволенного и преступного? Какой запрет имеет для индивида большую силу? Обязан ли индивид оценивать закон своего государства с точки зрения его соответствия международному праву и лишь после этого соблюдать его? В какой мере деяния, совершаемые по предписанию государства, могут быть вменены в вину индивиду? И, наконец,

должен ли он принимать на себя риск быть подвергнутым уголовному наказанию в своем государстве за неисполнение его законов?

Все эти вопросы неизбежно возникают в том случае, когда индивид привлекается к уголовной ответственности по международному праву, в то время как его поведение не расценивается как преступное с точки зрения национального права. Ответ на них пришлось искать в ходе Нюрнбергского процесса.

8 августа 1945 года между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным правительством Французской Республики в Лондоне было подписано Соглашение “О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси”, к которому был приложен Устав Международного Военного Трибунала. Трибунал учреждался, как гласит статья 1 Лондонского соглашения, для суда над “военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, независимо от того, будут ли они обвиняться индивидуально, или в качестве членов организаций или групп, или в том и другом качестве”. Перед судьями в Нюрнберге стояла сложнейшая правовая и политическая задача: вместить в строгие правовые рамки феномен абсолютного зла невиданных ранее масштабов и цинизма.

Германские фашисты с момента своей консолидации как особого политического движения проповедовали расовую теорию, превратив ее после прихода к власти в идейную основу планомерного и методического уничтожения миллионов людей “низшей расы”. Совершенные нацистами в период их господства в Германии, и особенно во время второй мировой войны, злодеяния не имеют себе равных в истории.

Уничтожение политических противников и людей, относимых нацистами к “неполноценной” расе, ликвидация детей — калек и инвалидов, бесчеловечные медицинские эксперименты над заключенными, убийство военнопленных, содержание без следствия и суда миллионов людей в концентрационных лагерях, направление населения из оккупированных местностей на каторжный труд в гитлеровский рейх, ограбление стран, ставших жертвами

гитлеровской агрессии, уничтожение культурных ценностей — таков далеко не исчерпывающий перечень преступных злодеяний нацистов. Все эти преступления явились грубым попранием международно-правовых норм⁴²⁰.

Эти злодеяния были воплощением расовых теорий германского фашизма, провозглашавших немцев “высшей” расой и объявлявших другие народы “недочеловеками”, призванными быть рабами “нордической” расы. Фашисты насаждали “новый порядок”, истребляли целые группы населения, покрывали захваченные территории сетью концентрационных лагерей, гетто и тюрем.

Концентрационные лагеря, первоначально созданные нацистами в Германии для изоляции и подавления оппозиционных и “ненадежных” элементов, со временем были превращены в предприятия по истреблению людей, главным образом военнопленных и мирных граждан оккупированных стран. Удушение в газовых камерах, повешение, расстрелы, лишение пищи, принуждение к непосильному труду, заражение тяжелыми инфекционными болезнями, сбрасывание с высоты — этими и другими способами в концлагерях и в “трудовых лагерях” были убиты миллионы ни в чем не повинных мирных людей⁴²¹.

Бухенвальд, Освенцим, Дахау, Треблинка, Майданек и многие другие — не были местом, где скрытно, в тайне от закона, совершались злодеяния. Напротив, концентрационные лагеря сами служили элементом права в гитлеровской интерпретации. Концентрационные лагеря были своего рода квинтэссенцией всей нацистской системы, всей человеконенавистнической идеологии. С этими учреждениями нацизма сотрудничала нацистская юстиция.⁴²²

По официальным данным, в Бухенвальде фашистскими палачами уничтожено 56 000 человек, в Дахау — 70000, в Маутхаузене — более 122000, в Майданеке число жертв нацистов составило около 1500000 человек, в Освенциме погибло свыше 4000000 человек. Всего в нацистских застенках и концентрационных лагерях, которыми покрывалась Европа, содержалось 18 миллионов узников, из них было умерщвлено не менее 12 миллионов человек. Создав зловещую индустрию человекоистребления, гитлеровские военные преступники затопили мир кровью⁴²³.

Противоречие между национальным правом фашистской Германии и правом международным было очевидным и вопиющим. “Если рассматривать господство национал-социализма в сфере государственного управления и правосудия, то вырисовываются три основные позиции: ведущая роль принципа вождизма (абсолютной власти), принципа господства партии над государством и расизм, юридической формой выражения которого был принцип особого чрезвычайного права”. Последний может быть назван признаком противоправной практики в нацистском государстве, — пишет Д. Манер. — Центральным понятием стала немецкая “народная общность”, к которой принадлежал лишь тот, у кого была “немецкая или родственная по группе кровь” ⁴²⁴.

Вместо всеобщего равенства (статья 109 Веймарской конституции), которое, как и все другие основные права, формально никогда не отменялось, вводилось “народное” равенство, основой которого провозглашалось “равенство людей немецкой национальности по признаку крови”. Понятие особого права содержало в себе возможность безграничного расширения и произвола. Принцип “народного неравенства” получил самое широкое применение на аннексированных и оккупированных Германией территориях. Славянские народы рассматривались как будущие рабы Европы. Согласно немецкой “расовой теории”, нельзя было даже говорить о существовании славянской “расы”. “Народное неравенство” (особое право), обоснованное с расовых позиций, стало средством политической борьбы.

Осуществление принципа особого права наиболее четко прослеживается в области уголовного права. Дискриминация “чуженародных” элементов представляла собой составную и доминирующую часть общей криминализации и расширения понятия состава преступления. Обновленное уголовное право стало “авторитарным уголовным правом”, центральным понятием которого явилась обоснованная с расовой точки зрения “народная общность”. Уголовное право превратилось в целевое право в смысле абсолютного приоритета интересов “народной общности” с целью ведения “беспощадной борьбы с “непокорными элементами”. После этого наказуемым стало все, что шло вразрез с интересами “народной

общности". Абсолютный приоритет так называемых "общностных" интересов нашел отражение в особом праве относительно "чуждых господствующей расе" свое типичное выражение, так как они ("чуждые") с самого начала находились за рамками "народной общности".

Первым специальным уголовным законом был закон о защите немецкой крови и немецкой чести от 15 сентября 1935 года, рассматривавший как преступление "осквернение расы". Наказанию подлежал факт заключения брака между евреями и "представителями арийской расы", а также между другими "чужаками" и арийцами, в случае если "ожидалось потомство, наносящее ущерб сохранению чистоты немецкой крови". Два года тюрьмы грозили тем, кто вступал во внебрачные отношения. К году тюрьмы или денежному штрафу приговаривались евреи, имевшие в домашнем хозяйстве женский персонал "с немецкой кровью" моложе 45 лет. Законодательным путем был издан еще один акт чрезвычайного характера: "Постановление об уголовном праве для поляков и евреев" от 4 декабря 1941 года. Оговорка, касающаяся применения этого постановления, гласила: "Поляки и евреи должны вести себя в присоединенных Германией восточных областях соответственно немецким законам и согласно изданным для них немецкими властями распоряжениям. Они не должны предпринимать ничего, что бы наносило вред суверенитету немецкой империи и авторитету немецкого народа". Кроме того, устанавливались, что в случае проявления гражданами этих территорий враждебных немецкому народу убеждений, настроений путем подстрекательской или враждебной деятельности, таких, как враждебные немецкому народу высказывания или саботаж, нанесение вреда рабочему месту или же в случае какого-либо другого поведения, которое несет вред благосостоянию или авторитету рейха или немецкого народа, они приговариваются к смертной казни. Неопределенность формулировки "враждебное немецкому народу поведение" открывала возможность для неограниченного толкования, что полностью подтверждала широкая судебная практика применения смертной казни. Наиболее репрессивный характер приобрела уголовная политика в период войны. Беспрецедентной жестокости эта политика достигла в делах против "чуженародных элементов"⁴²⁵.

Нацистские “теоретики” утверждали, что генезис борьбы с преступностью надо искать в инстинктивной борьбе первобытного человека за чистоту крови племени, наказание — это возмездие с целью “охраны расы и чести народа”, имеющее исключительно репрессивный характер. Гитлер в речи 23 марта 1933 г. требовал впредь “измену государству и народу истреблять с варварской беспощадностью”⁴²⁶.

С 1934 года гитлеровцы сконцентрировали все судебное управление и окончательное разрешение судебных дел в имперских органах (закон 16 февраля 1934 года). В ходе реорганизации судебной системы создавались новые судебные учреждения, способствовавшие осуществлению нацистской программы агрессии и террора: чрезвычайные суды, “народная судебная палата”, военно-полевые суды, особые “суды наследственного здоровья”⁴²⁷.

Наиболее известным нацистским нововведением была так называемая “народная судебная палата”, созданная по декрету от 24 апреля 1934 года после того, как имперский верховный суд оправдал обвиняемых по делу о поджоге рейхстага. “Народная судебная палата” заменила верховный суд в качестве суда первой и последней инстанции для большей части дел о “государственной измене”. Со временем нацистскими декретами понятие “измена” было чрезмерно расширено; как специальным судам, так и “народной судебной палате” предоставлена юрисдикция в отношении весьма разнообразных преступлений. В 1936 году, например, вывоз имущества из Германии был объявлен преступлением против национальной экономики, и “народной судебной палате” предоставлена юрисдикция в отношении подобных дел. В 1940 году новый декрет еще более расширил юрисдикцию специальных судов и “народной судебной палаты”, распространив ее на новые многочисленные категории преступлений, таких, как уклонение от воинской повинности и слушание иностранных радиопередач. К концу войны по декрету от февраля 1945 года были учреждены чрезвычайные военно-полевые суды в районах, которые находились под “угрозой приближающегося противника”⁴²⁸.

Кровавый террор нацистов и столь же кровавая деятельность нацистской юстиции осуществлялись в соответствии с гитлеровским

законодательством, “узаконивающим” совершение массовых преступлений. Нацистская юстиция не только активно участвовала в совершении преступлений против различных народов на временно оккупированных вермахтом территориях, но и расправлялась с политическими противниками внутри страны.

Существуют данные, что до начала войны обычными судами в Германии по политическим мотивам было осуждено более 225000 человек. В 1939 году в заключении по политическим мотивам находилось не менее 300000 немцев. К концу войны их число достигло 1 миллиона, сотни тысяч немцев погибли в концентрационных лагерях. Если за 25 лет, с 1907 по 1932 год, в Германии было приговорено к смертной казни 1400 человек, в отношении 345 человек приговоры были приведены в исполнение, то в третьем рейхе только общегражданскими судами с 1933 по 1944 год было вынесено 13405 смертных приговоров. По приговорам военных судов за период с 1 сентября 1939 года по 30 ноября 1944 года было казнено 9413 солдат и офицеров вермахта; число жертв военно-полевых судов неизвестно. Таковы цифры, характеризующие деятельность органов юстиции фашистской Германии, активно осуществлявших террор в третьем рейхе⁴²⁹.

Фашистские лидеры “третьей империи” в 1936 году в официальном “Руководстве по новейшему военному искусству” сформулировали свою национал-социалистскую международно-правовую “концепцию”. Она гласила: “Теперь, как и прежде, война является мировым судом. Она измеряет ценность целых народов и взвешивает прошлое и настоящее со всеми силами и слабостями. Против ее решения не может быть жалоб”. 13 марта 1941 года была издана под грифом “совершенно секретно” директива главного командования вооруженных сил Германии об установлении оккупационного режима на подлежащей захвату территории Советского Союза в соответствии с планом “Барбаросса” (план войны против СССР). В распоряжении Гитлера от 13 мая 1941 года “Об особой подсудности в районе “Барбаросса” и особых мероприятиях войск” говорилось: “Возбуждение преследований за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление”⁴³⁰.

Еще более определенно индульгенция на бесконтрольное уничтожение гражданского населения содержалось в директиве Верховного командования германскими вооруженными силами от 16 декабря 1942 года (№ 1 А/1388/42). В ней говорилось: “Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе против банд, за свое поведение в бою были привлечены впоследствии к ответственности. В связи с этим фюрер приказал: 1) ... Войска имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничений, также против женщин и детей, если только это способствует успеху... 2) Ни один немец, участвующий в боевых действиях, за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке”⁴³¹.

Захваты чужих территорий сопровождались введением террористической системы подавления. С одной стороны, практиковалось прямое истребление определенных категорий населения, осуществляемое различными карательными органами, с другой — вводились специальные процедуры, направленные на устрашение и ликвидацию всякого сопротивления оккупантам.

Примером такой процедуры был изданный 7 декабря 1941 года по распоряжению Гитлера и Кейтеля приказ, именовавшийся “Мрак и туман”, по которому граждане оккупированных территорий, обвинявшиеся в якобы совершенных ими преступлениях против германских оккупационных сил в ходе участия в движении Сопротивления, скрытно увозились для тайного суда над ними, осуществлявшегося специальными судами министерства юстиции на территории рейха. В соответствии с этим приказом местонахождение человека, суд над ним и его последующая судьба держались в абсолютной тайне, что преследовало двоякую цель — терроризировать родственников и друзей жертвы, закрыть доступ свидетелей к доказательствам и исключить возможность пользоваться помощью адвоката. Обвиняемый передавался в гестапо для “превентивного заключения”, если он по суду был оправдан, а также осужден. В последнем случае передача в гестапо производилась после отбытия наказания. Эти методы приводили к истязаниям, жестокому обращению и убийству тысяч людей⁴³².

Убийства гражданского населения и жестокое обращение с ним достигли предела при обращении с гражданами Советского Союза и Польши. В приказе от 23 июля 1941 года, подписанном будущими подсудимыми Нюрнбергского трибунала Йодлем и Кейтелем, говорилось: “Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер”⁴³³.

При захвате восточных территорий гитлеровские агрессоры ставили цель “обезлюдить” пространства, освободить их от коренного населения для немецкой колонизации. Для ее осуществления важнейшая роль отводилась органам формирования третьего рейха. Основным документом планирования захвата чужих земель и порабощения местного населения был генеральный план “Ост” (Восток). По плану “Ост” предусматривалось принудительное выселение из Польши и западной части СССР 80 — 85 % населения, 75 % — из Белоруссии, 65 % населения Западной Украины, значительной части населения Эстонии, Латвии и Литвы. В плане “Ост” указывалось, что “германизация рассматривается завершенной, когда, во-первых, владельцами самостоятельных предприятий, чиновниками, служащими, квалифицированными рабочими, включая их семьи, станут немцы”. Местному населению была уготована участь рабов, рождаемость которых должна быть разными мерами ограничена, и они не должны получать какое-либо образование. “Излишки” местного населения должны быть физически уничтожены. Фактически, Генеральный план “Ост” предусматривал физическое уничтожение 120 — 140 миллионов человек на территории Польши и Советского Союза⁴³⁴.

Преступный фашистский режим и развязанная им вторая мировая война принесли народам Европы миллионы смертей и неисчислимые страдания. Вторая мировая война втянула в свою орбиту более трех четвертей населения земного шара и была самой

кровопролитной и самой разрушительной войной XX века. Советский Союз потерял во второй мировой войне 20 миллионов жизней. В Польше было уничтожено 6 миллионов человек (22 % населения), в том числе 5877 тысяч гражданских лиц — расстрелянных, замученных, погибших от голода. В Югославии, население которой накануне войны составляло около 15 миллионов человек, погибло 1685 тысяч человек, в том числе 1275 гражданских лиц. В Греции с ее 6-миллионным населением было уничтожено 429 тысяч человек, из них 400 тысяч гражданских лиц⁴³⁵. Около 6 миллионов евреев стали жертвами фашистского геноцида⁴³⁶.

Нюрнбергский процесс имел своей основной целью наказание лиц, виновных в развязывании войны и связанных с ней преступлениях. Это был суд над виновниками войны, что нашло отражение уже в самом названии Трибунала. Понятие международного преступления в значительной степени было сопряжено с конкретными историческими событиями и отождествлялось со злодеяниями второй мировой войны.

“Нюрнбергский процесс явился первым историческим прецедентом привлечения к ответственности и наказания наиболее опасных военных преступников. Не только на словах, но и на деле государственные деятели, должностные лица гитлеровской Германии, виновные в развязывании войны и совершившие другие международные преступления, были осуждены и получили заслуженное суровое наказание”, — пишет академик В. Н. Кудрявцев⁴³⁷.

Уголовное преследование нацистов имело историко-воспитательный и идеологический подтекст и было призвано служить возмездием преступникам — представителям побежденной стороны. В судебных процессах по этим делам добро и зло были четко идентифицированы и очерчены⁴³⁸. В то время, когда потрясенный мир еще находился в шоке от величайших злодеяний, дискуссии относительно юридических тонкостей выглядели неуместными и кощунственными попытками оправдания этого зла. Тем не менее, аргументы защиты потребовали убедительного опровержения.

Как известно, защитники обвиняемых в ходе Нюрнбергского процесса выдвигали различные аргументы, в частности:

1) события международной политики не могут быть предметом юридических решений, а поскольку война — средство политики, то к уголовной ответственности за ее развязывание привлекать нельзя;

2) привлечение обвиняемых к уголовной ответственности является нарушением принципов “*nullum crimen sine lege*” и “*ex post facto*”;

3) все действия, предпринятые от имени государства, не подлежат суду третьего государства (доктрина государственного акта);

4) глава государства мог быть осужден лишь национальным судом (принцип иммунитета глав государств);

5) преступное действие, совершенное в соответствии с приказом начальника, не может рассматриваться как преступление.

Этот перечень может быть дополнен ссылками на крайнюю необходимость, доктриной “коллизии обязанностей” и другими. Получался замкнутый круг — глав государств судить нельзя, постольку они обладают иммунитетом, правительство и военное командование действовали от имени государства — следовательно, неподсудны, а все остальные преступники действовали в соответствии с приказами и также не отвечали за свои действия ⁴³⁹.

Выступивший на Нюрнбергском и ряде последующих процессов по делам нацистских преступников адвокат Г. Латернзер заявлял о наличии у обвиняемых непреодолимого “внутреннего конфликта”, возникающего в их сознании из-за конкуренции двух систем законодательства: действующего внутри национального законодательства и положений международного права, по-разному оценивающих совершенные деяния. По мнению Г. Латернзера, “почти все, кто с 1945 года обвинялся в военном преступлении правовыми органами победивших наций, на самом деле совершали их либо по приказу своего начальника, либо на основании распоряжения своего правительства Согласно законам своего собственного государства, он не смел отказываться от выполнения приказов, поступавших сверху..., и потому совершил нечто такое, от чего не мог отказаться. Уже одно это исключало всякую возможность справедливо разрешить судебным порядком проблему определения ответственности за военные преступления”⁴⁴⁰.

Профессор Яррайсс, участвовавший в процессе на стороне защиты и выступавший с речью по общеправовым вопросам, акцентировал внимание на двух основных принципах германского

права. Первый касался абсолютной власти Гитлера лично либо через соответствующие органы принимать законы, обеспечивать их исполнение и объявлять в судебном порядке. Второй принцип состоял в том, что эти законы не подвергались сомнению. О первом принципе он говорил: “Если теперь задать вопрос об ограничениях в праве в том смысле, как они понимаются в Европе, и если в первую очередь задать вопрос об ограничениях в германском праве, то придется ответить, что для Гитлера ограничения в германском праве не существовали. Гитлер являлся *legibus solutus*... Люди, которые говорят, что дело обстояло иначе, лишь выражают желаемое, но не отражают действительных правовых фактов”.

В отношении второго принципа Яррайсс утверждал, что если германские законы осуществлялись в обычном процессуальном порядке, то судебные власти не имели возможности подвергать их сомнению на основании конституционных или этических норм. По нацистской системе и до ее создания германские судьи были обязаны применять германское право, даже если это шло в нарушение принципов международного права. По этому поводу профессор Яррайсс заявил: “Говоря иными словами, не имело никакого значения, сознательно ли государство приняло закон, несовместимый с международным правом, или нет; таково было юридическое положение вещей, как это ни прискорбно. ...С другой стороны, вне сомнения, существовали правовые ограничения для Гитлера по международному праву... Он был связан международным правом...”⁴⁴¹.

В своей речи Яррайсс развивал идеи уголовной ответственности государства и полностью отрицал ответственность физических лиц, действовавших во исполнение государственного акта. Позиция Яррайсса основывалась на тезисе о “нормативной силе фактического”, признающем за любым правовым актом силу общеобязательного предписания. Исходя из тождественности закона и права, он настаивал на том, что все действия руководства Германии соответствовали целям суверенной власти и ее носителя-вождя, а потому были законны в смысле принципов действовавшего права⁴⁴².

При такой интерпретации виновником величайшей трагедии XX века оказывается только один человек — “фюрер”, нарушивший международное право, в то время как все, кто расстреливал и сжигал

в газовых камерах, подвергал жесточайшим страданиям миллионы людей, были всего лишь исполнителями его воли, действовавшими в соответствии с правом, и потому невиновными. Но может ли “оправдывать” право, предписывавшее совершать невиданные злодеяния и являющееся, само по себе, злодеянием? Является ли преступником человек, “не преступающий” национальный уголовно-правовой запрет, но нарушающий абсолютные нормы естественного права?

Среди множества концепций, авторы которых пытаются найти ответы на эти вопросы, особый интерес представляет доктрина об “ошибке в запрете”. По мнению сторонников этой доктрины, для освобождения от ответственности недостаточно предположения и сознания самого субъекта о разрешенности деяния, а нужно, чтобы деяние являлось в сознании “всех морально и справедливо мыслящих людей правомерным и нравственным”; понятия неправомерности и безнравственности “определяются господствующими воззрениями”. “Ошибка в запрете” не связана с фактическими обстоятельствами, а происходит тогда, когда “субъект знает, что он делает, но ошибочно представляет себе, что это дозволено”.

В 1949 году Г. Вельцель (*Welzel*) в очерке по философии права “О заблуждающейся совести”, анализируя некоторые правовые воззрения от Аристотеля и Канта до Сартра и современных экзистенциалистов, в конце “хождения по истории центральной проблемы совести” сформулировал, в частности, следующие выводы. Во-первых, для любого лица нет очевидных положений естественного права; по поводу всех морально-этических требований можно заблуждаться, но заблуждение не исключает вину. Оно извиняемо при “ожидаемом и обнаруживаемом напряжении совести виновника”. Неизвиняемым является заблуждение прежде всего при недобросовестности, то есть “при слепом выполнении требований, могущего быть признанным дурным”. Во-вторых, предпосылкой заблуждения совести является наличие морально-этических ценностей. Норма не является обязательным правом, если она нарушает “минимальные” требования, предъявляемые к “коллективному порядку”. Однако нормы, принимающие во внимание “нравственный минимум”, но имеющие “неуместное для исторической ситуации регулирование” (например, нарушающие принцип равенства), хотя и являются несправедливыми, но выступают как

“обязывающее право”, которое может быть отменено только “путем лучшего регулирования”⁴⁴³. Таким образом, при установлении ответственности учитываются стоящие над нормой закона факторы (“морально-этические ценности”), подлежащие оценке судьей.

Относительно применения учения об “ошибке в запрете” по делам о нацистских преступниках Р. Буш (*Busch*) писал: “Огромное значение представляет проблема ошибки в праве для осуждения преступников против человечности... В этих случаях речь идет, в общем, о деяниях, противоправность которых по немецкому праву не подлежит сомнению, но нередко встречаются случаи, когда субъект предполагает, что его деяние правомерно ввиду обязывающего его к повиновению приказа государственного руководства или каких-либо не предусмотренных в законе оснований”⁴⁴⁴. Согласно постановлению Верховного суда ФРГ о значении “ошибки в запрете” от 18 марта 1952 года, судья не связан законодательной формой и должен принимать решения на основе “нравственной идеи, с помощью непосредственной оценки”⁴⁴⁵.

Международно-правовая криминализация, основанная на признании общечеловеческих ценностей, а не произвольном усмотрении законодателя, решает вечную проблему противоречия между позитивным правом и справедливостью.

Как следует из статьи 6 Устава, Трибунал, учрежденный для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имел право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений: а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание, ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, а также участие в общем плане или заговоре, направленных на осуществление любого из вышеперечисленных действий; б) военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны, к которым относятся убийства, истязания, увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства, истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не

оправданное военной необходимостью, и другие преступления; в) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Устав выделял три вида преступлений: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Через год такая классификация была повторена в Уставе Международного военного трибунала для Дальнего Востока.

Профессор А. Н. Трайнин обозначил эти преступления обобщающим термином “преступлениями против человечества”. Такие преступления являются посягательствами на основы международного общения и охватываются единым родовым понятием международного преступления ⁴⁴⁶.

Юрисдикция трибуналов распространялась на действия, имевшие место в прошлом, и это требовало концептуального согласования с принципами “*nullum crimen sine lege*” и “*ex post facto*”. Одной из причин доктринального отрицания Нюрнбергского прецедента стали ссылки на ретроактивное применение уголовного права. В процессе судебного разбирательства подсудимые и их защитники утверждали, что применением к ранее совершенным преступлениям установленных позднее правовых санкций нарушается принцип “*nullum crimen sine lege*”. Для опровержения этого утверждения Нюрнбергский трибунал использовал концепцию преступлений “по общему международному праву”.

Нюрнбергский трибунал в своем приговоре опирался на теорию, согласно которой преступления, отнесенные к его юрисдикции, рассматривались как преступления по общему международному праву, существовавшие задолго до принятия Устава и начала Нюрнбергского процесса.

Считая, что всеобщность и сила принципов международного права присущи самой его природе, Трибунал утверждал в приговоре, что с точки зрения основной идеи общего международного права

заведомо преступными являются действия, которые нарушают интересы, защищаемые международным правом⁴⁴⁷. Тезис, согласно которому все преступления, инкриминировавшиеся обвиняемым, являлись преступлениями по общему международному праву, стал основным постулатом нюрнбергской концепции. Однако этот тезис оказался весьма уязвимым и вызвал серьезную критику.

До Нюрнбергского прецедента не было международно-правовой нормы, устанавливающей, что определенная категория преступлений подпадает под международную юрисдикцию, как не существовало органа, обладающего такой юрисдикцией. Более того, история свидетельствует о том, что попытка учреждения международного уголовного суда после первой мировой войны была отвергнута именно потому, что противоречила сложившейся международной практике: лица, виновные в инициировании и ведении агрессивной войны, никогда не подвергались уголовным санкциям. Учреждение Нюрнбергского трибунала было, без сомнения, революционным событием в международном праве, и ссылка на обычай как источник криминализации рассматриваемых деяний потребовала усиленной аргументации.

Военные преступления как преступления против общего международного права были описаны в приговоре Нюрнбергского трибунала наиболее убедительно: “Законы ведения войны можно обнаружить не только в договорах, но и в обычаях, и в практике государств, которые постепенно получили всеобщее признание, и в общих принципах правосудия, применявшихся юристами и практиковавшихся в военных судах. Это право не является неизменным, но путем постоянного приспособления оно применяется к нуждам изменяющегося мира. В действительности во многих случаях договоры лишь выражают и определяют для большей формальной точности принципы уже существующего права”⁴⁴⁸.

По вопросу о том, можно ли считать военные преступления преступлениями по международному праву, криминализированными задолго до совершения таких деяний подсудимыми, значительных разногласий не существовало. Эти деяния, состоящие в грубом нарушении норм международного гуманитарного права, относят к “традиционным” видам международных преступлений.

“Корни гуманитарного права глубоки. Законы войны так же стары, как сама война, а война так же стара, как жизнь на Земле”, —

пишет Ж. Пикте⁴⁴⁹. Санкции за нарушение правил ведения войны содержатся, в частности, в Петербургской декларации от 29 ноября 1868 года, в решениях Брюссельской конференции 1874 года, в Гаагских конвенциях 1899 года, пересмотренных в 1907 году.

Выражение “преступники войны” (“*war criminals*”) вошло в обиход после первой мировой войны. В более широком смысле оно употребляется для обозначения как виновников военной агрессии, так и лиц, ответственных за нарушения законов и обычаев войны; в более узком смысле под преступниками войны понимаются только нарушители законов и обычаев войны⁴⁵⁰.

Правосудие в отношении лиц, обвиняемых в таких преступлениях, осуществлялось в пределах национальных юрисдикций задолго до Нюрнбергского процесса. Многие специалисты высказывали мнение, что такие действия, как грабеж, поджог, убийство, жестокое обращение с военнопленными, изнасилование и иные акты насилия должны караться на основании общих уголовных законов, поскольку то обстоятельство, что подобные действия противоречат, помимо национальных уголовных законов, нормам международного права, не изменяет их природы. Значение норм права войны заключается в том, что из них вытекают условия, при которых насильственные действия перестают быть преступными; при отсутствии же таких условий убийство остается убийством, похищение — похищением, и для их виновников никоим образом не может служить защитой их военная форма⁴⁵¹. Это позволяло рассматривать насильственные действия, совершенные военными служащими вопреки законам и обычаям войны, в качестве национальных общеуголовных преступлений.

Наряду с военными преступлениями, запрещенность которых с точки зрения общего международного права сомнений не вызывала, Трибунал объявил о существовании двух относительно новых видов преступлений по международному праву — преступлений против мира и преступлений против человечности.

Преступления против человечности, согласно статье 6 (в) Устава, составляли “убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым

преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет”.

В определенной мере, обоснование международной уголовной ответственности физических лиц применительно к преступлениям против человечности можно найти в общих принципах права. Принцип гуманности закреплен в известной “оговорке Мартенса”: в IV Гагской конвенции 1907 года “О законах и обычаях сухопутной войны” говорится, что в случаях, не предусмотренных принятыми государствами постановлениями, “население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания”. Таким образом, в Конвенции зафиксирована допустимость принятия решений на основании общих принципов, отражающих правосознание народов.

Многие специалисты полагают, что, принимая во внимание изменения, которые произошли в XX веке в приемах ведения войны, и эволюцию международного права, вполне можно утверждать, что к середине 30-х годов XX века преступления против человечности являлись также преступлениями по международному праву⁴⁵². Подчеркивая, что в преамбуле IV Гагской конвенции 1907 года был зафиксирован принцип аналогии, И. А. Ледях обращает внимание на то, что “сам факт допущения аналогии в международном праве, то есть решения конкретных случаев на основании общих принципов с помощью расширительного толкования, представляется закономерным именно в силу специфики международного права и означает, что источником регулирования выступает правосознание народов. “В этом смысле, — пишет И. А. Ледях, — состав преступления против человечности не может расцениваться как нововведение в действующее международное право”⁴⁵³.

Преступления против человечности нередко рассматриваются как дополнение к военным преступлениям, с единственным отличием от последних в том, что потерпевшими от этих преступлений могли быть германские граждане. Как следует из содержащегося в Уставе определения, такое преступление может быть направлено против

“любого гражданского населения”, то есть, в том числе, и против собственного населения государства-правонарушителя. Основное условие, которое устанавливал Устав, заключалось в том, что такого рода деяние должно было быть совершено “с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала”.

Таким образом, Устав Трибунала ограничил круг “преступлений против человечности” оговорив, что любое действие может быть преступлением против человечности лишь в том случае, если оно совершается “с целью осуществления или в связи” с военным преступлением или преступлением против мира.

В то же время нельзя не заметить, что понятие “преступление против человечности” значительно шире понятия крупных военных преступлений. Именно потому, что запрет деяний, отнесенных к этой категории, распространяется на граждан государства-нарушителя, он противоречит старой норме, согласно которой государство имело право вести себя со своими гражданами по своему усмотрению.

Н.-С. Родлей отмечает, что “перед второй мировой войной фактически не существовало общего международного права прав человека. Несмотря на то, что международное право к тому времени было значительно развито в области правил ведения войны, а также были сделаны некоторые шаги в направлении защиты прав человека в международном масштабе, тем не менее, вопрос о правах человека относился к области внутренней юрисдикции государств. Вторая мировая война принципиально изменила ситуацию”⁴⁵⁴.

С этой точки зрения, категория преступлений “против человечности” выходит за пределы военных преступлений и представляет собой новый, введенный Уставом комплекс состав преступления. “Никогда ни один законодательный акт не содержал в себе такого наименования отнесенных сюда преступлений, — подчеркивал Н. Н. Полянский. — В этом наименовании содержится благородная идея, что, несмотря на все границы, которые разделяют человечество — территориальные, национальные, классовые — есть требования, которым, по крайней мере, в представлении всех цивилизованных народов, должен удовлетворять человек для того, чтобы быть достойным называться человеком”⁴⁵⁵.

По мнению Р. Кларка, преступления против человечности, в общем, не сыграли заметной роли в разработанной Трибуналом классификации преступлений: “Два чиновника, осужденных за совершение преступлений против человечности, но не за военные преступления, отнюдь не были главным объектом внимания со стороны Трибунала. Тем не менее, один из них был приговорен к смертной казни, а другой — к длительному сроку тюремного заключения единственно за совершение преступлений против человечности. Несмотря на то, что в приговоре Трибунала рассуждениям на эту тему уделено относительно мало места, и что ему ни разу не удалось провести четкое различие между преступлениями против человечности и военными преступлениями, Трибунал, судя по всему, отнесся к преступлениям против человечности вполне серьезно”⁴⁵⁶.

Большое значение для функционирования международного права и для его взаимодействия с национальным правом имеет содержащееся в Уставах трибуналов положение, согласно которому преступления против человечности подсудны трибуналам “независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет” (статья 6 “с”). Таким образом, устанавливалась прямая ответственность индивидов по международному праву за совершение предусмотренных им преступлений, а также приоритетная сила международного права в отношении права национального при определении состава таких преступлений и ответственности за их совершение⁴⁵⁷.

Преступления, вменявшиеся в вину подсудимым, были реализацией агрессивной государственной политики и нацистской идеологии. Агрессивная война и человеконенавистническая идеология стали главными обвиняемыми процесса. Отказаться от обвинения в совершении преступлений против мира означало бы оставить безнаказанными самые тяжкие злодеяния.

В приговоре Международного Военного Трибунала говорится: “Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — она является тягчайшим международным преступлением...”⁴⁵⁸.

Утверждение, что преступления против мира нарушали нормы общего международного права, сложившиеся к моменту их совершения, было весьма спорным и послужило поводом для особенно острых дискуссий. Как известно, оно подверглось особой критике со стороны защиты на Нюрнбергском процессе.

Наиболее полно выразил мнение о недопустимости привлечения к ответственности физических лиц за преступления против мира профессор Яррайсс. Прежде всего, он подверг критике то положение Устава, которое провозглашает агрессию международным преступлением. Придя к выводу о том, что международное право к началу второй мировой войны не содержало нормы о незаконности, и тем более преступности, войны, Яррайсс заявил: “Если Германская империя в отдельном случае начала наступление вопреки еще действующему договору о ненападении, то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права. Только империя, но не отдельное лицо, будь оно даже главой государства. По существующим нормам международного права это не вызывает никакого сомнения”. Далее Яррайсс утверждал: “Само собой разумеется, что акты государства — это действия людей. Но это все-таки и именно акты государства, проведенные в жизнь его органами, а не частные акты господина Мюллера или господина Шмидта”⁴⁵⁹. На основании отрицания наличия в международном праве норм, устанавливающих преступность агрессии, Яррайсс делал вывод о том, что с позиций права невозможно обосновать наказание нацистских руководителей за преступления против мира⁴⁶⁰.

В “Ходатайстве от лица всей защиты” утверждалось, что обвинение в преступлениях против мира было попыткой применить правовую норму *ex post facto*⁴⁶¹. Опровергая позицию защиты, Международный трибунал в своем приговоре обосновывал тезис, согласно которому преступления против мира также являются преступлениями против общего права. Трибунал утверждал, что действовавшее в тот период международное право определенно осуждало агрессивную войну как международное преступление. Лига Наций в целом ряде протоколов и решений объявляла агрессивную войну международным преступлением, предполагающим уголовную ответственность. Ссылки на такие документы, как проект Договора

о взаимной помощи 1923 года, Женевский протокол от 2 октября 1924 года, принятый на V Ассамблее Лиги Наций, декларация VIII Ассамблеи Лиги Наций от 24 сентября 1927 года, квалифицировавшие агрессивную войну как международное преступление, и, наконец, пакт Бриана–Келлога от 27 августа 1928 года, в котором осуждалось обращение к войне для урегулирования международных споров, дали Трибуналу основание для вывода о сложившейся норме общего международного права, налагающей на государственных деятелей уголовную ответственность за агрессивную войну.

Концепция Трибунала нашла поддержку у многих ученых, которые категорически отрицали какое бы то ни было нарушение принципа *ex post facto*. К. Райт (*Wright*), ссылаясь на Статут Международного Суда ООН (статью 38) утверждал, что “источниками общепризнанных норм международного права являются конвенции общего характера, общие обычаи, общие принципы и судебные прецеденты, а также выводы из доктринального юридического анализа, в связи с чем международное право напоминает общее право — в том смысле, что со временем его характер меняется и эволюционирует; если же рассматривать международное право как развивающуюся систему, станет очевидным, что международное право содержало запрет на действия, перечисленные в Уставе, задолго до того, как инкриминируемые преступления были совершены подсудимыми”. Решая вопрос о том, должно ли отдельное лицо быть признано виновным в этом преступлении, Райт утверждал, что необходимо было принять в расчет масштабы его власти над вооруженными силами или его роль и значение в качестве консультанта или коллаборациониста лица (лиц), осуществляющего (щих) такую власть, а также “его умысел при санкционировании либо при консультировании или коллаборационизме в санкционировании использования вооруженных сил”. Согласно разработанной Райтом концепции потенциальной ответственности физического лица, необходимо было, прежде чем физическое лицо могло быть признано виновным в совершении преступлений против мира, доказать оба элемента, то есть что имели место умысел на агрессию (а не действия физического лица, совершенные с целью самообороны или в других дозволенных целях) и осуществление незаконного акта государства⁴⁶².

По мнению Э. Цоллер, “стороны в Лондонском соглашении не приняли новых правовых норм — по крайней мере норм материального права — в отличие от норм процесса и юрисдикции, ибо имела место общая договоренность, что норма об ответственности к этому моменту уже составляла часть международного обычного права”⁴⁶³.

Вместе с тем, концепция “преступлений против общего права” применительно к преступлениям против мира вызвала серьезные возражения. Поборники позитивного права, для которых юридически действительными являются лишь нормы, проистекающие из совпадения воли государств, выраженного определенным образом, рассматривали все, что не отмечено этим признаком, как не обладающее обязательной юридической силой, и не порождающее материально-правовых прав и обязанностей. С точки зрения истинного позитивиста, для целей признания войны незаконной, не говоря уже преступной, количество и качество норм международного права, имеющих отношение к вопросу о праве государства вести войну по своему усмотрению, было абсолютно неадекватным ⁴⁶⁴.

Так, Г. Финш (*Finch*), категорически отвергал утверждение, что обращение к войне — агрессивной или иной — было незаконным по международному праву в 1939, 1943 или 1945 годах. Опровергая правовую базу такой концепции, Г. Финш заявлял, что на нератифицированные протоколы нельзя ссылаться в доказательство признания их положений, что резолюции международных конференций необязательны без последующего их одобрения, и что нельзя полагаться на них как на доказательства эволюции международного обычая, ставящего агрессию вне закона ⁴⁶⁵.

Ф. Могем (*Mangham*) писал, что мир был удивлен, когда прочитал в приговоре, что Устав был “выражением существующего международного права”, в то время как ни одно государство никогда ранее не утверждало, что агрессия — преступление. “Четыре державы, или четверо судей, — заявлял Могем, — не имеют права создавать какие-либо правила в области международного права, которые никогда раньше не были известны либо согласованы государствами”⁴⁶⁶.

Резкой критике позицию Трибунала в отношении преступления агрессии как “преступления против общего права” подверг Г. Кельзен (*Kelsen*), который утверждал, что пакт Бриана-Келлога не

создал уголовного запрета на действия частных лиц. Устанавливая уголовную ответственность индивидов за преступления против мира, Лондонское соглашение создавало новые правовые нормы, которых не было ни в пакте Бриана—Келлога, ни в общем международном праве. Исходя из этого, Кельзен делал вывод, что, вопреки заявлению Международного Трибунала о том, что международное право в том виде, как оно сложилось к 1939 году, уже предусматривало ответственность физических лиц за международные преступления, фактически единственным правообразующим документом является сам Устав Международного Трибунала, принятый, как известно, после окончания второй мировой войны. Однако, соглашаясь с тем, что Лондонское соглашение предусмотрело наказание отдельных лиц за деяния, которые в момент их совершения не были наказуемы по международному праву, Г. Кельзен признал, что “принцип игнорирования” допускал любое нарушение принципа *ex post facto*, какое только могло иметь место: “Правосудие требовало наказания этих людей как подсудимых на Нюрнбергском процессе... В случае, если два постулата правосудия конфликтуют друг с другом, преимущественное значение имеет высший из них; и наказание тех, кто нес моральную ответственность за международное преступление, каким была вторая мировая война, может наверняка рассматриваться как более важное дело, чем соблюдение весьма относительного правила о запрете применения закона *ex post facto*, из которого бывает так много исключений”⁴⁶⁷.

Советская доктрина международного права, как правило, категорически отвергала упреки в нарушении принципа “*nullum crimen sine lege*” и ретроактивном применении Трибуналом уголовного права либо отрицала абсолютную ценность этого принципа.

“Положение, что уголовный закон не может иметь обратной силы, вовсе не имеет абсолютного значения. Оно перестает действовать, когда законодатель находит нужным по тем или иным соображениям отменить его. В области международных отношений, где закон уступает место договору, это может сделать договор”, — подчеркивал Н. Н. Полянский⁴⁶⁸.

Отмечая, что “международное право и правосознание народов в существенной мере были подготовлены предыдущим развитием к привлечению к ответственности нацистских преступников”,

В. В. Пустогаров писал: “В свете этих фактов наивно представлять подсудимых на Нюрнбергском Трибунале как лиц, которые не ведали, что агрессия является международным преступлением. И позволительно спросить: какое уголовное законодательство, международное или национальное, могло заранее предусмотреть Освенцим или Треблинку, т. е. невиданные до тех пор преступления гитлеровцев? И разве планомерное уничтожение 6-ти млн. евреев, планомерное уничтожение военнопленных — это не международное уголовное преступление?”⁴⁶⁹.

В современной российской юридической литературе признается, что “принцип отсутствия обратной силы закона имеет свои существенные особенности в международном праве. Профессор Р. А. Мюллерсон утверждает: “Если преступный характер таких деяний установлен международным правом, а сами они имеют тяжкий и массовый характер, то возможно и последующее уточнение объективной стороны преступления. Это имело место и в Нюрнберге, где Устав Международного военного трибунала с его конкретными формулировками был разработан после фактического совершения действий, задолго до этого признававшихся преступными”⁴⁷⁰.

Вопрос о том, являлось ли принятие Лондонского соглашения и Устава Международного военного трибунала актом правотворчества, то есть содержали ли они новые правовые нормы, которые были применены к событиям, имевшим место до их принятия, до сих пор не нашел однозначного решения. Как справедливо заметил В. — Б. Саймонс, сам факт столь резких противоречий среди ученых-юристов дает основание полагать, что, в лучшем случае, можно говорить лишь об ограниченном признании понятия преступлений против мира как преступлений по международному праву⁴⁷¹.

Профессор И. И. Лукашук обоснованно считает справедливыми критические замечания в адрес Нюрнбергского трибунала, полагая, что “с точки зрения действовавшего в то время международного права уставы трибуналов и их приговоры были небезупречны”. Главное, по мнению И. И. Лукашука, заключалось в том, что, запретив агрессивную войну, международное право в ясно выраженной форме не установило уголовной ответственности руководителей государств за совершение соответствующих действий. По крайней мере, в отношении ответственности отдельных лиц за преступления

против мира, державы, подписавшие Лондонское соглашение, скорее создали новые, а не применили существовавшие нормы права⁴⁷².

Приходится признать, что доводы специалистов, усматривавших в позиции Трибунала определенное нарушение принципа “*ex post facto*”, выглядят весьма убедительно. Однако нужно заметить, что запрет ретроактивного применения касается только того уголовного закона, который ухудшает положение обвиняемых. Вполне очевидно, что вопиющие злодеяния, совершенные во время второй мировой войны, не могли остаться безнаказанными из-за несовершенства международного правопорядка. Альтернативой судебному преследованию была не безнаказанность преступников, а внесудебная расправа над ними, поэтому создание нормы о международной уголовной ответственности физических лиц и применение ее в порядке судопроизводства не являлось ухудшением положения обвиняемых.

Формулировка оснований международной уголовной ответственности, содержащаяся в Уставе Трибунала, позволила обвиняемым активно осуществлять свою защиту в рамках уголовного процесса и способствовала достижению целей неотвратимости наказания при условии соблюдения фундаментальных прав обвиняемых. В данном случае ретроактивное применение закона не нуждается в опровержении, поскольку улучшает положение обвиняемых и является вполне оправданным.

Использование юридической категории “преступление” для квалификации злодеяний нацистских лидеров привело к обращению справедливого возмездия в русло правосудия, и в этом смысле констатация уголовного характера совершенных деяний не явилось отягчением положения обвиняемых лиц. Видимо, следует признать, что это был случай ретроактивного применения права, но право всегда лучше бесправия, а правосудие, даже “правосудие победителей” — предпочтительней расправы.

Я. Броунли в связи с этим замечает, что если и существуют сомнения относительно того, были ли они общим международным правом до 1945 года то, “каково бы ни было состояние права в 1945 года, положения статьи 6 Устава Нюрнбергского трибунала впоследствии стали составной частью общего международного права”⁴⁷³.

Международно-правовое преступление в его “нюрнбергской” модификации — это преступление, которое возникает только в том случае, если “поражение и преступность совпадают”. Обвинение государства в совершении агрессии является международно-правовой основой ограничения суверенитета. Не просто военные преступления, а преступления агрессора были предметом рассмотрения Нюрнбергского трибунала. Поэтому агрессия как правонарушение государства, трансформированное в преступление его лидеров, служит стержнем всей морально-правовой конструкции “нюрнбергской” модели.

Таким образом, “нюрнбергское” международное преступление — это поведение индивидов, из действий которых складывается международное правонарушение государства, своего рода персонифицированное “преступление государства”, носящее, безусловно, политический характер.

“Субъектом международного деликта агрессии выступает государство; уголовную ответственность несут физические лица, выступающие в роли официальных представителей государства, превратившие государство в орудие международного преступления и его персонифицирующие”, — писала Л. А. Моджорян в 1948 году ⁴⁷⁴.

Вместе с тем важным элементом нюрнбергской концепции является отрицание доктрины государственного акта. Знаменитая фраза из приговора Нюрнбергского трибунала “... преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями ...” отражает суть теории индивидуальной ответственности за преступления.

Многие авторы полагают, что Нюрнбергский и Токийский трибуналы служат образцами “правосудия победителя”. Победившие союзные державы преследовали своих немецких и японских противников без рассмотрения возможности применения тех же норм к их собственному поведению во время войны.

“Критики считают, что такие суды не могут быть беспристрастными и справедливыми, поскольку ими не рассматриваются совершенные во время войны преступления победителей. К тому же судьи ориентированы на правоту победителей, — утверждает А. Наейр. — Просто отмахнуться от этих доводов нельзя. Союзники самым вопиющим образом нарушили общие принципы, лежащие в основе

права вооруженных конфликтов. В феврале 1945 года, когда исход войны был уже предрешен, английская авиация подвергла Дрезден бомбардировкам, и возникшие в городе сильнейшие пожары испепелили десятки тысяч мирных жителей. В марте 1945 года американские самолеты засыпали Токио зажигательными бомбами, уничтожив от 80 тысяч до 100 тысяч человек. И, разумеется, нельзя забыть про брошенные на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы”⁴⁷⁵.

По многим причинам Нюрнбергский трибунал нельзя рассматривать как эталон органа международной уголовной юстиции. Безусловно, судебное разбирательство выполняло политическую и идеологическую функции.

И. И. Лукашук пишет: “Одно дело — судить побежденного противника в особых условиях, сложившихся после мировой войны, и другое — создать даже весьма маловероятную возможность самим оказаться на скамье подсудимых. Политика часто препятствует реализации уголовной ответственности за международные преступления. Чем выше политическое значение дела, тем существеннее роль политики в его решении”⁴⁷⁶. “С позиций международного права того времени уставы трибуналов не были безупречными, — признает И. И. Лукашук. — В общем, это были суды победителей над побежденными. Но если вернуться в то время и вспомнить британское предложение учинить внесудебную расправу над руководителями побежденных государств, то учреждение трибуналов представится весьма гуманным и отвечающим духу международного права актом”⁴⁷⁷.

Время показало, что Нюрнбергский и Токийский трибуналы стали не только новым, но и уникальным явлением в истории. Несмотря на то, что происходившие в мире массовые нарушения права человека вполне оправдывали привлечение средств международной уголовной юстиции, Нюрнбергский и Токийский прецеденты до 1993 года не получили повторения.

Конструкция международного преступления не вызывала особых сомнений применительно к действиям нацистских преступников, но не проявляла способности функционировать по отношению к иным событиям и лицам. В период “холодной войны” эта концепция оказывалась востребованной в тех случаях, когда политические обвинения выдвигались против

идеологических противников, и отвергалась, если предполагаемые преступники были идеологическими союзниками. Тем не менее, концепция международного (международно-правового) преступления продолжала развиваться. Трудно оспаривать то обстоятельство, что в Нюрнберге государства-победители вершили суд над лидерами побежденного государства. Однако эта реальность не ослабляет юридическую обоснованность решений Трибунала.

§ 2. Постнюрнбергское развитие концепции международного политического преступления

После второй мировой войны международное сотрудничество было нацелено на обеспечение неотвратимости наказания лиц, совершивших преступления против человечества. На протяжении всего постнюрнбергского периода уголовное преследование индивидов, обвиняемых в преступлениях против человечества, осуществлялось в рамках национальных правовых систем, и конструкция международно-правового преступления стала преимущественно опираться на национальную юрисдикцию.

О том, какое значение придавали государства своему праву судить и наказывать лиц, совершивших международные преступления, свидетельствует их настойчивость в требовании выдачи преступников, в первую очередь, в соответствии с принципом территориальной юрисдикции. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция 3 (I) от 13 февраля 1946 года “О выдаче и наказании военных преступников”. Исходя из того, что военные преступники продолжали скрываться от правосудия на территории ряда государств, Генеральная Ассамблея рекомендовала государствам-членам Организации Объединенных Наций принять все необходимые меры, для того чтобы военные преступники были арестованы и высланы в те страны, где они совершили преступления, для суда и наказания в соответствии с законами этих стран ⁴⁷⁸.

31 октября 1947 года была принята резолюция 170 (II) “О выдаче преступников войны и изменников”, в которой Генеральная Ассамблея ООН рекомендовала “продолжать с неустанной энергией выполнять обязанности по выдаче и преданию суду преступников войны”⁴⁷⁹. Таким образом, в постнюрнбергский период понятие

“международное преступление” приобрело значение универсального преступления, основным юрисдикционным компонентом стала национальная юрисдикция. Вместе с тем Устав Международного военного трибунала оставался главным материально-правовым основанием этой конструкции.

В целях установления в Германии единообразных принципов судебного преследования военных и других международных преступников, за исключением лиц, попавших под юрисдикцию Международного военного трибунала, государства-победители приняли Законы № 10, 11 и 38 Союзного Контрольного Совета в Германии. Эти законы регламентировали порядок и основания, по которым военные трибуналы оккупационных держав в соответствующих зонах оккупации осуществляли правосудие в отношении военных преступников, не относящихся к категории “главных”.

Как говорилось в Законе № 10 Союзного Контрольного Совета от 20 декабря 1945 года, он был издан в целях “осуществления Московской декларации от 30 октября 1943 года, Лондонского соглашения от 8 августа 1945 года, Устава Международного военного трибунала и в целях установления в Германии единообразных принципов судебного преследования военных и других подобных преступников, за исключением лиц, против которых ведется преследование Международным военным трибуналом...”. Закон устанавливал, что Московская декларация и Лондонское соглашение (включая и Устав Международного военного трибунала) составляют неотъемлемую часть внутреннего права, действовавшего в тот период на территории Германии (статья 1)⁴⁸⁰.

Концепция “преступления по общему международному праву” была внедрена в национальное право. В значительной степени, она была востребована с целью согласования с принципами “*nullum crimen sine lege*” и “*ex post facto*”. Для обоснования распространения своей юрисдикции на деяния, не признававшиеся преступными по уголовному внутригосударственному праву, национальные суды делали ссылки на авторитет международного права.

Так, Американский военный трибунал в приговоре по делу о карательных отрядах (процесс № 2), отверг тезис защиты о противоправности закона № 10 Союзного Контрольного Совета,

который она определяла как *ex post facto law*, и заявил, что этот закон, так же, как и Устав Международного Военного Трибунала, представляет выражение уже действовавшего к этому времени международного права. Закон № 10 лишь кодифицировал и дал систематическое изложение уже существовавших правовых принципов, правил и обычаев, зафиксированных в различных международных конвенциях, в которых участвовала в том числе и Германия и которые в течение десятилетий, если не столетий, являлись составной частью международного права ⁴⁸¹.

Аналогичное заявление было сделано в ходе процесса над нацистскими юристами. Суд подчеркнул: “Инкриминируемые подсудимым обвинения не основываются на нарушениях ими германского права. Напротив, юрисдикция настоящего Трибунала основывается на международном авторитете. Здесь мы имеем материальное право высшего порядка, имеем Трибунал, которому поручено и от которого требуется применять это право вне зависимости от того, соответствует оно или нет положениям внутренних германских законов”⁴⁸².

В тех случаях, когда проблема соблюдения принципа “*nullum crimen sine lege*” не возникала, примат международного права и наличие международного запрета утрачивали первостепенное значение, и государства предпочитали привлекать к ответственности на основе внутреннего уголовного права.

Национальные судебные системы не избежали упреков в предвзятости и односторонности “правосудия победителей”. Одним часто приводимых примеров является рассмотренное Военным трибуналом и Верховным судом США дело бывшего командующего японскими войсками на Филиппинах генерала Ямашита (*Yamashita*). Обвинение заключалось в том, что Ямашита в период с 9 октября 1944 по 2 сентября 1946 года, пребывая на Филиппинах в качестве командующего вооруженными силами Японии, находящейся в состоянии войны с США и их союзниками, не выполнил своих обязанностей по контролю за действиями лиц, служивших под его командованием, и допустил совершение ими тяжких преступлений против народов США и их союзников, в частности филиппинцев.

Ямашита был признан виновным в том, что не выполнял обязанностей, возлагаемых на него законами и обычаями войны,

и приговорен к смертной казни через повешение. Ямашита был казнен более полувека тому назад, но до сих пор юристы обсуждают обоснованность вынесенного приговора.

Понятие “международное преступление” несло на себе значительную историко-политическую и идеологическую нагрузку, но его юридическая конструкция несколько ослабла. В этой связи возникают принципиальные вопросы: “Имеет ли смысл понятие “международное преступление” при отсутствии органа международной уголовной юстиции? Может ли национальный судебный орган привлекать индивидов к международной уголовной ответственности?”

Ответы на эти вопросы даются весьма противоречивые. П. С. Ромашкин (1967), писал, что “осуществление идеи о международной уголовной ответственности лиц, являющихся виновниками агрессии и военных преступлений может происходить в различных формах, в форме международной юрисдикции... и в форме национальной юрисдикции”⁴⁸³.

По мнению С. В. Черниченко (1971), нормы международного права об уголовной ответственности физических лиц в случае совершения государством международного преступления применяются к физическим лицам не непосредственно, а в трансформированном виде, как нормы национального права. “Нельзя считать, что процессуальное положение подсудимых в Нюрнберге определяется путем непосредственного применения к ним норм международного права, норм, предусмотренных Лондонским соглашением... Статья 1 Закона Контрольного Совета для Германии № 10 от 20 декабря 1945 года установила, что Московская декларация 1943 года и Лондонское соглашение 1945 года (включая и Устав Международного военного трибунала) составляют неотъемлемую часть внутреннего права, действовавшего в тот период на территории Германии. Его можно рассматривать как совместное внутреннее право четырех оккупирующих держав для Германии, именно как нормы внутреннего права, то есть в трансформированном виде, касались они лично подсудимых, регулируя, в частности, их процессуальное положение”⁴⁸⁴, — подчеркивал С. В. Черниченко.

Сходную позицию в этом вопросе занимал Н. А. Ушаков (1983), утверждавший, что “уголовная ответственность индивидов существовала и по-прежнему существует как ответственность по

национальному уголовному праву, подлежащая преследованию национальными судами с соблюдением национальных процессуальных норм применительно ко всем уголовным преступлениям международного характера. Факт образования и деятельности двух специальных военных трибуналов — Нюрнбергского и Токийского — отнюдь не меняет существа изложенного. На сегодня это исключение, которое лишь подтверждает, а не изменяет общее правило.... Нет также никакой “особого рода уголовной ответственности”, например, за уголовные преступления против человечества. Ее не установили, ибо вполне достаточно существующих форм уголовной ответственности по национальным системам уголовного права”⁴⁸⁵.

Иной точки зрения придерживается Ю. А. Решетов: “В случае международных преступлений, хотя суд над лицами, виновными в их совершении, может осуществляться национальными по своему составу трибуналами, их юрисдикционная основа является в принципе универсальной или международной, и они могут применять нормы международного права. Рассмотрение дел о международных преступлениях резко меняет сам характер судебного разбирательства и его правовой основы”⁴⁸⁶.

И. П. Блищенко и И. В. Фисенко полагают, что международная уголовная юстиция возникла вместе с появлением международного преступления. В ее состав входит и международный, и национальный институционные элементы. Национальные суды при отправлении правосудия над совершившими международные преступления индивидами выполняют международные функции в силу необходимости — специальный механизм реализации международного права пока отсутствует. Функционально они являются органами международного сообщества⁴⁸⁷.

“В отсутствие постоянно действующего международного уголовного трибунала по типу того, что был учрежден *ad hoc* в Нюрнберге, национальные суды вполне можно рассматривать как представителей международно-правовой системы, — пишет Р. Кларк. — Национальные суды, если говорить о функциях, которые они выполняли, имели, по сути, международный характер. Они были призваны подвергать международных преступников уголовному преследованию не только от имени своих собственных государств, но также и от имени всех остальных государств. Они выполняли задачу, которая в обычных условиях должна выполняться

судами международной юрисдикции. Тем самым они действовали как судебные органы в условиях международного правопорядка, страдающего дефицитом учреждений”⁴⁸⁸. Таким образом, деяния, криминализированные международным правом, сохраняют свойство международно-правовой противоправности в отсутствие органов международной уголовной юстиции.

Концепция международного преступления как основания международной уголовной ответственности нашла свое развитие в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Термин “геноцид” этимологически связан с двумя языками (греческим: “genos” — “род” и латинским: “caedo” — “убиваю”) и объединяет две характеристики, одна из которых связана с определением жертвы, а другая — с целью преступника. Этот термин появился в 1944 году, когда профессор Рафаэль Лемкин опубликовал подробное исследование политики нацистских стран оси и гитлеровских планов уничтожения народов оккупированной Европы с целью германизации их территорий.

“Геноцид (уничтожение, истребление народа — это противоправный процесс символической интеракции, заключающийся в лишении какого-либо народа его человеческих достоинств и в саморазложении какого-то общества. Он предполагает превосходство какой-то агрессивной, мощной и наделенной формальной властью группы большинства, а также наличие подчиненной, бессильной и тяготеющей к виктимизации группы меньшинства”, — пишет Г. Й. Шнайдер⁴⁸⁹.

А. Н. Трайнин писал, что “в понимании Нюрнбергского Международного военного трибунала геноцид — это система преступных действий, направленных на физическое уничтожение группы населения”⁴⁹⁰. Геноцид был прямо признан международным преступлением в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 года. Генеральная Ассамблея объявила, что геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его. Резолюцией 21 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея установила, что “геноцид является международным преступлением, влекущим за собой национальную и международную ответственность отдельных лиц и государств”.

Принятие этой конвенции явилось важным этапом в развитии и кодификации международно-правовых норм, направленных на борьбу с международными преступлениями⁴⁹¹.

Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года мировое сообщество выделило геноцид в самостоятельное международное преступление. Согласно статье I Конвенции, Договаривающиеся Стороны подтвердили, что геноцид, независимо от того, совершается ли он в мирное или в военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права, и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение. Таким образом, «нюрнбергская» модель международного преступления была подвергнута корректировке: для квалификации преступления как геноцида не обязательно, чтобы оно было связано с военным временем и военными преступлениями.

Статья II Конвенции предусматривает, что под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Состав преступления образует, согласно статье III, не только исполнение указанных действий, но также заговор с целью совершения геноцида; прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; покушение на совершение геноцида; соучастие в геноциде. Как следует из содержания Конвенции, геноцид рассматривается как преступление, непосредственно нарушающее международное право, то есть как преступление против международного права. Отсутствие национального уголовно-правового запрета не является препятствием для уголовного преследования.

Привлечение к уголовной ответственности и наказание лиц, виновных в совершении актов геноцида, представляет собой

требование общего международного права, обязательного для всех государств, вне зависимости от их участия в Конвенции. Такой вывод, в частности, следует из консультативного заключения Международного суда “Оговорки к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него”, согласно которому государства должны наказывать лиц, виновных в актах геноцида, независимо от того, являются ли соответствующие государства участниками данной Конвенции.

Международный суд высказал следующие соображения: “Причины разработки Конвенции отражают намерение Организации Объединенных Наций осудить и покарать геноцид как “преступление по международному праву”, подразумевающее отказ в признании права на существование целых человеческих групп, отказ, который оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества и противоречит нравственному закону, духу и целям Организации Объединенных Наций (резолюция 96 (1) Генеральной Ассамблеи. 11 декабря 1946 года). Эта концепция приводит к первому следствию: принципы, на которых основана Конвенция, являются принципами, признанными цивилизованными нациями обязательными для государств даже вне всякой конвенционной связи”⁴⁹².

В постнюрнбергский период дальнейшее самостоятельное развитие получила концепция военных преступлений. Первоначально это развитие происходило в рамках Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, затем было дополнено положениями Гаагской конвенции 1954 года. Серьезные нарушения международного гуманитарного права, предусмотренные I, II, III, IV Женевскими конвенциями (статьи 50, 51, 130 и 147, соответственно), включают в себя: а) нарушения, предусмотренные во всех четырех конвенциях: преднамеренное убийство, пытки, бесчеловечное обращение, биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжелых страданий, нанесение серьезного увечья или ущерба здоровью, разрушение и присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью (за исключением статьи 130 Конвенции III); б) нарушения, упоминаемые в III и IV конвенциях: принуждение военного или гражданского лица, пользующегося защитой IV Женевской

конвенции, служить в вооруженных силах неприятельской державы, лишение военнопленного или гражданского лица, пользующегося защитой IV Женевской конвенцией, права на беспристрастное и нормальное судопроизводство; в) нарушения, упоминаемые только в IV Конвенции: незаконное депортирование или перемещение, незаконное лишение свободы, захват заложников.

Согласно Женевским конвенциям о защите жертв войны, государства-участники конвенций приняли на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения гуманитарного права. Каждое договаривающееся государство обязалось разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из серьезных нарушений и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду. Предусмотрено, что оно сможет также, если пожелает, передать их в соответствии с положениями своего законодательства для суда другому государству — участнику конвенций, если оно имеет доказательства, дающие основания для обвинений этих лиц ⁴⁹³.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 года расширил и уточнил перечень военных преступлений. Согласно пункту 5 статьи 85, серьезные нарушения Женевских конвенций и Протокола рассматриваются как военные преступления. К числу серьезных нарушений статьей 11 отнесено “любое преднамеренное действие или преднамеренное упущение, которое серьезно угрожает физическому или психическому состоянию или неприкосновенности любого лица, находящегося во власти противной стороны, к которой оно не принадлежит”.

С учетом резолюций 1074 D (XXXIX) от 28 июля 1965 года и 1158 (XLI) от 5 августа 1966 года Экономического и Социального Совета о наказании военных преступлений и лиц, совершивших преступления против человечества, 26 ноября 1968 года резолюцией 2391 (XXIII) Генеральная Ассамблея приняла Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества.

Несмотря на то, что термин “международное преступление” в Конвенции не применяется, фактически статьей I к этой категории были отнесены: “а) военные преступления, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 года и подтверждаются резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 года и 95 (I) от 11 декабря 1946 года Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, а также, в частности, серьезные нарушения, перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 года; b) преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 года и подтверждаются в резолюциях 3 (I) от 13 февраля 1946 года и 95 (I) от 11 декабря 1946 года..., изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определяемое в Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены”.

Статья III Конвенции обязывает государства принять все необходимые внутренние меры законодательного или иного характера, направленные на то, чтобы в соответствии с международным правом создать условия для выдачи лиц, обвиняемых в совершении этих преступлений. Расширяя возможности уголовного преследования, в статье IV государства-участники Конвенции обязались принять в соответствии с их конституционной процедурой любые законодательные или иные меры, необходимые для обеспечения того, чтобы срок давности, установленный законом или иным путем не применялся к судебному преследованию и наказанию за преступления, охватываемые Конвенцией, и чтобы там, где такой срок применяется к этим преступлениям, он был отменен⁴⁹⁴. Эта Конвенция, ратифицированная 43 государствами, укрепляла правовое основание конструкции международного преступления, основанной на национальной юрисдикции.

В целях повышения эффективности взаимодействия национальных юрисдикций при осуществлении ими уголовного

преследования за международные преступления Генеральная Ассамблея резолюцией 2583(XXIV) от 15 декабря 1969 года обратилась ко всем заинтересованным государствам с просьбой принять необходимые меры по тщательному расследованию преступлений против человечества и по розыску, аресту, выдаче и наказанию всех виновных в этих преступлениях лиц, которые еще не предстали перед судом и не понесли наказания.

В “Принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества”, утвержденных резолюцией 3074 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1973 года, Генеральная Ассамблея, подчеркнув особую необходимость в международных мерах, направленных на обеспечение судебного преследования и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества, в качестве I принципа международного сотрудничества признала, что “военные преступления и преступления против человечества, когда бы и где бы они ни совершались, подлежат расследованию, а лица, в отношении которых имеются доказательства в совершении таких преступлений, — розыску, аресту, привлечению к судебной ответственности и, в случае признания их виновными, наказанию”.

На национальной юрисдикции делает акцент II принцип, который гласит: “Каждое государство обладает правом судить своих собственных граждан за военные преступления или преступления против человечества”. V принцип прямо указывает на приоритет территориальной юрисдикции: “Лица, в отношении которых имеются доказательства о совершении ими военных преступлений и преступлений против человечества, подлежат привлечению к судебной ответственности и, в случае признания их виновными, наказанию, как общее правило, в странах, где они совершили эти преступления. В соответствии с этим государства осуществляют сотрудничество в вопросах выдачи таких лиц”.

Концепция международно-правового преступления была развита в Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей 30 ноября 1973 году и вступившей в силу 18 июля 1976 году. Государства-участники Конвенции заявили, что апартеид является

преступлением против человечества и что бесчеловечные акты, являющиеся следствием политики и практики апартеида и сходной с ним политики и практики расовой сегрегации и дискриминации, являются преступлениями, нарушающими принципы международного права, создающими серьезную угрозу для международного мира и безопасности и подлежащими международной уголовной ответственности.

Необходимость обеспечения неотвратимости наказания за международные преступления обусловила актуализацию универсального принципа юрисдикции. Наряду с традиционными принципами национальной юрисдикции, в первую очередь, территориальным, универсальная юрисдикция стала получать все большее распространение.

Как подчеркивает Э. Цоллер, “ввиду своего универсального юридического действия и происхождения от обычая, норма об уголовной ответственности физических лиц за международные преступления применима и обеспечена правовой санкцией во всем мире. Территориальное действие ее является предположительно универсальным. Во всех случаях, когда преступление, благодаря его значительности, затрагивает моральные и материальные интересы человечества, как это и было с международными преступлениями нацистской Германии, должен торжествовать принцип универсальности. Универсальность является непрямым условием предотвращения безнаказанности”⁴⁹⁵.

Существование концепции “международных преступлений, — пишет израильский профессор Ш. Феллер, — то есть деликтов, посягающих на основополагающие ценности всего международного сообщества, вызвало появление принципа универсальности, в соответствии с которым любое государство, являясь членом этого сообщества, имеет право выступать против этих правонарушений, где бы они ни совершались”⁴⁹⁶.

В обоснование принципа универсальной юрисдикции традиционно приводится известное дело А. Ейхмаана (*Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann (1961)*). В этом деле (если оставить в стороне вопрос о правомерности похищения), отнесение израильскими судами военных преступлений и преступлений против человечности к своей юрисдикции было общепризнанно, несмотря на то, что эти преступления были совершены в Европе лицами,

которые не были гражданами Израиля, во время второй мировой войны, когда Израиль еще не существовал⁴⁹⁷.

11 мая 1960 года Адольф Эйхман (*Eichmann*) был похищен из Буэнос-Айреса, где он жил с 1950 года под вымышленным именем. 23 мая 1960 года премьер-министр Израиля объявил, что Эйхман найден и будет подвергнут судебному преследованию. Правительство Аргентины заявило, что похищение Эйхмана явилось нарушением суверенитета Аргентины и потребовало возвращения Эйхмана и наказания виновных лиц.

В ответ правительство Израиля заявило, что похищение Эйхмана было совершено “группой добровольцев” и выразило сожаление в том, что это нарушило законы Аргентины. Спор, однако, не удалось уладить по дипломатическим каналам, и Аргентина подала жалобу в Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, требуя рассмотреть нарушение ее суверенных прав. На заседании Совета Безопасности 22 июня 1960 года представитель Аргентины высказал категорические возражения против нарушения суверенитета незаконным осуществлением иностранной власти в пределах аргентинской территории и потребовал “соответствующей компенсации согласно Уставу Организации Объединенных Наций и международному праву”. На основании резолюции Совета Безопасности от 23 июня 1960 года спор был улажен, что нашло отражение в совместном коммюнике правительств Аргентины и Израиля. Инцидент, вызванный нарушением суверенных прав Аргентины действиями израильских граждан, был урегулирован.

Эйхману было предъявлено обвинение на основании Закона о наказании нацистских преступников и их пособников от 1 августа 1950 года и соответствующих статей действующего в Израиле уголовного кодекса. Обвинение состояло из 15 пунктов, содержащих подпункты, в которых конкретизировались составы совершенных им преступлений.

Досудебное следствие по делу Эйхмана продолжалось почти год. Судебное разбирательство было начато Окружным судом Иерусалима 11 апреля 1961 года и продолжалось до 14 августа. Эйхман был обвинен в военных преступлениях, преступлениях против человечества и еврейского народа, совершенных в период нацистского режима. Как один из руководителей гестапо, он признавался ответственным за

физическое истребление миллионов евреев, массовые преследования, высылку, аресты и пытки, помещение многих миллионов евреев в условия жизни, рассчитанные на то, чтобы вызвать их физическое уничтожение — в лагеря принудительного труда, гетто, перевалочные пункты, причинение физических и моральных страданий миллионам евреев вследствие порабощения, голода, высылки и преследований, организации социального и экономического бойкота евреев как особой расовой группы, преследование евреев на национальных, расовых, религиозных и политических основаниях, захват имущества евреев в Германии и в странах оси. Эйхман обвинялся также в высылке более чем полумиллиона польских граждан в течение периода с 1940 по 1942 год; высылке десятков тысяч цыган в лагеря истребления, высылке и убийствах в деревне Лидице.

Адвокат Серватиус, допущенный к защите подсудимого, отрицая обвинение Эйхмана в преступлениях против “еврейского народа”, утверждал, что они не могли быть им совершены, ибо в этот период еще не существовало еврейского народа “в государственно-правовом” смысле. Законодательство Израиля, на основании которого Эйхману было выдвинуто обвинение, было принято после совершения инкриминируемых действий, более того, на момент их совершения не существовало самого государства Израиль. Таким образом, утверждала защита, предъявленными обвинениями нарушается запрет ретроактивного действия уголовного права, поскольку принятому после совершения инкриминируемых деяний законодательству придается обратная сила. Утверждалось также, что юрисдикция Израиля не может быть осуществлена, поскольку Эйхман был доставлен в пределы юрисдикции без его согласия и в нарушение норм международного права (похищение из Аргентины), что Эйхман был незначительным должностным лицом, действовавшим согласно приказам, что судьи, являющиеся евреями, глубоко сочувствуют жертвам преступлений, и в психологическом отношении неспособны к справедливому судебному разбирательству.

Приговор был вынесен 13 декабря 1961 года. Эйхман был признан виновным. Окружной суд аргументировал отклонение доводов защиты тем, что уголовное законодательство Израиля, на основании которого Эйхману было предъявлено обвинение, включало в себя универсальные нормы международного права. Преступления,

которые вменялись в вину, — это преступления, которые нанесли удар по всему человечеству и потрясли совесть наций, серьезные нарушения против международного права непосредственно (*delicta juris gentium*). Поэтому, в отсутствие Международного Суда все государства должны предпринимать меры, чтобы привлечь преступников к ответственности. Юрисдикция по преступлениям по международному праву универсальна.

Суд подтвердил, что законодательство Израиля воспроизводит определение преступления геноцида, предусмотренное в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года; а определения “преступлений против человечества” и “военных преступлений” следовали за определениями этих преступлений в Уставе Международного Военного трибунала и в Законе Союзного Контрольного Совета № 10. Конвенция о предупреждении преступления геноцида содержит принципы, которые признаны всеми цивилизованными нациями и обязательны для государств как участвующих, так и не участвующих в соглашении. Нормы конвенции носят универсальный характер. Геноцид безусловно признан как преступление по международному праву, и поэтому юрисдикция в отношении него универсальна. Несмотря на то, что статья предусматривает, что лица, обвиняемые в совершении геноцида, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или международным уголовным судом, это не исключает универсальную юрисдикцию. Статья VI установила обязательный минимум, который не затрагивает существующую юрисдикцию государств по общепринятому международному праву. Международный Военный трибунал заявил, что преступления против человечества и военные преступления (как определено в Статье 6 его Устава), были выражением международного права, существующего во время его создания. Устав можно считать декларацией принципов международного права, что подтверждается резолюцией Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций.

По мнению Суда, то обстоятельство, что государство Израиль не существовало во время совершения рассматриваемых преступлений, не лишает его права на осуществление своей юрисдикции в

соответствии с защитным принципом в отношении лиц, виновных в преступлениях против еврейского народа. Новое государство может наказывать за преступления, совершенные даже вне его территории и до его учреждения. Если народ, ставший жертвой преступления, после того достигает политического суверенитета на любой территории, ничто не может препятствовать ему осуществлять свой суверенитет в виде естественного права наказать правонарушителя. В любом случае, не существует нормы международного права, которая бы опровергала компетенцию Израиля на рассмотрение данного дела.

Суд отклонил утверждения о некомпетентности (по причине “заинтересованности”) израильского суда рассматривать дело Эйхмана, указав, что профессиональные судьи всегда представляют и защищают интересы общества, к которому они принадлежат, что если встать на точку зрения защиты, то никто из еврейского населения не может судить Эйхмана, так как его преступления были направлены против всего народа, что инцидент с Аргентиной урегулирован и что судьи будут рассматривать дело, руководствуясь не чувствами, а доказательствами⁴⁹⁸.

Ссылаясь на многочисленные решения судов Англии, Израиля и Соединенных Штатов Америки, Суд указал, что существует общепризнанная норма права, согласно которой противоправность ареста или способа, посредством которого обвиняемый доставлен в пределы юрисдикции государства, не препятствует судебному разбирательству дела. Нарушение суверенитета составляет международный деликт, не влияющий на ответственность обвиняемого. Эйхман был признан виновным в преступлениях против еврейского народа как сообщник истребления всех его жертв с 1941 по 1945 год, независимо от степени его участия. Он был также осужден за преступления против человечества и военные преступления и приговорен к смертной казни.

Эйхман обратился к Верховному Суду с жалобой, в числе доводов которой содержалась ссылка на отсутствие у Израиля юрисдикции рассматривать дело, а также на психологическую неспособность судей Окружного суда осуществить справедливое судебное разбирательство.

С 21 по 29 марта 1962 года дело рассматривалось в Верховном суде. Поддерживая решение Окружного суда, Верховный Суд Израиля, в числе прочего, подчеркнул, что преступления по международному праву являются основанием индивидуальной уголовной ответственности. Эти преступления имеют характеристику преступлений, признанных общим международным правом, и представляют собой действия, которые наносят вред жизненно важным международным интересам, основам международного сообщества, нарушают универсальные моральные ценности и гуманитарные принципы. Универсальная юрисдикция по преступлениям против человечества (включая геноцид и военные преступления) является следствием универсальной заинтересованности в их подавлении. Государство, осуществляющее уголовное преследование, действует как агент международного сообщества, в соответствии с международным правом.

Ограничение на осуществление универсальной юрисдикции, согласно которому выдачу правонарушителя нужно сначала предложить государству, на территории которого было совершено преступление, по мнению Суда, не могло применяться в данном случае, поскольку правительство Западной Германии отказалось требовать выдачу Эйхмана. Не было протестов и со стороны других стран, на территории которых совершались преступления. Обязательство, содержащееся в статье VI Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, не затрагивает универсальную юрисдикцию, которой наделено каждое государство в целях осуществления уголовного преследования за преступления, нарушения, совершенные в прошлом. Суд также выразил согласие с Окружным судом в поддержке его юрисдикции на основе защитного и пассивного принципов индивидуальности.

Верховный Суд повторил заключения Окружного суда, отказавшись, в отсутствие выдачи в соответствии с соглашением о выдаче преступников, исследовать обстоятельства, при которых обвиняемый был задержан и доставлен в пределы юрисдикции Израиля. Суд указал, что если такое похищение — нарушение международного права, то ущерб нанесен государству, а не Эйхману. Подчеркнув, что правительства Аргентины и Израиля уладили их спор прежде, чем был представлен обвинительный акт, и что

право убежища и иммунитет принадлежат стране убежища, не правонарушителю, Суд сделал вывод, что похищение Эйхмана не является основанием для отрицания компетентности суда, которому он был предан, оказавшись в пределах юрисдикции Израиля.

Относительно довода защиты, согласно которому действия Эйхмана представляли собой “акт государственной власти”, суд указал, что доктрина “акта государственной власти” — не абсолютная концепция, и она не применима по отношению к действиям, запрещенным международным правом, особенно преступлениям против человечества. Дискриминационные антисемитские декреты нацистского режима не были законны в смысле международного права, не могли придавать правомерность тяжким преступлениям и освобождать от персональной ответственности совершивших их лиц⁴⁹⁹. Приговор был оставлен в силе, и Эйхман после отклонения просьбы о помиловании казнен.

Дело Эйхмана явилось значительным вкладом в развитие концепции международно-правового преступления как “наднационального” политического преступления.

Среди других дел, сыгравших заметную роль в становлении этой концепции, может быть названо рассматривавшееся во Франции дело по обвинению К. Барбье (*Federation Nationale de Deportes et Internes Resistants v. Barbie*). В постановлении от 8 июля 1983 года Обвинительная камера Апелляционного суда в Лионе сослалась на один из нюрнбергских принципов, в соответствии с которым лица, обвиненные в преступлениях с географически определенным местом совершения, должны направляться для суда и наказания обратно в страну места совершения преступления⁵⁰⁰.

Вместе с тем отмечалось, что государства, обладающие территориальной юрисдикцией в отношении суда над физическими лицами, виновными в совершении международных преступлений, признают, что подобного рода преступления подлежат действию особых норм, способных иметь преимущественную силу перед нормами внутригосударственного права. В постановлении по этому делу было заявлено, что “по своему характеру преступления против человечности... не находятся в сфере действия только французского уголовного права, но также и международного

уголовного правопорядка, которому государственное понятие границ и производные от него специальные нормы совершенно чужды”⁵⁰¹.

В рамках национальных юрисдикций рассмотрено множество дел о преступлениях против человечества⁵⁰². Однако вне контекста второй мировой войны “нюрнбергская” модель международного преступления не проявляла особой жизнеспособности. Можно с сожалением констатировать, что за более чем полвека, прошедшие после окончания Нюрнбергского и Токийского процессов, безнаказанность международных преступников в рамках национальных правовых систем была скорее правилом, нежели исключением. Эта безнаказанность лишала международно-правовой запрет сдерживающего эффекта из-за отсутствия реальной перспективы осуществления принципа индивидуальной международной уголовной ответственности. С другой стороны, национальное правосудие не всегда обеспечивало минимальные процедурные гарантии справедливого судебного разбирательства уголовных дел в отношении лиц, привлеченных к ответственности по обвинению в совершении международного преступления.

В период “холодной войны” понятие “преступления против человечества” использовалось в тех случаях, когда обвинения выдвигались против идеологических противников, и отвергалась, если предполагаемые преступники были идеологическими и политическими союзниками.

Вьетнам, Чили, Сальвадор, Сомали, Никарагуа, Камбоджа, Мозамбик, Либерия, Алжир — этот перечень стран, ставших местом совершения тягчайших международных преступлений, можно продолжить: к сожалению, он слишком велик. Преступное правление диктатур и вооруженные столкновения приводили к неисчислимым жертвам исчезновений, пыток, суммарных казней и массовых нарушений прав человека. Предположительно, около 2 миллионов человек было убито в Камбодже (Кампучии) в 1970-х годах “красными кхмерами”. Бесконечный разговор о правах человека сопровождался устойчивой тенденцией к нарастанию нарушений этих прав.

“То, что существовало в некоторых странах под названием “правосудие”, было чем угодно, но только не правосудием, — пишет А. Найер. — Неистовые революции — кубинская (1959) и никарагуанская (1979), которые смели диктаторские режимы, 210

привели к тому, что когда прекращалась вооруженная борьба, перед судом представляли и правые, и виноватые. Правосудие требует как соблюдения процессуальных норм, так и установления меры ответственности за преступление, но специальные суды не отвечали ни одному из этих критериев и руководствовались не правовыми категориями, а “революционной справедливостью”. Убийц и палачей отправляли в тюрьмы или казнили, но невинно осужденных ждала та же судьба”⁵⁰³.

Нужно сказать, что и после окончания “холодной войны” национальное правосудие, рассматривавшее обвинения, совпадающие с характеристиками международно-правового преступления, далеко не всегда отвечало стандартам справедливого судебного разбирательства. Достаточно назвать стремительный “суд” над Николае Чаушеску и его женой и последовавшие за этим процессы, в которых перед судом предстали высшие румынские функционеры.

Тем не менее, при всех недостатках внутригосударственных судебных систем, очевидно, что международная уголовная юстиция не может полностью заменить национальное правосудие. Трудно согласиться с утверждением И. П. Блищенко и И. В. Фисенко о том, что “международные преступления подсудны международное уголовному суду и только в силу необходимости — национальному...”, что “у национального суда нет компетенции в отношении международного преступления без соответствующего закрепления в международном договоре или исходя из международного обычая”⁵⁰⁴. Излишне категорично выглядит и позиция известного российского правозащитника С. А. Ковалева, который пишет: “Проблема уголовного наказания за грубые и массовые нарушения прав человека и, в частности, за военные преступления и преступления против человечества, неразрешима в рамках национального правосудия. Поэтому все эти преступления, в какой бы стране они ни совершались, должны быть подсудны исключительно международным судебным органам”⁵⁰⁵.

Вряд ли можно утверждать, что международное право требует от каждого государства возбуждать уголовное преследование в отношении каждого находящегося на его территории и подозреваемого в совершении международно-правового преступления лица при отсутствии юрисдикционной связи, предусмотренной законом или договором. Однако такое обязательство возникает в том случае, если

государство отказывает в выдаче предполагаемого преступника (в соответствии с принципом “*aut dedere aut judicare*” — классической альтернативой, сформулированной еще Г. Гроцием).

Перед такой альтернативой оказались власти Великобритании в связи с делом чилийского сенатора А. Пиночета. Генерал Аугусто Пиночет (*Pinochet*), бывший диктатор Чили, был арестован в Великобритании по экстрадиционному требованию Испании (запросы о выдаче поступили также от Франции, Швейцарии и Бельгии). Пиночет обвинялся компетентными органами Испании в экстерриториальных правонарушениях — массовых нарушениях прав человека (организации пыток, захвате заложников и других тяжких преступлениях) совершенных им на территории Чили в период своего правления⁵⁰⁶.

А. Пиночет не был выдан запрашивавшим экстрадицию государствам, и в то же время не был подвергнут судебному преследованию в Соединенном Королевстве. Необходимость выбора между выдачей и судебным преследованием не возникла, поскольку в экстрадиции было отказано на том основании, что в соответствии с медицинским заключением сенатор был признан неспособным предстать перед судом по своему психическому и физическому состоянию. Это обстоятельство препятствовало как выдаче, так и уголовному преследованию А. Пиночета в Великобритании. При принятии такого решения, однако, подчеркивалась важность того, чтобы принцип универсальной юрисдикции в отношении людей, обвиненных в международных преступлениях, был эффективным. Таким образом, несмотря на отказ в выдаче, при решении этого вопроса принцип универсальной юрисдикции не ставился под сомнение⁵⁰⁷.

Несмотря на широкое распространение концепции универсальной юрисдикции, она имеет авторитетных и влиятельных противников. “Миру следует хорошо подумать о возможных осложнениях, которыми чревата процедура, когда один-единственный судья получает возможность, руководствуясь в основном собственными соображениями, судить по законам своей страны гражданина другого государства за [якобы] совершенное им в этом другом государстве преступление, или требовать экстрадиции обвиняемого из третьей страны, не принимая при этом во внимание никаких

смягчающих обстоятельств, которые могли бы предусматриваться ее законодательством”..., — пишет по этому поводу Г. Киссинджер. — Именно такой прецедент имел место в октябре 1998 года, когда бывший чилийский президент Аугусто Пиночет был задержан в Великобритании на шестнадцать с половиной месяцев по запросу испанского судьи, требовавшего его экстрадиции для предания суду за преступления, совершенные против испанцев на чилийской территории. Для сторонников всемирной юрисдикции его задержание было вехой, знаменующей установление принципа справедливости. Однако любая всемирная система должна включать в себя процедуры, призванные не только наказывать нарушителей, но и накладывать определенные обязательства на законопослушных граждан. Не должно допускаться использование принципов права для улаживания политических конфликтов”⁵⁰⁸.

Возражая против применения принципа универсальной юрисдикции, Г. Киссинджер указывает на опасность доведения идеи до абсурда, когда возникает риск, что тирания правительств сменится тиранией судей: истории известны примеры, когда диктатура добродетельных людей приводила к инквизиции и охоте на ведьм⁵⁰⁹. Утверждая, что “когда широта применения всемирной юрисдикции определяется прокурором той или иной страны, возникает гигантский риск произвола”, Г. Киссинджер заключает: “В любом случае всемирный юридический стандарт не должен исходить ни из положения, что благородная цель оправдывает любые средства, ни из того, что политические соображения стоят выше юридической процедуры”⁵¹⁰.

Приходится признать, что принцип универсальной юрисдикции не является общепризнанным, однако тенденция к его широкому применению прослеживается достаточно четко. Универсальная юрисдикция является эффективным средством реализации международной уголовной ответственности за международные преступления в условиях отсутствия международных судебных органов, то есть в условиях системы, где нормой является национальное, а не международное правоприменение.

Как известно, в 1937 году была разработана Конвенция “О создании международного уголовного суда”, согласно которой международный суд получал полномочия на рассмотрение дел по обвинению в терроризме. В 1987 году с предложением о создании Международного трибунала с юрисдикцией в отношении актов терроризма выступил М. С. Горбачев.

При разработке Статута Международного уголовного суда активно дебатировался вопрос о включении терроризма в предметную юрисдикцию Суда. Несмотря на все усилия, терроризм пока не удалось подчинить международной юрисдикции. Формально, проявления терроризма являются “преступлениями по национальному праву”, хотя универсальный характер их криминализации не вызывает сомнений. Отсутствие позитивного решения этого вопроса объясняется сугубо политическими, а не правовыми причинами. С юридической точки зрения, на наш взгляд, не существует серьезных препятствий для распространения юрисдикции Международного уголовного суда на террористические преступления. Необходима политическая воля и готовность государств передать часть своих полномочий для эффективного и справедливого международного уголовного преследования лиц, причастных к террористической деятельности.

§ 3. Террористические преступления как политические экстрадиционные правонарушения

Правило невыдачи политических преступников — это, как ни парадоксально, один из наиболее признанных, и, в то же время, наиболее оспариваемых принципов современного экстрадиционного права. Его противники утверждают, что исключение представляет собой серьезное политическое и юридическое препятствие, способное парализовать сотрудничество между государствами в уголовном преследовании террористов. Все чаще звучат голоса с требованием о его полной отмене либо существенном ограничении.

Тем не менее, широко распространено мнение, что в ограничении принципа исключения политических преступлений нет необходимости. “Политическое исключение, — утверждает Л. Блейкесли, — развилось, исходя из принципов убежища и суверенитета. Это правило предназначено для защиты лиц, которые

участвовали и потерпели поражение в революции или национально-освободительной войне. Принцип исходит из признания права на восстание и использования насилия для освобождения от притеснения. Он позволяет государствам отказаться участвовать в правосудии победителя, выдавая побежденных в гражданской войне или восстании после завершения военных действий. ...В то же время, этот принцип не освобождает от ответственности за военные преступления или терроризм. Оно не создает иммунитет от выдачи и судебного преследования для тех, кто совершает акты террористического насилия против невинных жертв, и поэтому не предоставляет защиты террористам. Для эффективной борьбы с терроризмом нет необходимости отказываться от принципа невыдачи политических преступников и исключать его из соглашений об экстрадиции, поскольку он должным образом не относится к террористам. Принцип основан на признании оправданности насилия в некоторых ситуациях, например, во время восстания и народно-освободительной войны. Насилие и террор, примененные против невинных жертв, однако, никогда не могут быть оправданы”⁷⁰⁴.

Для того чтобы ответить на вопрос, распространяется ли принцип исключения политических преступлений на терроризм, нужно, как минимум, иметь достаточно четкие ответы на вопросы о том, что такое “политическое преступление” и что такое “терроризм”. Основная проблема заключается в отсутствии однозначного и интернационально принятого определения обоих понятий. Правило невыдачи политических преступников представляет собой, таким образом, уравнение с двумя неизвестными. Эта ситуация ставит под сомнение сам принцип, поскольку неоднозначность фигурирующих в нем понятий приводит к тому, что он неминуемо утрачивает необходимую правовой норме формальную определенность и превращается в некий “клапан”, открывающий государствам возможность уклоняться от экстрадиционных обязательств по политическим мотивам.

Вопрос о том, должен ли, и, если должен, то до какой степени, распространяется принцип экстрадиционного исключения политических правонарушений на террористические преступления, вызывает бурные споры на протяжении более чем ста лет. Серьезное

внимание применению этого правила уделяется в западной доктрине международного права⁷⁰⁵. Некоторые соображения по этому поводу высказывают и отечественные юристы⁷⁰⁶.

Многие специалисты оспаривали и оспаривают этот принцип потому, что трудно определить, отвечает ли вменяемое в вину деяние критериям исключения. Универсально признанные критерии политического преступления отсутствуют. Уже в конце XIX столетия резкие возражения против оговорки о невыдаче политических преступников высказывал в опубликованных в Киеве “Заметках из лекций по международному праву” профессор О. Эйхельман (1889): “Она делает возможным отказ в выдаче и наказании самого гнусного преступника, мотивирующего свой поступок, запрещенный под страхом наказания законом страны, где совершено преступление, — как средство достижения политической цели. И следующая этой оговорке доктрина господствует; она считала долгое время за политическое преступление даже и всякое общее преступление, но совершенное против особы иностранного государя и его семейства. Впрочем, при всем этом, доктрина и до сих пор не установила точного понятия о политическом преступлении!”⁷⁰⁷

В начале прошлого века профессор П. Е. Казанский замечал, что “большое затруднение состоит уже в том, что понятие политическое преступление, которое постоянно встречается в договорах, неопределенно и в законодательствах не употребляется”⁷⁰⁸.

Первоначально договорная практика не содержала никаких изъятий из правила о невыдаче политических преступников. Тем не менее, экстрадиция лиц, участвовавших в посягательстве на жизнь суверена или членов его семьи, иногда производилась. Так, Франция потребовала от Пруссии выдачи Барду, участвовавшего в заговоре против Людовика Филиппа, и это требование было выполнено; в 1848 году Франция выдала убийц Герцога Лихтенштейнского. Так, едва получив признание, принцип невыдачи политических преступников был подвергнут ограничению. Непосредственной причиной этого явилось активизация преступной деятельности террористов. Дальнейшее развитие концепции политического преступления в контексте экстрадиции непосредственно связано с возрастанием активности и опасности терроризма.

Впервые вопрос о выдаче террористов возник во второй половине XIX века в связи с покушением на французского императора Наполеона III. В сентябре 1851 года на французской северной железной дороге, между городами Лиллем и Кале, где перед проходом императорского поезда под рельсы было заложено взрывное устройство. Подкоп был обнаружен, а совершившие покушение Жюль и Целестин Жакэн (*Jacqin*) скрылись в Бельгии. Французское правительство обратилось к правительству Бельгии, требуя выдачи братьев Жакэн. Требование ареста мотивировалось посягательством на особу французского императора и, кроме того, покушением на убийство лиц, которые должны были находиться в императорском поезде. После предъявления предписания французских властей об аресте в Брюсселе был арестован один из обвиняемых — Селестэн Жакэн. Брюссельский суд первой инстанции признал законным французское предписание и привел его в исполнение, не считая преступление политическим нарушением в соответствии со статьей 6 бельгийского закона 1833 года. Обвиняемый потребовал освобождения из временного заключения, основываясь на том, что инкриминируемое деяние не входило во франко-бельгийский экстрадиционный договор, а также на том, что данное преступление носит политический характер.

Суд второй инстанции признал политический характер преступления и постановил освободить Жакэна. Однако кассационный суд обжаловал это решение, сославшись на то, что в соответствии с Законом 1833 года об экстрадиции выдача или судебное преследование в Бельгии осуществляются “во всех тех случаях, когда эти факты составляют сами по себе нарушения законов естественных и неизменных человеческой совести и когда факты эти наказываются уголовными законами всех народов; отсюда очевидно, что законодатель, в статье 6 вышеуказанного закона 1833 года, не мог понимать под политическим преступлением никаких других фактов, кроме тех, коих исключительный характер состоит в посягательстве на форму правления и на политически строй известного народа, и под фактами, связанными с этими преступлениями — те факты, оценка коих, с точки зрения их преступности, может зависеть от чисто политического характера главного факта, к которому прикасаются

данные факты; но это постановление не может ни в каком случае иметь применения к фактам, которые, какова бы ни была цель, к достижению которой стремился виновный, и какова бы ни была форма правления народа, среди которого факт совершен, осуждаются нравственностью, и подлежат репрессивным мерам карательного закона, во все времена и у всех народов”. При пересмотре дела суд, тем не менее, не согласился с доводами суда второй инстанции и отказал в выдаче ⁷⁰⁹.

Французское правительство отказалось от своего требования в ответ на заявление правительства Бельгии о том, что оно подготовило законопроект об исключении из категории политических преступлений посягательство на жизнь суверена. В марте 1856 года бельгийское правительство внесло в Парламент соответствующий законопроект, который был принят законодательными палатами. В законе устанавливалось, что не должно считаться политическим преступлением, ни деянием, ему сопредельным, посягательство на главу иностранного правительства и членов его фамилии, когда это деяние составляет преднамеренное или непреднамеренное убийство или отравление, а в мотивах к законопроекту было сказано; цареубийство, во всех отношениях, должно считаться равным с посягательством на жизнь частного лица. Жизнь иностранного монарха должна пользоваться покровительством наравне с жизнью всякого иностранца, не более, но и не менее. Сделать более, значило бы в самом деле возвести цареубийство в политическое преступление, дать ему печальное преимущество и в то же время допустить то, что все мы отвергаем, т. е. политическую выдачу. Сделать менее, значит исключить иностранного принца из общего права и узаконить несправедливость”⁷¹⁰.

Эта формула, известная как “**бельгийская оговорка**”, была воспринята большинством европейских стран. Она была внесена в заключенный в том же году договор между Францией и Бельгией, а впоследствии — во все соглашения, заключаемые Францией (за исключением двух: со Швейцарией 1870 года и с Италией 1870 года).

От принятия оговорки по разным основаниям отказались три государства: Швейцария, Италия и Великобритания. Для Швейцарии это положение было неприемлемо потому, что, приняв его, она не

могла бы пользоваться взаимностью, так как по ее уголовным законам союзный президент не поставлен под какую-либо особую уголовную защиту по сравнению с другими гражданами. Италия отвергла ее на том основании, что по ее уголовному кодексу посягательства на личность иностранного монарха отнесены к группе преступлений против внешней безопасности государства, и, следовательно, она не может не признавать эти деяния политическими. Принятый в Великобритании в 1870 года Акт об экстрадиции не содержал никаких изъятий из принципа невыдачи политических преступников.

Таким образом, вопрос о выдаче лиц, посягавших на жизнь глав государств, продолжал оставаться, в определенной степени, дискуссионным. Дипломатия Великобритании допускала, что убийство главы государства может получить, в силу определенных обстоятельств, характер политического преступления, исключающего экстрадицию. Так, статья 6 англо-германского договора устанавливала, что “ни один бежавший обвиняемый не может быть выдан, если деяние, за которое его преследуют, имеет политический характер, или если обвиняемый докажет, что требование выдачи заявлено в действительности с той целью, чтобы судить его или наказать за преступление или проступок политического характера”.

По мере роста политической преступности, сопряженной с человеческими жертвами, безоговорочное использование обсуждаемого правила вызывало все большее возмущение. “Право убежища переродилось... в укрывательство наиболее бесстыжих преступников, виновников совсем особенных преступлений, изобретенных анархистскими стремлениями нашего времени и ужасным извращением человеческого разума; такие преступления потрясали троны и общество, и для них трудно подобрать соответствующие выражения...”, — писали современники⁷¹.

В пользу выдачи царевубийц выказалась английская королевская комиссия, образованная 18 августа 1877 года и напечатавшая свой доклад в Лондоне в 1878 году. В докладе признается разумность исключения из экстрадиционных соглашений политических преступлений, но оговорено, что дело принимает иной характер, если с какой-либо политической целью, или же с мнимо-политической целью совершено какое-либо “мерзкое преступление” (*foul crime*),

каковы убийство или поджог. Убийство или другое “возмутительное преступление” (*revolting crime*) нисколько не лишается своего омерзительного характера, будучи связано с политической целью. Те же соображения высказал лорд Дерби на заседании палаты общин 3 августа 1866 года. “Мне кажется, — заявил лорд, — что если, с одной стороны, мы желаем, чтобы право не быть арестованными, которым пользуются лица виновные в политических правонарушениях, оставалось неприкосновенным, то, с другой стороны, чудовищным явлением представляется, если лицо, которое, например, убило кого-нибудь на улицах Парижа и затем бежит в Англию, может быть наказано, но если убитое лицо занимает политическую должность, тогда преступление становится политическим и английские законы объявляют виновного не подлежащим суду. Подобное положение кажется мне не вполне состоятельным. Существует, я знаю, дискреционная власть, предоставленная государственному секретарю для применения закона, и все, что я могу сказать по предмету этой власти, это то, что если кто-либо из distinguished джентльменов может оказать мне содействие и установить различие между преступлением чисто политическим и преступлением против нравственности, то я приму в соображение данное предложение для формулировки законного постановления, подходящего к этому случаю”⁷¹².

При обсуждении проблем экстрадиции на брюссельской сессии Института международного права (1 — 6 сентября 1879 года), выражалось мнение, что царубийство является преступлением политическим даже в тех случаях, когда средства, к которым прибегают правонарушители, влекут за собой более тяжкие последствия, чем лишение жизни суверена.

Возражая против такого подхода, Ф. Ф. Мартенс в своем выступлении на этой сессии предложил установить различие между политическими изгнанниками (*refugies politiques*) и собственно политическими преступниками (*criminels politiques*) и требовал, чтобы в праве убежища было отказано всем лицам, которые ради политической цели совершают убийства, поджоги и т. п. Эта мысль не нашла поддержки в комиссии, которая приняла соответствующий раздел резолюции в следующей редакции: “выдача не имеет места

по отношению к преступлениям и проступкам политическим, даже если они состоят в связи (*connexes*) с преступлением и проступками по общему праву”⁷¹³.

Не отрицая необходимости защиты от политической дискриминации, Ф. Ф. Мартенс восклицал: “Но можно ли применить это положение к тем лицам, которые называются теперь социалистами, анархистами и “динамитчиками” и которые объявили войну насмерть всякому порядку и всякому правительству? Неужели нет общей опасности от тех преступных средств, при помощи которых эти лица ведут борьбу с существующим строем? Если по отношению к ним стать на господствующую точку зрения, то надо признать справедливость известного правила: цель оправдывает средства; тогда всякое преступление должно быть оправдано целью”⁷¹⁴. “Теперь все более дают себя чувствовать общепасность тех современных политических преступников, которые открыто выступили противниками всего существующего общественного и государственного строя, — заявлял Ф. Ф. Мартенс. — Соответственно этому все более пробуждается сознание о солидарности всех государств в борьбе с их ожесточенными врагами и постепенно приводит к изменению господствующего начала невыдачи”⁷¹⁵.

Так, уже во второй половине XIX века возник и приобрел несомненную актуальность вопрос: в какой мере допустимо применение принципа невыдачи политических правонарушителей в отношении террористов?

Киевский ученый Е. Я. Шостак в статье “О выдаче преступников по договорам России с иностранными державами”, опубликованной в 1880 году, обращал внимание на то, что “трудность разрешения вопроса о том следует ли для преступлений общеполитических сохранить право убежища, зависит главным образом оттого, что нет возможности разделить преступление, в сущности, единое, оставить без возмездия элемент политический и покарать элемент общеуголовный”⁷¹⁶.

“Можно полагать поэтому, — писал Е. Я. Шостак, — что преступления общеполитические по правовому сознанию правящих классов составят преступление особого рода, что в некоторых из них мотив будет признан обстоятельством конститутивным — изменяющим самый род преступления. Но понятно, такое признание

не может быть сделано в кодексе какого либо государства: государство, власть не может признать возможность тяжбы между собою и гражданином. Это может быть сделано только в международном законодательстве. Вот первое основание, почему можно полагать, что преступления общеполитические рано или поздно будут признаны подлежащими международной репрессии, в случае эмиграции. Второе основание, подтверждающее ту же мысль, можно вынести из комбинации двух начал: независимости и вмешательства... Из комбинации этих принципов следует, что если активное вмешательство может быть допущено в крайних только случаях, то пассивное в форме обсуждения: кто прав — гражданин ли, возмущающийся против законов государства, или государство, — такое пассивное вмешательство может быть допущено всегда”⁷¹⁷.

Вопрос об ограничении правила невыдачи политических преступников обсуждался на Оксфордской сессии института международного права в сентябре 1880 года. Резолюция сессии содержит следующие положения: “Выдача не имеет места по преступлениям политическим (ст. XIII). Запрашиваемое государство безапелляционно, сообразно обстоятельствам дела, решает, составляет ли деяние, по которому требуется выдача, преступление политическое или общее. При этой оценке, государство должно руководиться двумя нижеследующими идеями: а) деяние, заключающее в себе все признаки преступления общего (убийство предумышленное, поджог, кража) не может быть исключено из выдачи только по одному соображению политической цели виновника; б) при оценке деяния, совершенного во время восстания, мятежа или гражданской войны критерием служат обычаи войны (ст. XIV). Во всяком случае, выдача по преступлению политическому может состояться только под условием гарантий, что выданный будет предан суду обыкновенному, а не чрезвычайному (ст. XV)”⁷¹⁸.

Таким образом, несмотря на наметившуюся тенденцию к ограничению правила невыдачи политических преступников, оно было, в целом, подтверждено Институтом международного права. Резолюция распространяла это правило на любого рода политические преступления, в том числе террористические акты, хотя и не исключала возможность выдачи лиц, обвиняемых в деянии, заключающем в себе признаки общего преступления.

Как известно, многие европейские государства оказались весьма гостеприимными в отношении террористов. Безоговорочное использование права на убежище в отношении политических преступников порождало серьезные негативные последствия, позволяя террористам оставаться безнаказанными. Принцип невыдачи политических преступников способствовал тому, что от правосудия скрывались лица, совершившие тяжчайшие преступления.

В российской прессе отмечалось: “Достаточно злоумышленнику этой категории, который, кроме преступления в качестве крамольника, совершал еще наиболее тяжелые преступления против уголовного права, перейти границу, чтобы этим самым оказаться защищенным от преследований, разыгрывать роль жертвы политических взглядов, пользоваться даже сильной протекцией со стороны правительства, на территории которого он выбрал себе местожительство” ⁷¹⁹.

Под влиянием сложившейся ситуации имперский канцлер князь Бисмарк стал инициатором решения вопроса о выдаче политических преступников между Пруссией и Россией. Не только действия террористов в России заставляли спешить с заключением договора: убийство во Франкфурте агента тайной полиции Румпфа (декабрь 1885 года) произвело очень сильное впечатление, под влиянием которого немецкая пресса подняла вопрос о необходимости энергичной борьбы с этим явлением.

В марте 1885 года канцлер предложил русскому правительству выработать условия соответствующего соглашения. Россия приняла предложение, и в июле того же года передала в Берлин проект соглашения, в котором подробно перечислялись 26 категорий преступных действий, допускающих требование выдачи. Этот проект показался прусскому министерству очень пространным. В сентябре был получен контр-проект германского министерства и 1(13) января следующего года произошел обмен министерскими нотами. Правительство России и правительство Пруссии обязались в силу предварительного соглашения по требованию каждой из держав взаимно выдавать обвиняемых или осужденных:

1) за преступления или проступки, ниже перечисленные, или “за приготовление к их осуществлению” (если эти преступления или проступки направлялись против Их Величеств или членов Их семейств): а) убийство; б) насильственные действия; в) телесные повреждения; д) умышленное лишение личной свободы; е) оскорбление;

2) убийство или покушение совершить его;

3) приготовление или хранение динамита или прочих взрывчатых веществ в тех случаях, когда приготовление или сохранение подобных веществ наказывается действующими в России и Пруссии законами (последней пришлось для этого выработать специальный закон от 9 июня 1884 года).

Следующий параграф содержал в себе квинтэссенцию этого документа. Он постановлял: “То обстоятельство, что преступление или проступок, на основании которого требуется выдача, было совершено из политических целей, ни в коем случае не может служить основание к отказу в выдаче”.

Следующий параграф содержал в себе квинтэссенцию этого документа. Он постановлял: “То обстоятельство, что преступление или проступок, на основании которого требуется выдача, было совершено из политических целей, ни в коем случае не может служить основание к отказу в выдаче”. В меморандуме, прилагаемом к проекту договора, содержался комментарий, в котором подчеркивалось, что это положение “имеет целью опровержение ошибочного мнения, которое допускает, что проступок, совершенный с политической целью, теряет свой преступный характер, и что ему гарантируется изъятие из общего права”. “Право убежища, которое обыкновенно предоставляется политическим эмигрантам, имеет место в том случае, когда, во время гражданских войн или жестокой борьбы партий, признаки преступления становятся сомнительными, и сомнительность в виновности (обыкновенно это применимо к большинству тех, кто ищет убежища за границей вследствие политических переворотов) требует применения известной снисходительности при его оценке, — говорилось в меморандуме. — Но по отношению к делам анархистов-убийц, каковые обнаружались в недавних покушениях на разных монархов, подобная снисходительная точка зрения не может быть применима”⁷²⁰.

Современники отмечали, что “акты, которыми русское правительство обменялось с прусским, были дипломатическими документами большой важности, потому что содержание их касалось вопросов, которые в области международного права и в правительственных отношениях всегда считались щекотливыми и почти неразрешимыми. В них открыто критиковали область преступлений, совершенных с политической целью

(“*politische Beweggrunde*”); устанавливали новую форму преступной деятельности, постоянно практикуемой анархистами, — а именно “подготовительных действий” для политических преступлений, убийств, взрывов; это был первый опыт в таком роде, и он не имел еще себе precedентов”.⁷²¹

Таким образом, была достаточно четко сформулирована концепция “относительных политических правонарушений”, а также принцип, позволяющий исключать из экстрадиционного иммунитета террористические преступления.

В конце XIX века мир захлестнула волна терроризма. Имена террористов Равашоля, Огюста Вайана и Эмиля Анри стали известны всей Европе. В России террористы с маниакальным упорством предпринимали попытки убить Императора Александра II. После Каракозовского покушения на Александра II (1866 года) одна попытка следовала за другой. Под руководством А. Желябова были организованы несколько покушений. Десять человек были убиты и 34 человека ранены во время покушения, совершенного 5 февраля 1880 года С. Халтуриным. Весной 1880 года покушение готовилось в Одессе: с этой целью террористы пытались заминировать одну из одесских улиц.

1 марта 1881 года взрывом брошенной террористом бомбы Император Александр II, великий реформатор России, был убит. Общее число жертв этого преступления — двадцать один человек⁷²². В том же году от рук террористов погиб президент США Джеймс Гарфилд, были совершены покушения на Бисмарка. В 1894 году был убит президент Франции Карно, в 1897-м — премьер-министр Испании Антонио Кановас, в 1898 году — австро-венгерская императрица Элизабет, в 1900-м — король Италии Умберто⁷²³. Политическая преступность стала восприниматься как существенный политический фактор.

“Ужасающие преступления анархистов, совершенные в Испании и Париже, послужили основанием к возбуждению вопроса о принятии международных мер для борьбы с этим злом, — писал Журнал С. — Петербургского юридического общества в 1894 году. — Еще так недавно по вопросу о заключении договора между Россией и Северо-Американскими Соединенными Штатами о выдаче преступников заграничная печать, в особенности английская, изливала свою

злобу против России, выражая сочувствие нашим преступникам. Надо было на Западе проявиться деятельности анархизма со столь разрушительными последствиями, чтобы открыть глаза Европе на необходимость совместного действия всех цивилизованных держав против этих лютых врагов общества и культуры. Англия и Америка издавна придерживались принципа предоставления у себя убежища всем политическим преступникам, именуя последними и деятельность анархистов”⁷²⁴.

Опубликованный в Санкт-Петербургском Журнале международного и государственного права (1897) комментарий к спору между Германией и Великобританией из-за убежища, предоставленного германским консулом Саиду-Каледу, одному из претендентов на Занзибарский престол, содержит весьма характерные высказывания, отражающие преобладавшую в доктрине и практике международного права конца XIX века точку зрения. В нем говорится: “Само собой разумеется, что выдача может иметь место только за общие преступления, и что для удовлетворения просьбы о выдаче необходимо, чтобы против Саида-Каледа были собраны достаточно тяжелые улики, позволяющие предать его уголовному суду по обвинению в убийстве”. И далее: “Ни мотив, которому подчинился убийца, ни качество его жертвы не могут лишить преступление его характера преступления общего. Именно таким образом выражается современное международное право...”⁷²⁵.

Отношение дореволюционной России к вопросу о выдаче политически преступников сформулировано в высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 22 марта 1903 года: “Иностранец, учинивший вне пределов России тяжкое преступление или преступление, хотя бы вызванное политическими побуждениями или совершенное совместно с преступным деянием, именуемым в международных договорах политическим, или по поводу такого деяния, равно как посягавший на жизнь, здоровье или свободу главы иностранного государства или членов его семьи, подлежит выдаче, согласно договора, заключенного с государством, требующим выдачи обвиняемого или установившим в этом отношении с сим государством взаимности, если обвиняемый не был в России за учиненное им деяние осужден, оправдан или освобожден от наказания в установленном порядке”⁷²⁶.

К началу XX века исключение из правила невыдачи политических преступников, так называемая “бельгийская оговорка”, получила широкое распространение. Она сыграла большую роль в формировании международно-правового понятия политического преступления и нашла отражение в национальном и международном праве ⁷²⁷.

Правило об исключении политических правонарушений из числа экстрадиционных преступлений получило сложное обоснование, в котором переплетаются политические, моральные и гуманитарные элементы:

1) политический (основан на принципе невмешательства во внутренние дела: государства должны оставаться нейтральными в отношении политических конфликтов в других государствах, и поэтому в выдаче политических противников должно быть отказано априори);

2) моральный (основан на предпосылке, что сопротивление притеснению является законным, в силу чего политические преступления могут быть оправданы);

3) гуманитарный (основан на принципе защиты прав человека — политический правонарушитель не должен быть выдан к государству, в котором он рискует быть подвергнутым несправедливому судебному разбирательству)⁷²⁸.

Было бы явным преувеличением утверждать, что, как в девятнадцатом веке, так и на протяжении всего двадцатого столетия, декларируемые принципы полностью отражали подлинные мотивы поддержки, оказываемой государствами лицам, объявленным политическими преступниками в других странах. Нередко тезис “враг моего врага — мой друг” был более адекватен подлинной мотивации многих решений, обоснованных либеральными идеями. Популярность либеральной идеологии в обществе умело использовалась в политических целях для маскировки куда менее привлекательных действительных политических соображений.

Международная правовая система не сумела выработать эффективные меры противодействия идеологическому терроризму именно потому, что государства занимали и продолжают занимать нравственно непоследовательные позиции: они поддерживают терроризм, когда это отвечает их стратегическим целям, и осуждают, когда он этим целям противоречит. Три вида проблем

в этой связи наиболее часто обсуждаются учеными и политиками. Во-первых, необходимость обращения с террористами как с преступниками и установления суровых наказаний за все виды террористических действий. Во-вторых, необходимость увеличения числа экстрадиционных соглашений при ограничении правила невыдачи политических преступников или отказе от него. В третьих, необходимость принятия строгих мер по отношению к государствам, которые поддерживают терроризм.

Очевидно, что чем больше принимается соглашений о выдаче при ограничении принципа невыдачи политических преступников, тем эффективнее может стать международно-правовое противодействие терроризму. Экстрадиционная система, однако, являются малоэффективной в тех случаях, когда террористы скрываются в странах, поддерживающих их акции. Такие государства не только обеспечивают террористов финансами и оружием, но и предоставляют им убежище в пределах своих национальных границ. Маловероятно, чтобы между государствами, поддерживающими террористов и государством, преследующим их, существовал договор о выдаче преступников. Если же он и существует, поддерживающее государство, вероятно, не согласилось бы отказаться от принципа невыдачи политических преступников и выдать тех, кого поддерживает. Таким образом, экстрадиционная система неэффективна именно в тех случаях, когда это наиболее необходимо. Конечно, государства могут налагать серьезные уголовные санкции на террористов, но в тех государствах, которые их поддерживают, с ними обращаются как с героями, а не преступниками⁷²⁹.

Сегодня можно считать общепризнанным, что лица, совершившие террористические преступления, подлежат выдаче. Тем не менее, трудно отрицать, что такие преступления являются политическими правонарушениями. Действительно, акты терроризма отвечают большинству обсуждаемых критериев политического преступления: субъективному (*political motivation test*) и объективным — критерию “политической сферы действия” (*political incidence test*), теории нарушенных прав (*the injured rights theory*), модели связи (*“the model of connexity”*) или критерию нарушения (*disturbance test*). Однако утверждение, что террористические преступления являются преступлениями политическими, ни в коей

мере не означает их оправдания, как не подразумевает оправдания признание политического характера геноцида.

Политический терроризм — устрашение и насилие как метод политической борьбы — изначально имел две составляющие: общеуголовную и политическую. Нельзя не согласиться с П. Вилкинсоном, когда он заявляет: “Мы должны разрушить миф о терроризме. Мы должны сказать правду о нем. Терроризм — это чисто кровавое убийство. Все, кто потворствует ему или идеализирует и поощряет его — пособничают и подстрекают к убийству невинных людей”⁷³⁰.

“Если исходить из предпосылки, что терроризм должен рассматриваться как преступление, логично заключить, что борьба с ним осуществляется уголовно-правовыми мерами. В то время, как и предпосылка, и заключение кажутся совершенно очевидным на внутригосударственном уровне (едва ли какое-либо государство откажется использовать головное права для подавления внутреннего терроризма), сопоставимой уверенности в борьбе с терроризмом на международном уровне явно недостает. Сравнительно недавно, после длительных дебатов, Генеральная Ассамблея ООН Наций использовала слово “преступление” в отношении терроризма. Не удивительно, что сотрудничество между государствами в подавлении терроризма уголовно-правовыми мерами встречает политические и юридические препятствия, которые парализуют этот процесс, — пишет К. Ван ден Вингерт (*Wynngaert*)⁷³¹.

Несмотря на некоторые исключения из правила о невыдаче политических преступников, в целом этот институт сохранялся на протяжении всего двадцатого столетия, большая часть которого прошла под знаком идеологического, политического и военного противостояния государств с различными социальными системами. В этих условиях невыдача лиц, совершивших политические преступления, была не только (и не столько) элементом системы защиты прав человека, но и являлась инструментом политического противоборства.

С 60—70-х годов XX века мировое сообщество, раздираемое политическими противоречиями, заново начало долгий путь к осознанию терроризма как всеобщей опасности. Возрастающая опасность терроризма вынудила государства пойти на более тесное сотрудничество в вопросах экстрадиции. Началось медленное, но

неуклонное сужение понятия неэкстрадиционных политических правонарушений. Причиной этого процесса явилось отнюдь не смягчение политических противоречий. Напротив, “холодная война” между государствами с различными общественно-политическими системами не благоприятствовала развитию межгосударственных связей и являлась серьезным препятствием в экстрадиционных взаимоотношениях государств. Не добрая воля правительств, а резкая активизация преступности (в первую очередь, терроризма) придала этому периоду характер рубежа, с которого начался постепенный процесс объединения усилий государств в противодействии опасным формам преступности. Этот период озаменовался “взрывом” леворадикального террористического насилия в Западной Европе. В то же время участились террористические акции по антисоветским мотивам, связанные с захватом заложников и так называемым “воздушным” терроризмом, вследствие чего Советский Союз стал активно возражать против отказа в выдаче предполагаемых преступников в связи с политическим характером преступления.

Вопиющим нарушением норм международного права назвали в СССР невыдачу советских граждан Бразинскаса Пранаса Стасио и его сына Бразинскаса Альгирдасуа, которые 15 октября 1970 года совершили захват пассажирского самолета, следовавшего по маршруту Батуми — Сухуми с 45 пассажирами на борту, заставив экипаж самолета изменить курс и приземлиться на территории Турции. В ходе захвата самолета была убита бортпроводница Н. Курченко и нанесены тяжелые огнестрельные ранения двум членам экипажа. На основании материалов предварительного следствия прокуратурой Аджарской АССР было вынесено постановление о привлечении Бразинскаса П. С. и Бразинскаса А. П. к уголовной ответственности. СССР обратился к Турции с запросом об их выдаче. Суд г. Трабзона, рассматривавший запрос, не считал нужным заключить обвиняемых под стражу, мотивируя свое решение тем, что преступление было совершено по политическим мотивам, и поэтому подобные правовые санкции не могут быть к ним применены. На том же основании запрос СССР о выдаче был отклонен. Хотя Верховный суд Турции подтвердил решение суда г. Трабзона, высшая судебная инстанция — пленум Верховного суда — не согласилась с ним и в решении от 8 августа 1971 года квалифицировала действия

отца и сына Бразинскасов как уголовное правонарушение. В 1974 году Бразинскасы были переведены из тюрьмы в лагерь для перемещенных лиц, откуда 24 июня 1976 года совершили побег. Бразинскасы укрылись в посольстве США, но затем были переданы турецким властям. Через некоторое время турецкий суд принял решение освободить их из-под стражи. Представитель МИД Турции заявил, что им разрешается выезд в ту страну, которая предоставит им право убежища, чем они и воспользовались, выехав в США. Советское правительство 15 июля 1976 года сделало заявление, в котором, в частности, подчеркнуло, что преступники Бразинскасы, где бы они ни находились, подлежат выдаче Советскому Союзу, который рассматривает их укрывательство как недружественный акт в отношении СССР⁷³².

Возмущаясь нарушением международного права со стороны США, укрывавших в пределах своей территории террористов Бразинскасов, Л. А. Моджорян писала: “В настоящее время буржуазными правительствами делается попытка ввести в международные соглашения статью, на основе которой они могли бы отказаться от обязательства выдачи террористов, укрывающихся в пределах третьего государства, и этим обеспечить их безнаказанность”⁷³³.

В отношениях между социалистическими странами принцип невыдачи лиц, совершивших правонарушения политического характера, не применялся. В 1972 году Л. Н. Галенская в своей широко известной работе “Международная борьба с преступностью” писала: “В соглашениях между социалистическими государствами отсутствует оговорка о невыдаче политических преступников. Из этого можно сделать вывод, что правило о невыдаче данной категории лиц в отношениях между социалистическими государствами не применяется. И для этого имеются глубокие основания: одинаковая политическая основа, общность цели не может не делать преступниками в глазах социалистических стран лиц, покушающихся на политический и экономический строй одной из них”⁷³⁴. Одновременно Л. Н. Галенская утверждала: “Выдаче не подлежат лица, обвиняемые в совершении политических преступлений, которым государства предоставляют право убежища. Правда, само понятие политических преступлений

является довольно сложным и особенно сложно определить характер преступления в том случае, если оно сопряжено с совершением уголовного деяния. Определение характера преступления — дело внутренней компетенции государства, на территории которого находится беглец. Это общепризнанная норма международного права, находящая широкое отражение в договорной практике”⁷³⁵.

“Нужно отметить, что для отечественной правовой школы невыдача по политическим мотивам до последнего времени представляла больше теоретический интерес. В национальном уголовном праве отсутствует понятие политического преступления. Договоры о правовой помощи как бывшего Союза ССР, так и заключаемые новыми независимыми государствами, в том числе Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная в рамках СНГ 22 января 1993 года, не содержат подобных оснований для отказа в выдаче, — пишут И.П.Блищенко, И. В. Фисенко. — Попытки привнести концепцию отказа в выдаче за совершения преступлений по политическим мотивам пока не встречают поддержки, как у теоретиков, так и у практиков, хотя намечается тенденция использовать для целей отказа институт политического убежища”⁷³⁶.

Длительное время главным фактором, затрудняющим формирование единого подхода к определению терроризма, являлась крайняя политизированность оценок ⁷³⁷. Советские авторы, научная позиция которых вынужденно определялась официальными идеологическими рамками, давали, преимущественно, политическое определение терроризма⁷³⁸. В советской юридической литературе терроризм рассматривался как политический феномен, “стратегия империалистических сил в борьбе с революционно-освободительными и прогрессивными движениями”. Осуждению подвергались любые попытки “свести терроризм к уголовному преступлению”⁷³⁹.

“Приоритетность содержательной перед функциональной составляющей терроризма привела к излишней идеологизации его оценок и определений, размыванию границ между собственно терроризмом и другими формами политически мотивированного насилия”, — утверждает В. В. Устинов ⁷⁴⁰. С этим трудно не согласиться. Действительно, как отмечает К. Салимов, существуют два направления в исследовании терроризма. Первое связано с

подходом к этому явлению как международно-правовой категории политического характера. Оно было господствующим в правовой литературе вплоть до начала 90-х годов. Последние годы отмечены появлением научных исследований второго направления, которые рассматривают проблему терроризма сугубо с уголовно-правовых и криминологических позиций⁷⁴¹.

Нельзя не согласиться с тем, что создавая договорно-правовую базу международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, следует стремиться к деполитизации понимания современного терроризма, осознанию его наднационального статуса и опасности, прежде всего, для всего человечества⁷⁴².

Однако после многих лет излишне политизированного освещения терроризма, ныне наблюдается иная крайность: полное отрицание политического компонента этого явления. Эта тенденция проявилась и в современной украинской террологии. Так, В. П. Емельянов, отрицая политический характер терроризма и противопоставляя его в этом отношении террору, пишет: “Думается, терроризм и политика вообще несовместимые понятия и явления действительности. Еще В. И. Ленин указывал, что “в качестве революционной тактики индивидуальные покушения нецелесообразны и вредны. Только массовое движение можно рассматривать как политическую борьбу”. А массовое революционное движение на каком-то этапе борьбы может прибегнуть как к вынужденной мере и к политике террора”⁷⁴³. “Террор не всегда одиозен, напротив, он может быть исторически оправдан”, — утверждает В. П. Емельянов. — Другое дело — терроризм...”⁷⁴⁴. В совместной статье В. С. Комиссарова и В. П. Емельянова подчеркивается: “Для мирового сообщества стало очевидным то, что терроризм — это разновидность обычных уголовно наказуемых деяний, квалифицируемых по соответствующей статье уголовного закона, а не какая-то специфическая политическая акция, требующая особого подхода”⁷⁴⁵.

Развивая эту мысль, В. А. Липкан отмечает, что терроризм является уголовно-правовым явлением, в то время как террор — социально-политическим, и категорически возражает против признания террористических преступлений политическими⁷⁴⁶. При этом ни В. П. Емельянов, ни В. А. Липкан не дают определения понятия политического преступления, что значительно ограничивает возможности дискуссии.

Если под политическим преступлением понимать деяние, имеющее политическую мотивацию, можно согласиться с тем, что не каждый акт терроризма — политическое преступление. Но и в этом случае невозможно отрицать существование политически мотивированного терроризма, который наиболее распространен и наиболее опасен. Придется, по меньшей мере, признать, что акты терроризма — это преимущественно политически мотивированные преступления. Отрицание присутствия политического компонента в этом явлении крайне непродуктивно, поскольку искажает его сущность как одной из форм политического насилия.

Стремление снять с терроризма “ореол политизированности” объясняется тем, что это “открывает возможность экстрадиции преступников”, поскольку “некоторые государства называют определенные преступления (в том числе террористические) политическими и отказываются выдавать преступников⁷⁴⁷”.

Такой довод не выглядит убедительным: гораздо легче аргументировать необходимость ограничения или отказа от принципа невыдачи политических преступников, нежели опровергать очевидный факт политической мотивировки, политического контекста и политической значимости терроризма как социально-правового феномена.

Политически мотивированный терроризм в полной мере может быть отнесен к политической преступности в криминологическом смысле. Терроризм как целостный политико-правовой феномен порождает политические последствия и является порождением определенных политических интересов. Терроризм может иметь как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические причины, инициироваться иностранным государством или иностранными террористическими организациями. В международном терроризме политический компонент этого явления приобретает особую значимость.

Отрицание того очевидного факта, что террористические преступления, будучи особо опасной формой политического и криминального насилия, являются именно политическими правонарушениями, — далеко не обязательное условие для выдачи. На протяжении многих десятилетий террористическая деятельность рассматривалась как “комплексное” (“общеполитическое”) преступление, совмещающее в себе признаки “политического” и “общуголового”.

Террористические преступления представляют собой, преимущественно, классический вариант общеуголовного преступления, совпадающего с политическим, или политическое, совпадающее (*complex*) с общеуголовным, то есть комплексное политическое и общеуголовное преступление. По существу, сам термин “терроризм”, используемый вместо традиционных уголовно-правовых понятий, подчеркивает политическое значение преступного деяния. Это значение может заключаться в политической цели или политическом контексте преступного акта, либо в террористических, то есть производящих политически значимый устрашающий эффект, последствиях.

Признавая политический характер терроризма, нельзя согласиться с противопоставлением “уголовной преступности” и “террористической деятельности”, которое допускают многие авторы. Так, Л. И. Мошкова пишет: “Политический характер террористической деятельности принципиально отличает ее от уголовной преступности, хотя между тем и другим существует достаточное сходство, имеется немало точек соприкосновения, что в некоторых случаях облегчает перерождение террористической группы в уголовную организацию”⁷⁴⁸. В самом понятии “террористическая деятельность” заложено понимание ее как преступной. Не может быть противопоставления “террористическая *деятельность*” или — “уголовная *преступность*”. Террористическая деятельность является разновидностью деятельности преступной.

В этой связи вполне логичной выглядит позиция С. А. Зелинского: “Будучи, безусловно, явлением политическим, терроризм остается одним из тягчайших преступлений. Противопоставление преступного и политического в характеристике терроризма представляется принципиально ошибочным. Нет некриминального, то есть непроступного терроризма. Терроризм — вне зависимости от действительных или декларируемых мотивов — является и правовым, и политическим феноменом. Таким образом, терроризм — это преступный метод политики и политическое преступление”⁷⁴⁹.

В Докладе Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом (2002) говорится: “В большинстве случаев терроризм по существу

представляет собой политический акт. Он предназначен для неожиданного причинения смертоносных увечий мирным жителям и создания атмосферы страха в целом ради достижения какой-либо политической или идеологической (будь то религиозной или нерелигиозной) цели. Терроризм является преступным актом, однако нечто большим, чем простое уголовное деяние. Для преодоления проблемы терроризма необходимо уяснить его политическую подоплеку, а также его основные преступные корни и психологию. Организации Объединенных Наций необходимо заняться обеими частями этого уравнения”⁷⁵⁰.

Может ли политическое преступление быть экстрадиционным, то есть влекущим выдачу? Со времен либеральных восторгов XIX века понятие “политическое преступление”, применяемое в контексте экстрадиции, фактически означает “непреступное”: применение этого принципа влечет за собой практически те же последствия, что и оправдание во внутреннем уголовном праве. В наше время, называемое многими “эпохой терроризма”, мир вряд ли может позволить себе такое великодушие. Тем не менее, правило исключения политических правонарушений из категории экстрадиционных традиционно рассматривается как фундаментальный принцип экстрадиционного права⁷⁵¹.

По мнению М. Ш. Бассиони, гипертрофирование проблемы уважения прав человека приводит к расширительному толкованию исключения в вопросах выдачи, касающегося политических правонарушений. Тем самым создается возможность для распространения исключения в вопросах выдачи на случаи террористических преступлений⁷⁵².

На Восьмом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями отмечалось: “Терроризму должно быть оказано мощное противодействие со стороны государств. Многие меры борьбы с ним могут повлечь за собой ограничение прав человека. Политики и лица, занимающиеся практической деятельностью, очень часто будут сталкиваться с противоречивыми интересами. Им следует оценивать принимаемые ими меры, чтобы определить, к чему они приведут и насколько будут ущемлены права граждан. Для того чтобы избежать такого двойственного положения при принятии любого решения, необходимо соразмерять право человека с эффективностью

принимаемых правоохранительных мер... Давление, оказываемое на власти с целью принятия срочных и эффективных мер устранения угрозы терроризма, могут привести к поспешным мерам. В результате этого могут быть приостановлены конституционные гарантии и нарушена законность, что может оправдываться серьезностью стоящей угрозы... Неуклонное обязательство правительств защищать права своих граждан имеет столь же важное значение, как и гарантии против виктимизации⁷⁵³.

Принятая в 1957 году Европейская конвенция о выдаче правонарушителей содержит два способа защиты выдаваемого лица от преследований за политические убеждения. В статье 3, носящей наименование “политические преступления”, Конвенция устанавливает: “1. Выдача не осуществляется, если преступление, в отношении которого она запрашивается, рассматривается запрашиваемой Стороной в качестве политического преступления или в качестве преступления, связанного с политическим преступлением. 2. То же правило применяется и в том случае, если запрашиваемая Сторона имеет достаточные основания считать, что запрос о выдаче в связи с обычным уголовным преступлением был подан с целью преследования или наказания лица в связи с его расой, религией, национальностью или политическими убеждениями, или что положению этого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин...”⁷⁵⁴.

Как видим, в Конвенции, во-первых, называется в качестве императивного основания для отказа в выдаче политический характер правонарушения, то есть подтверждается принцип невыдачи политических преступников, и, во-вторых, предусматривается отказ в выдаче по мотивам защиты лица от политических преследований независимо от характера инкриминируемого правонарушения. При этом Конвенция содержит только одно исключение из принципа невыдачи политических преступников (“бельгийскую оговорку”): в пункте 3 статьи 3 указывается, что “убийство или попытка убийства главы государства или члена его семьи не рассматривается политическим преступлением для целей настоящей Конвенции...”⁷⁵⁵.

Тенденция к ограничению применения принципа невыдачи политических преступников в отношении террористов нашла отражение во многих международных документах. Так, в Декларации

о мерах по ликвидации международного терроризма, утвержденной резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года обращается внимание на то, что государства обязаны обеспечивать задержание и судебное преследование или выдачу лиц, совершивших террористические акты. В Декларации, дополняющей Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 года (утверждена 17 декабря 1996 года резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи ООН) подчеркивается важное значение выработки государствами соглашений или, при необходимости, договоренностей о выдаче в целях обеспечения предания правосудию лиц, ответственных за совершение террористических актов. С учетом суверенных прав государств в вопросах выдачи государствам рекомендовано при заключении или применении соглашений о выдаче не рассматривать в качестве политических преступлений, преступления, связанные с терроризмом, которые являются источником опасности или физической угрозы для безопасности и защиты лиц, какими бы ни были бы мотивы, которые могут приводиться в их оправдание; государствам рекомендовано также, даже в условиях отсутствия договора, рассматривать возможность оказания содействия в выдаче лиц, подозреваемых в совершении террористических актов, в той мере, в какой это допускается их национальным законодательством.

В Резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности от 28 сентября 2001 года содержится призыв к государствам “принимать, до предоставления статуса беженца, надлежащие меры согласно соответствующим положениям внутригосударственного законодательства и международного права, включая международные стандарты в области прав человека, с целью удостовериться в том, что лица, ищущие убежище, не планировали террористических актов, не содействовали им и не участвовали в их совершении”, а также “обеспечить, чтобы в соответствии с международным правом исполнители и организаторы террористических актов или их пособники не злоупотребляли статусом беженца и чтобы ссылки на политические мотивы не признавались в качестве основания для отклонения просьб о выдаче подозреваемых в причастности к терроризму лиц”⁷⁵⁶.

Исключение террористических преступлений из сферы действия принципа политического исключения (своего рода “отрицание отрицания”) производится, в основном, тремя способами.

Первый способ ограничения принципа невыдачи политических правонарушителей отражен в большинстве секторальных антитеррористических конвенций. В условиях существования серьезных противоречий в оценке терроризма и различных подходов к решению экстрадиционных вопросов, охватываемые этими конвенциями террористические акты, вне зависимости от характера их мотивации, включаются в число преступлений, влекущих выдачу. Таким образом, институт невыдачи политических преступников косвенно, но существенно, ограничивается.

Так, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970), в пункте 1 статьи 8 установила, что “преступление считается подлежащим включению в качестве преступления, влекущего выдачу, в любой договор о выдаче, заключенный между Договаривающимися Государствами. Договаривающиеся Государства обязуются включать такое преступление в качестве преступления, влекущего выдачу, в любой договор о выдаче, заключаемый между ними”⁷⁵⁷.

Как видим, Конвенция обязывает государства включать охватываемые ею деяния в экстрадиционные соглашения. Кроме того, согласно пункту 2 рассматриваемой статьи, “если Договаривающееся Государство, которое обуславливает выдачу наличием договора, получает просьбу о выдаче от другого Договаривающегося Государства, с которым оно не имеет договора о выдаче, оно может по своему усмотрению рассматривать Конвенцию в отношении такого преступления в качестве юридического основания для выдачи”. В отношении государств-участников, не обуславливающие выдачу наличием договора, Конвенция предусматривает, что они рассматривают в отношениях между собой преступления, указанные в Конвенции, в качестве преступлений, влекущих выдачу, с соблюдением условий, предусмотренных законодательством запрашиваемого государства.

Статья 8 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов является той моделью, на которой основано большинство

международных договоров. В частности, аналогичные положения содержатся в статье 8 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 1971 года)⁷⁵⁸, статье 8 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973)⁷⁵⁹.

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года в статье 10 предусматривает, что указанные в ней преступления “считаются подлежащими включению в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче”⁷⁶⁰. Конвенция о физической защите ядерного материала (1980 года) в статье 11 устанавливает, что указанные в ней преступления “рассматриваются как правонарушения, связанные с выдачей правонарушителей, включенные в любое соглашение о выдаче, существующее между государствами-участниками”⁷⁶¹.

Названные конвенции не называют терроризмом указанные в них деяния, и государства остаются свободными в праве рассматривать эти преступления как обычные общеуголовные преступления либо, усмотрев в них признаки политического правонарушения, применить принцип невыдачи политических преступников. Таким образом, конвенции *допускают* выдачу лиц, совершивших охватываемые ими преступления, что ограничивает, но *не исключает* возможность отказа в выдаче в связи с политическим характером правонарушения. Не исключается и отказ в выдаче по гуманитарным основаниям, то есть в том случае, если имеются основания предполагать, что просьба о выдаче была направлена с целью преследования или наказания лица за политические убеждения либо по причинам, связанным с его расовой, религиозной, национальной или этнической принадлежностью.

В статье 9 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 года прямо оговорено, что просьба о выдаче предполагаемого преступника не удовлетворяется, если у государства-участника, к которому обращена просьба о выдаче, “имеются веские основания считать, что просьба о выдаче была направлена с целью преследования или наказания лица по причинам, связанным с его расовой, религиозной, национальной или этнической принадлежностью или политическими взглядами”⁷⁶².

В данном случае отказ в выдаче обусловлен не политическими мотивами совершения террористического акта, а предполагаемой возможностью политических преследований запрашиваемого лица со стороны запрашивающего государства.

Следует заметить, что официальная позиция Советского Союза состояла в отрицании правомерности такого отказа. Эту позицию отстаивали и советские ученые. А. В. Змеевский писал: “Противостояние точек зрения и позиций государств по проблемам выдачи террористов нашло документальное отражение в международном праве. В 1979 году Генеральная Ассамблея большинством голосов закрепила в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников возможность отказа в выдаче преступника по политическим мотивам. Тем самым серьезный ущерб был нанесен не только эффективному функционированию института выдачи, но под сомнение была поставлена сама идея международного сотрудничества по борьбе с актами терроризма вне зависимости от мотивов их совершения. Потребовалось почти десятилетие, чтобы переломить эту негативную тенденцию: в упорной борьбе удалось не допустить включения аналогичной статьи в Римскую конвенцию по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 года⁷⁶³.”

Важным элементом антитеррористических конвенций стала подтверждение принципа “выдай или суди”. Этот принцип сформулирован, в частности, в статье 7 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, статье 7 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, статье 7 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, и ряде других. Ключевая особенность этих конвенций заключается в том, что они устанавливают четкие обязательства для государств-участников задержать предполагаемого преступника на своей территории и либо выдать его, либо передать дело своим собственным властям для целей преследования (*aut dedere aut judicare*).

Обязательство, однако, заключается не в том, чтобы представить обвиняемого в суд, а в том, чтобы передать дело для рассмотрения в целях возбуждения преследования соответствующему

национальному органу, ответственному за преследование. Если система уголовной юстиции государства преследования недостаточно независима и беспристрастна, то судебному преследованию или осуждению обвиняемого может воспрепятствовать политическое вмешательство, которое, к тому же, на этапе вынесения приговора может действовать в качестве силы, направленной на его смягчение. Строго говоря, ни одна из этих конвенций сама по себе не создает обязательства выдавать преступника. Они устанавливают требование об обеспечении преследования предполагаемых преступников, если выдачи не происходит, и тем самым создают определенный стимул к экстрадиции. Кроме того, юридические основы для выдачи либо содержатся в соответствующей конвенции, либо устанавливаются через включение преступлений, упомянутых в соответствующей конвенции, в действующие или будущие договоры между сторонами. В различной степени эти конвенции также обязывают стороны предпринять важный практический шаг: попытаться задержать обвиняемого и содержать его в заключении⁷⁶⁴.

Второй способ ограничения принципа невыдачи политических правонарушителей использован в Европейской Конвенции о пресечении терроризма 1977 года. Эта Конвенция распространяется на государства, являющиеся членами Совета Европы, и климат “холодной войны”, снижавший возможности антитеррористического взаимодействия государств на универсальном уровне, не оказывал на нее прямого влияния. Участники Конвенции, не будучи политическими оппонентами, не отказались от принципа невыдачи политических преступников.

Конвенция уникальна по многим параметрам. В отличие от универсальных антитеррористических соглашений периода “холодной войны”, в которых слово “терроризм” не используется, эта конвенция в самом наименовании содержит этот термин. Следовательно, налагаемые конвенцией ограничения принципа исключения политических правонарушений рассматриваются как относящиеся к проявлениям терроризма, в то время как большинство универсальных антитеррористических соглашений оставляют простор для иных интерпретаций.

Конвенция оперирует конструкцией “политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением, или

преступление, вызванное политическими мотивами”, предусматривая, что перечисленные в статье 1 преступления для целей выдачи не рассматриваются в качестве таковых. В статье 2 Конвенция устанавливает, что “1. Для целей выдачи между Договаривающимися Государствами Договаривающееся Государство может постановить не рассматривать в качестве политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, вызванного политическими мотивами, тяжкое преступление, связанное с актом насилия, помимо деяния, предусмотренного в статье 1, против жизни, физической неприкосновенности и свободы человека. 2. Вышеупомянутое применяется в отношении тяжкого преступления, связанного с деянием против собственности, помимо деяния, предусмотренного в статье 1, если это деяние создает коллективную угрозу для людей...”.

В то же время, согласно статье 13, “любое государство может во время подписания или во время сдачи на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии или утверждении заявить, что оно сохраняет за собой право отказать в выдаче в связи с любым преступлением, упомянутым в статье 1, которое оно считает политическим преступлением, преступлением, связанным с политическим преступлением, или преступлением, вызванным политическими мотивами, при том условии, что оно обязуется должным образом принять во внимание при оценке характера этого преступления любые особо серьезные аспекты этого преступления, включая: а) тот факт, что оно создало коллективную опасность для жизни, физической неприкосновенности или свободы людей; или б) тот факт, что оно затронуло лиц, которым чужды вызвавшие его мотивы; или с) тот факт, что при совершении такого преступления использовались жестокие или бесчеловечные средства”⁷⁶⁵.

По существу, в статье 13 Конвенции косвенно дано общее понятие террористического преступления. Оно включает в себя три параметра:

- 1) преступление создает коллективную опасность для жизни, физической неприкосновенности или свободы людей;
- 2) преступление затрагивает лиц, которым чужды вызвавшие его мотивы;

3) при совершении преступления используются жестокие или бесчеловечные средства.

При наличии этих условий мотивация преступной деятельности не имеет значения, и преступление может быть расценено как подлежащее выдаче.

Конвенция предоставляет, таким образом, участвующим в ней государствам возможность выбора одного из двух вариантов: 1) прямое исключение проявлений терроризма из категории политических, лишаящее запрашиваемое государство возможности отказа в выдаче со ссылкой на принцип невыдачи политических преступников; 2) нормативное ограничение понятия политического преступления, предоставляющее запрашиваемому государству свободу усмотрения в квалификации инкриминируемого деяния как отвечающего или не отвечающего этим критериям.

Государства, избравшие первый вариант, проявили приверженность значительному ограничению принципа невыдачи политических преступников, фактически исключив его применение в отношении актов терроризма, охватываемых Конвенцией, за счет искусственного сужения понятия политического преступления. В Конвенции отражена специфическая международно-правовая формула преступлений, не являющихся “политическими преступлениями или преступлениями, связанными с политическим преступлением, или преступлениями, вызванными политическими мотивами” для целей выдачи, то есть “условно неполитических” правонарушений. Поскольку в международных соглашениях позитивное определение политического преступления, как правило, не дается, договорная практика пошла по пути условного непризнания политического характера за отдельными категориями деяний. Не отказываясь от принципа невыдачи политических правонарушителей, государства приняли на себя обязательства выдавать или преследовать по суду лиц, которым инкриминируются определенные преступления.

Государства, сделавшие оговорку в соответствии со статьей 13, всего лишь обязались “должным образом принять во внимание при оценке характера этого преступления любые особо серьезные аспекты”, что дает основания экстрадиции лиц, обвиняемых в совершении деяний, отвечающих перечисленным в статье

критериям, но оставляет государствам право оценивать ситуацию по собственному усмотрению.

В 1979 году в Дублине (Ирландия) было подписано соглашение между государствами-членами Европейского сообщества о применении Европейской конвенции о борьбе с терроризмом. Цель данного соглашения состояла в том, чтобы обеспечить по возможности более полное осуществление Европейской Конвенции о пресечении терроризма в отношении между членами сообщества. Каждый участник соглашения должен официально заявить, намерен ли он использовать в отношениях с другими участниками соглашения предусмотренное в статье 13 Конвенции право сделать оговорку о возможности отказа в экстрадиции лица в случае совершения им политического преступления, преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, вызванным политическими мотивами.

24 сентября 2001 года, под влиянием трагических событий в Соединенных Штатах Америки, Парламентская ассамблея Совета Европы настоятельно рекомендовала всем странам, входящим в Совет Европы, отказаться от применения статьи 13.

Третий способ ограничения правила об отказе в выдаче лиц, совершивших политические правонарушения, состоит в безальтернативном исключении проявлений терроризма из категории преступлений, в отношении которых применяется принцип иммунитета от экстрадиции. Таким образом, террористические преступления в категорической форме относятся к числу правонарушений, не рассматриваемых в качестве политических для целей выдачи. Именно такой способ применен в последних универсальных антитеррористических конвенциях: они прямо указывают на то, что охватываемые ими деяния не рассматриваются как политические для целей выдачи, не оставляя за государствами-участниками права на усмотрение в этом вопросе.

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997) предусматривает в статье 1: “Ни одно из преступлений, указанных в статье 2, не рассматривается для целей выдачи или взаимной правовой помощи как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением, или преступление, вызванное политическими мотивами. Соответственно,

связанная с таким преступлением просьба о выдаче или о взаимной правовой помощи не может быть отклонена лишь на том основании, что она касается политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, вызванного политическими мотивами”.

При этом механизм защиты от политических преследований выдаваемого лица вполне сохранен. В статье 12 оговорено: “Ничто в настоящей Конвенции не должно толковаться как налагающее обязательство выдавать какое-либо лицо или оказывать взаимную помощь, если запрашиваемое государство имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче в связи с преступлениями, упомянутыми в статье 2, или о взаимной правовой помощи в отношении таких преступлений имеет целью судебное преследование или наказание этого лица по причине его расы, вероисповедания, гражданства, этнического происхождения или политических убеждений или что удовлетворение этой просьбы нанесло бы ущерб положению этого лица по любой из этих причин”⁷⁶⁶.

Таким образом, Конвенция существенно ограничивает принцип отказа в выдаче по мотивам политического характера правонарушения, наряду с сохранением и, в определенной степени, усилением гарантий защиты индивида от политических преследований в запрашивающем государстве. Аналогичные положения содержит Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (статья 14).

Эти положения значительно сужают категорию неэкстрадиционных политических правонарушений. Конвенции косвенно подтверждают принцип невыдачи политических преступников, но при этом ограничивают сферу его применения. Только в таком контексте перечисленные в конвенциях преступления не рассматриваются как политические.

Типовой договор о выдаче, принятый резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 года, предусматривает, что “ссылка на правонарушение политического характера не включает в себя какого-либо нарушения, в отношении которого Стороны приняли на себя обязательство во исполнение любой многосторонней конвенции осуществлять судебное преследование в случаях, когда они не осуществляют выдачу, а также никакого другого правонарушения, которое Стороны согласились не считать

правонарушением политического характера для целей выдачи”. В то же время в договоре содержится положение, согласно которому выдача не осуществляется, “если запрашиваемое государство имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче сделана с целью судебного преследования или наказания лица по признаку расы, вероисповедания, гражданства, этнической принадлежности, политических взглядов, пола или статуса или что положению такого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин”⁷⁶⁷.

Применительно к проявлениям терроризма квалификация деяния как “неполитического” носит сугубо функциональный характер, определяемый словами “для целей выдачи или взаимной правовой помощи между государствами-участниками”. Чтобы наиболее опасные политические преступления были отнесены к экстрадиционным, государства *условились* не считать их политическими. В условиях острого политического противостояния государств периода “холодной войны” эта правовая фикция длительное время была весьма полезной с практической точки зрения. Однако она не может служить основой теоретического вывода о “неполитическом” характере терроризма. Само наличие оговорки, содержащей исключение из правила относительно политических преступлений, свидетельствует о том, что террористические преступления являются именно политическими.

Вынесение террористических преступлений за пределы понятия “политическое правонарушение” используется как способ ограничения принципа невыдачи политических преступников, что ни в коей мере не лишает террористическую деятельность ее политического содержания.

Конвенции и Типовой договор могут создать впечатление, что проблема применения принципа исключения политических правонарушений в отношении большинства террористических преступлений решена. Практика, однако, показывает обратное: несмотря на то, что террористы регулярно экстрадируются в течение последних лет даже странами, которые традиционно отказались выдавать таких правонарушителей, отказы все еще происходят. С другой стороны, последние соглашения, в которых правило невыдачи политических преступников было ограничено посредством прямого исключения террористических преступлений из категории политических, подвергаются критике за то, что

подвергают преследованиям политических правонарушителей, лишая их фундаментального права на защиту.

Правило об отказе в выдаче лиц, совершивших правонарушения политического характера, все более ограничивается за счет отнесения террористических преступлений к числу правонарушений, не рассматриваемых в качестве политических для целей выдачи.

Может ли быть полностью отменен иммунитет политических правонарушителей? Существуют различные мнения на этот счет. Так, К. Ван ден Вингерт полагает, что полностью лишать запрашиваемое государство права учитывать политические обстоятельства дела было бы не вполне оправданным. “Должны ли были бы государства антигитлеровской коалиции выдать Германии потенциальных убийц Гитлера в 1944 году, если бы они скрылись в этих странах?” — задает она риторический вопрос. Ситуации подобного рода требуют, по мнению К. Ван ден Вингерта, менее абсолютного подхода к отказу от рассматриваемого принципа. Судам требуемого государства нужно позволить применить множество нормативных критериев, касающихся характера инкриминируемого деяния, например, создавало ли оно коллективную опасность для людей, использовались ли особенно жестокие средства в процессе его исполнения и т. п., и на их основе принимать решение об экстрадиции ⁷⁶⁸.

Вопрос о том, насколько применим принцип невыдачи политических преступников по отношению к террористам, продолжает оставаться открытым. И, вероятно, ответ на него еще долго будет предопределяться политическими соображениями, а не результатами научных исследований. В любом случае, следует признать, что существенное ограничение этого принципа являются насущной необходимостью. Он не должен применяться в тех случаях, когда запрашиваемому лицу инкриминируется насильственное преступление.

К началу XXI века человечество, оказавшись перед угрозой глобального терроризма, пришло к осознанию опасности и преступности террористического насилия вне зависимости от того, какими политическими соображениями и “благими” намерениями оно мотивируется. Государства заинтересованы в четкой, согласованной и незамедлительной реакции на все случаи терроризма. Это обуславливает сужение правила о невыдаче

политических преступников за счет отнесения терроризма к правонарушениям, не рассматриваемым в качестве политических для целей экстрадиции. В то же время актуализация проблемы терроризма не должна давать повод для ущемления прав человека. Независимо от характера инкриминируемого деяния, в выдаче может быть отказано, если запрашиваемое государство имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче имеет целью судебное преследование или наказание запрашиваемого лица по причине его расы, вероисповедания, гражданства, этнического происхождения или политических убеждений или что удовлетворение этой просьбы нанесло бы ущерб положению этого лица по любой из этих причин. Это правило является важным правовым механизмом, вполне способным обеспечить защиту от политических преследований.

Необходимость солидарного уголовного преследования политических преступников сегодня достаточно очевидна. Однако каковы границы солидарности государств в применении уголовной репрессии, обеспечивающие, что они не станут пособниками репрессивного террора, с одной стороны, и оппозиционного терроризма — с другой? Опасность терроризма ведет к ограничению и отмене принципа невыдачи политических преступников. Опасность террора требует его сохранения. Таким образом, он находится между Сциллой и Харибдой террора и терроризма. Две угрозы — террор и терроризм — находятся на весах истории, и в зависимости от того, какая из них становится более существенной, меняется соотношение доводов “за” и “против” этого принципа.

Современная концепция политического правонарушения должна обеспечить, с одной стороны, потребности международной кооперации государств в уголовном преследовании лиц, совершивших тяжкие преступления, и, с другой стороны, предоставить защиту лицам, подвергаемым политическим преследованиями.

Принцип невыдачи политических преступников не должен применяться по отношению террористам. Вместе с тем необходимо предпринять меры, исключающие экстрадицию при отсутствии гарантий справедливого судебного разбирательства в запрашивающем государстве. Солидарность в подавлении преступности не должна перерасти в содействие политическим репрессиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сущность современного понятия политического преступления заключается в его относительной автономии от критериев преступного и наказуемого, содержащихся в национальном праве. Эта автономия может быть выражена в непризнании преступного характера деяний, криминализированных национальным правом, с одной стороны, и международно-правовой криминализации деяний, не признаваемых преступными по национальному праву, — с другой.

Государство имеет монополию на принуждение в пределах своей территории и применение вооруженной силы вне ее. Развязывая войны и жесточайшие внутренние репрессии, его лидеры и представители совершают широкомасштабные и систематические нарушения прав человека, придавая им видимость легитимности. Международные право стремится к ограничению такой возможности, объявляя преступными и наказуемыми деяния виновных лиц. Уголовно-правовые запреты на совершение этих деяний “не вмещаются” в рамки национального права и национальных юрисдикций.

Не все, что запрещено национальным уголовным правом, преступно, и не все, что не запрещено национальным уголовным правом, — не преступно. Этот подход формирует международно-правовое понятие преступления как деяния, подлежащего международному уголовному преследованию, то есть солидарному преследованию государств.

Формальный порог понятия “преступление” отодвигается за границы национального права, в силу чего значение субъективного фактора — усмотрения законодателя — значительно снижается. Развитие понятия “преступление” все меньше контролируется государственной властью. Критерии для такого контроля вырабатываются в русле международно-правовой концепции преступления, а главные составляющие понятия преступления все более и более определяются в международно-правовых терминах.

Таким образом, международно-правовая интерпретация понятия преступления становится важным элементом современного понимания преступности как социально-политического феномена.

“В течение более 200 лет своей истории криминология исходила из того, что все, что делается правительством от имени государства для подавления преступности, является правильным и законным. Однако то, что созданные государством органы контроля за преступностью сами требуют контроля, стало криминологическим открытием только новейшего времени, — замечает Г. Й. Шнайдер⁷⁶⁹.

Для того чтобы теория политической преступности получила достаточное обоснование, необходимо расширение концептуальных границ криминологии и уголовно-правовой доктрины за границы сугубо национально-правового подхода.

Понятие “политическое преступление” получает две, на первый взгляд, диаметрально противоположные интерпретации:

1) политическое преступление как деяние, не подлежащее солидарному уголовному преследованию государств ввиду отсутствия у него свойства абсолютной преступности (такой подход соответствует тезису — “не все, что запрещено национальным уголовным правом, является преступлением”);

2) политическое преступление, подлежащее национальному и международному уголовному преследованию именно в силу того, что обладает “абсолютной” преступностью (этот подход соответствует тезису — “не все, что не запрещено национальным уголовным правом, не является преступлением”).

Первая интерпретация исходит из противопоставления преступного и политического. Политическое преступление рассматривается как нарушение законов, предназначенных для защиты общественных интересов. Эти законы существуют исключительно потому, что политическая организация, каковой является государство, криминализовала такое поведение для своего самосохранения. Закон и преступление представляют конкурирующие идеологические ценности. “Абсолютное” политическое преступление не несет в себе свойства “абсолютной” преступности. Понятия “политическое” и “преступное” рассматриваются, в этом случае, как взаимоисключающие.

Вторая интерпретация исходит из того, что существует “абсолютная” преступность деяния, не зависящая от наличия или отсутствия национального уголовно-правового запрета. Совершаемые в русле определенной политики, в том числе государственной, такие деяния являются тягчайшими политическими преступлениями. Противопоставление “политическое — преступное” в данном случае не возникает.

Соответственно, с одной стороны, признание правонарушения политическим как не обладающим свойством “абсолютной преступности” препятствует его солидарному международному преследованию; с другой стороны — деяние, не являющееся преступным согласно национальному праву, признается преступлением по международному праву и подпадает под международную юрисдикцию именно в силу того, что является “абсолютным злом”.

На одном полюсе политической преступности оказывается “политизированное” преступление, на другом — “криминализируемая” политика.

Характерной чертой оппозиционной политической преступности является то, что она опирается на самостоятельную этическую систему, с позиций которой антигосударственность, противоправность деяний не означает их аморальности: мораль и закон противостоят друг другу. Мораль “оправдывает” преступление.

Отсутствие универсального этического запрета на все формы насилия, какими бы мотивами они не обосновывались, какими бы идеями не прикрывались — вот в чем состоит реальная причина “раздвоения” понятия “политическое преступление”. По существу, в этом словосочетании первое слово — “политическое” — заслоняет собой второе — “преступление”, противостоит ему, оправдывает его.

На протяжении трех столетий сложился стереотип отношения к политическим преступлениям как этически оправданным правонарушениям, не обладающим “абсолютной преступностью”. Этот стереотип находит закрепление в экстрадиционном праве в виде правила невыдачи политических правонарушителей, применение которого приводит к тому, что признание преступления политическим (в контексте экстрадиции) означает, фактически, его оправдание.

Поверхностный взгляд на классическую теорию экстрадиционного права создает впечатление, что она исходила из безусловного

противопоставления “преступного” и “политического”. В действительности, это было далеко не так. Юридическая доктрина давно выявила и проанализировала феномен “комплексного” или “относительного” политического преступления, совмещающего в себе “абсолютную” преступность и политическую мотивацию. Политический характер террористических преступлений и политическая мотивация действий террористов не должны служить основанием для применения к ним правила об отказе в выдаче политических преступников, поскольку никакими мотивами нельзя оправдать насилие и тотальный страх, распространяемые терроризмом.

Терроризм занимает особое место в системе международной преступности. Современные террористические организации обладают разрушительной мощью, сравнимой с мощью вооруженных сил крупного государства. В условиях вероятной доступности для них оружия массового поражения и использования современных технологий возрастает опасность оппозиционного политического насилия. Приходится констатировать, что на международной арене появился мощный актор — интернациональный терроризм, способный противостоять отдельным государствам и совместным усилиям государств.

С возрастанием масштабов политической преступности приходит осознание того, что она угрожает выживанию человечества, и политические преступники утрачивают открытую поддержку со стороны официальной власти. Происходит универсализация социальных ценностей, под влиянием чего медленно, но явственно формируется единое представление о политическом преступлении как “международном”, универсальном преступлении, посягающем на общечеловеческие ценности. Преступная политика, нарушающая основные общечеловеческие ценности и воплощенная в злодеяниях конкретных лиц, — таково основное содержание понятия политического преступления, являющегося основанием международной уголовной ответственности.

Международное преступление индивида как основание международной уголовной ответственности — такое понятие международного преступления утвердилось в связи с созданием и деятельностью Международного военного трибунала для суда

над главными военными преступниками второй мировой войны. Нюрнбергским и Токийским прецедентами международное право реализовало свою собственную концепцию международного преступления. Международно-правовой криминализации были подвергнуты деяния, не являвшиеся преступлениями в национальных системах уголовного права.

Правовая ценность Нюрнбергского прецедента состоит, прежде всего, в том, что он сформировал принципиально новое понятие преступления — преступления, международного как с точки зрения юрисдикции, так и по характеру применяемого материального права, то есть деяния, служащего основанием международной уголовной ответственности.

Индивидуальная международная уголовная ответственность является одним из средств, которыми международное право стремится противодействовать грубым нарушениям прав человека. Международная уголовная юстиция может стать важным звеном в международно-правовом механизме защиты прав человека. Однако селективное применение международного уголовного права является серьезным недостатком международной правовой системы. Избежать этого положения можно лишь путем создания эффективно действующего постоянного международного уголовного суда с юрисдикцией в отношении серьезных нарушений прав человека. Суд должен действовать без предубежденности, порождаемой политическими интересами. Необходимо исключить саму возможность появления нового вида политических преследований — преследований, осуществляемых от имени мирового сообщества.

В вопросах предания суду лиц, обвиняемых в совершении деяний, подпадающих под параметры международных преступлений, правосудие и политика находятся в постоянном противоборстве между требованиями права и политическими соображениями. В конечном счете, международная уголовная юстиция может оказаться заложником политических интересов. Использование судебного органа в политических целях способно скомпрометировать саму идею международной уголовной юстиции. Известно, что там, где начинается политика, заканчивается правосудие.

В то же время, не вызывает ни малейшего сомнения возможность и желательность создания системы международной уголовной

юстиции, обеспечивающей судебное преследование международных преступников в соответствии с фундаментальными принципами международного права и при неуклонном соблюдении прав человека. Под юрисдикцию международного уголовного суда должны подпадать наиболее опасные формы политической преступности, включая террористические преступления.

Сколь убедительно ни выглядели бы политические заявления об осуждении терроризма, содержащиеся в международных документах, до тех пор, пока не сформируется его нравственное осуждение, как сформировалось в обществе осуждение кровной мести, пока не подвергнутся осуждению любые формы политического насилия, в том числе “легальные” войны, терроризм неискореним. Война легитимирует насилие, следовательно, люди получают право убивать. Трудно объяснить, почему уничтожение мирных жителей с помощью высокотехнологического современного оружия не является преступлением, а взрыв, осуществленный с помощью “пояса шахида” — преступление. Трудно объяснить, почему одни “имеют право” убивать, не подвергая себя риску, а другие такого права не имеют, поскольку слабее первых и умирают вместе с жертвами. Можно найти более или менее убедительное теоретическое обоснование разграничения терроризма и войны, но поскольку эти категории не разграничены этически, любые правовые критерии могут носить только условный характер.

По мере развития международного права и признания приоритета общечеловеческих ценностей над какими бы то ни было политическими соображениями, в мировом сообществе формируется понимание преступности всякого насилия: войн и революций, оправдывающих человеческие страдания справедливостью целей, и традиционных преступлений, не имеющих такого оправдания.

Мир, попавший в западню политической преступности, должен найти в себе силу прервать замкнутый круг насилия, порождающего все более жестокое насилие. Этическая и правовая солидарность человечества стала условием его выживания.

Примечания:

- ¹Зелинский А. Ф. Криминология. Курс лекций. — Харьков, 1996. — С. — 21.
- ²Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. — СПб., 2002. — С. 17—18.
- ³Таппен П. У. Кто такой преступник? //Социология преступности (современные буржуазные теории) / Под ред. Б. С. Никифорова. — М.: Прогресс, 1966. — С. 68.
- ⁴Сатерленд Э. Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями?//Социология преступности (современные буржуазные теории) / Под ред. Б. С. Никифорова. — М., 1966. — С. 39—44.
- ⁵Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. — М., Издание Московской Патриархии, 1988. — Ветхий Завет, Ис. 10:1—2.
- ⁶Апология Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана //Богословские труды. — № 25. — С. 199 (XLV, 5).
- ⁷Там же. — С.177 (IV, 3).
- ⁸Там же. — С.178 (V, 7).
- ⁹Иншаков С. М. Зарубежная криминология. — М.,1997.— С. 18.
- ¹⁰Коровин Е. А. История международного права (от древности до конца XVIII века). Пособие к лекциям. — Выпуск 1. — М., 1946. — С. 26.
- ¹¹Гегель. Философия права. — М., 1990. — С. 90, 57.
- ¹²Бачинин В. А. Философия права и преступления. — Харьков, 1999. — С. 402.
- ¹³Черняк Е. Б. Указ. раб. — С. 7— 8.
- ¹⁴Фойниций И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. — М., 2000, — С.144.
- ¹⁵Аристотель. Политика//Сочинения: В 4 т. — М., 1983. — Том 4. — С. 527 — 536.
- ¹⁶Фойниций И. Я. Указ. раб. — С.144.
- ¹⁷Бачинин В. А. Указ. раб. — С. 113 — 114.
- ¹⁸Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М.: Наука, 1991. — С.93.
- ¹⁹Михайлов А. Е. Некорыстная насильственная преступность и ее предупреждение. — К., 1997. — С. 6.
- ²⁰Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1998.— С.183—194.
- ²¹Бехруз Хашматулла. Введение в сравнительное правоведение. — Одесса, 2002. — С.199 —200.
- ²²Оборотов Ю. Н. Традиции и новации в правовом развитии. — Одесса, 2001. — С. 92.
- ²³Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. — М., 2002.— С. 17.
- ²⁴Камаровский Л. О международном суде. — М., 1881.— С. 114—115.
- ²⁵Шнайдер Г. Й. Криминология: Пер. с нем. /Под общ. ред. Л. О. Иванова. — М., 1994.— С. 156.
- ²⁶Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. — М., 1996. — С. 157 — 158.
- ²⁷Иншаков С. М. Зарубежная криминология. — С. 18.
- ²⁸Черниловский З. М. Указ. раб. — С.196.

between the United Kingdom and foreign States, the Commonwealth and dependent countries and the Republic of Ireland. Vol. I. — Sijthoff & Noordhoff International Publishers BV Alphen van den Rijn, The Netherlands, 1980. — P.173 — 179.

- ⁵³ Wise E. M. Terrorism and the Problems of an International Criminal Law// Connecticut Law Review. — 1987.— № 19.— P. 799 — 830. — P. 826 — 827.
- ⁵⁴ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — Изд. 5-е. — Т. 2. — СПб, 1905. — С. 451
- ⁵⁵ Казанский П. Учебник международного права публичного и гражданского. — Одесса, 1904. — С.491.
- ⁵⁶ Мартенс Ф. Ф. Указ. раб. — С. 449 — 450.
- ⁵⁷ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении: Пер. и ред. В. Э. Грабаря. — Юрьев (Дерпт), 1909. — С. 319.
- ⁵⁸ Блюнчли. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. — М., 1876. — С.247— С.248.
- ⁵⁹ Гефтер. А.-В. Европейское международное право. Пер К. Таубе. — Спб., 1880. — С.130
- ⁶⁰ Там же. — С. 128 — 129.
- ⁶¹ Штиглиц А. Указ. раб. — С. 76 —79.
- ⁶² Камаровский Л. А., Ульяницкий В. А. Международное право. — М., 1908.— С. 108.
- ⁶³ Коркунов Н. М. Опыт конструкции международного уголовного права // Сб. статей Н. М. Коркунова 1877 — 1898 гг. — М., 1898. — С. 469.
- ⁶⁴ Цит по: Штиглиц А. Указ. раб. — С. 82.
- ⁶⁵ Малянтович П. Н., Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных преступлениях. Законы о политических и общественных преступлениях: практический комментарий. — С. Пб., 1910.
- ⁶⁶ Лист Ф. Указ. раб. — С.319.
- ⁶⁷ Штиглиц А. Указ. раб. — С.76 —78.
- ⁶⁸ Шаргородский М. Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве // Вестник Ленинград. ун-та. — № 8. — 1947.— С. 47 — 50
- ⁶⁹ Шостак Е. Я. Указ. раб. — С. 29.
- ⁷⁰ Там же. — С. 32.
- ⁷¹ Цит по: Шаргородский М. Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве. — С. 48 — 49.
- ⁷² См.: Hartley Booth V. E. British Extradition Law and Procedure Including Extradition between the United Kingdom and foreign States, the Commonwealth and dependent countries and the Republic of Ireland. Vol. I. — The Netherlands: Sijthoff & Noordhoff International Publishers, 1980. — P. 173.
- ⁷³ Шаргородский М. Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве. — С. 47 — 50.
- ⁷⁴ Schultz H. The General Framework of Extradition and Asylum the Classic Law of Extradition and Contemporary Needs // International criminal law /Ed. by M. C. Bassiouni. 2nd ed.— Vol.1 — Transnational Publishers Inc., 1999. — P. 316.
- ⁷⁵ Blakesley C. L. The Law of International Extradition: A Comparative Study// Revue Internationale de Droit Penal. — 1991. — № 62. — P. 436.

- ²⁹ Черняк Е. Б. Указ. раб. — С.16—19.
- ³⁰ Там же. — С.122.
- ³¹ Одесский М., Фельдман Д. Поэтика террора. Пушкин, Ф. Достоевский, Андрей Белый, Б. Савинков // *Общественные науки и современность*. —1992.— № 2.— С.81—93.
- ³² Бачинин В. А. Указ. раб. — С.342 — 343.
- ³³ В постановлении Уралисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов говорилось: “Принимая во внимание, что коронованный палач, скрывшись, может избежать суда народа, Исполнительный комитет, исполняя волю народа, решил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых преступлениях (см.: Радзинский Э. С. Господи...Спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть. — М., 1995. — С. 372).
- ³⁴ Фойницкий И. Я. Указ. раб. — С. 144 — 145.
- ³⁵ Алексеев С. С. *Философия права*. М., 1997. — С. 189.
- ³⁶ Бачинин В. А. Указ. раб. — С. 441.
- ³⁷ Нерсесянц В. С. *Философия права*. М., 1997. — С 226.
- ³⁸ См.: Алексеев Н. С. Ликвидация законности в третьем рейхе и преступления нацистской юстиции // *Нюрнбергский процесс и современность* / Отв. ред. В. В. Пустогаров. — М., 1986. — С. 29.
- ³⁹ Нюрнбергский процесс. Суд над фашистскими судьями. Сб. материалов. — М., 1970. — С. 35—36.
- ⁴⁰ Там же. — С.169.
- ⁴¹ Штиглиц А. Исследование о выдаче преступников. — СПб., 1882.— С.74 — 75.
- ⁴² Черняк Е. Б. *Времен минувших заговоры*. — М., 1994.— С. 4—5.
- ⁴³ Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // *Квинтэссенция: Философский альманах* / Сост.: В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. — М., 1990. — С. 219, 222 — 223
- ⁴⁴ Вольтер. Поэмы. Философские повести. Памфлеты: Пер с фр./ Предисл., сост., примеч. В. И. Пашенко. — К., 1989. — С. 3 — 6.
- ⁴⁵ Таганцев Н. С. *Русское уголовное право. Часть общая: Лекции*. Издание второе, пересмотр. и доп. — СПб., 1902. — Том 1. — С.24.
- ⁴⁶ Рулан Н. *Юридическая антропология. Учебник для вузов.*: Пер. с фр. / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. — М., 1999. — С.18.
- ⁴⁷ Карбонье Ж. *Юридическая социология*: Пер с фр. / Пер и вступ. ст. В. А. Туманова. — М., 1986.— С.83.
- ⁴⁸ Ревякин А. В. Великая французская революция и утопический коммунизм Этьена Кабе // *История социалистических учений* / Под. ред. К. М. Андерсон и др. — М., 1990. — С. 56.
- ⁴⁹ Симсон Э. К. О невыдаче собственных подданных. — СПб., 1892. — С. 135.
- ⁵⁰ Таганцев Н. С. Указ. раб. — С.353.
- ⁵¹ Шостак Е. Я. О выдаче преступников по договорам России с иностранными державами // *Труды Киевского юридического общества, состоящего при университете Св. Владимира. Научная хроника*. — Киев, 1880. — С. 18, 26.
- ⁵² Hartley Booth V. E. *British Extradition Law and Procedure Including Extradition*

(1917 — 1937). — С. 26.

⁹⁷ Там же. — С. 37.

⁹⁸ Там же. — С. 85.

⁹⁹ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917 — 1925 гг.). — М., 1975. — С. 85 — 87, 99 — 101, 104 — 107.

¹⁰⁰ Голинков Д. Л. Указ. раб. — С. 141.

¹⁰¹ Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918 — 1924. — М., 1990. — С. 45.

¹⁰² Голинков Д. Л. Указ. раб. — С. 269.

¹⁰³ Цит по: Голинков Д. Л. Указ. раб. — С. 139—140.

¹⁰⁴ Голинков Д. Л. Указ. раб. — С. 66, 139.

¹⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 50. — С. 106.

¹⁰⁶ Мельгунов С. П. Указ. раб. — С. 41.

¹⁰⁷ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917—1937). — С. 38.

¹⁰⁸ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Том 2. — М., 1990. — С. 14.

¹⁰⁹ Цит. по: Мельгунов С. П. Указ. раб. — С. 44.

¹¹⁰ Иншаков С. М. Криминология: Учебник. — С. 219.

¹¹¹ Михайлов А. Е. Некорыстная насильственная преступность и ее предупреждение. — С. 60.

¹¹² Кузьмин П. Маркс и вопросы уголовного права // Маркс и пролетарское государство. — М.; Л., 1933. — С. 141.

¹¹³ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917—1937). — С. 66.

¹¹⁴ Голинков Д. Л. Указ. раб. — С. 68, 137.

¹¹⁵ Сборник узаконений УССР. — 1919. — № 11. — Ст. 141.

¹¹⁶ Голинков Д. Л. Указ. раб. — С. 408.

¹¹⁷ Известия ВУЦИК. — 1919. — № 45. — 18 мая.

¹¹⁸ Уголовное право УССР. Особенная часть: Учебник / Под ред. М. И. Бажанова, П. С. Матышевского, В. В. Сташиса. — К., 1989. — С. 20 — 21.

¹¹⁹ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917 — 1937). — С. 103.

¹²⁰ Строгович М. Реформа уголовного кодекса // Советское право. — 1929. — № 1 (19). С. 52—58.

¹²¹ Ленин В. И. Дополнения к проекту вводного закона к уголовному кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому // Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 190 — 191.

¹²² В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года впервые были сформулированы четыре статьи по антисоветской пропаганде и агитации, распространению ложных слухов, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее. Санкции — до смертной казни. Как отмечает В. В. Лунеев, при недоказанности контрреволюционности означенных действий уголовное наказание не исключалось, только снижалось. С введением данных норм началась организованная и массовая расправа за инакомыслие. Как бы потом ни менялась уголовная ответственность за него, все основные положения УК 1922 года оставались до сентября 1989 года, когда из действующего УК 1960 года были исключены статья 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и

- ⁷⁶ Blakesley C. L. Jurisdiction as Protection Against Terrorism //Connecticut Law Review. —Vol. 19. — 1987. — P. 895 — 904.
- ⁷⁷ Криминология. Словарь-справочник. Составитель Х.-Ю. Курнер. Перевод с немецкого / Отв. ред. перевода А. И. Долгова. — М., 1998. — С.48 — 49.
- ⁷⁸ Schomburg W., Lagodny O. Gesetz über die Internationale Rechtshilfe in Strafsachen (IRG).— München, 1992. — P. 52 — 55.
- ⁷⁹ Законодательство основных капиталистических государств о выдаче преступников. Обзорная информация. — М., 1977. — С. 12.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Blakesley C. L. The Law of International Extradition: A Comparative Study// Revue Internationale de Droit Penal. — 1991. — № 62. — P. 443.
- ⁸² См.: Лукашук И. И., Наумов А. В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. — М., 1998. — С. 34.
- ⁸³ Законодательство основных капиталистических государств о выдаче преступников. — С.11.
- ⁸⁴ Bassiouni M. C. International Extradition in American Practice and World Public Order// International Criminal Law. — Vol. II. Jurisdiction and Cooperation / Compiled and edited by M. C. Bassiouni, V. P. Nanda. — Illinois USA, 1998. — P. 363.
- ⁸⁵ Blakesley C. L. The Law of International Extradition: A Comparative Study// Revue Internationale de Droit Penal. — 1991. — № 62. — P. 438; Blakesley C. L. Jurisdiction as Protection Against Terrorism //Connecticut Law Review. — Vol. 19. — 1987. — P. 895 — 904; Bassiouni M. C. The Political Offence Exception in Extradition Law and Practice// Intentional Terrorism and Political Crime/M. C. Bassiouni ed. — 1975. — P. 408.
- ⁸⁶ Шаргородский М. Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве. — С. 49.
- ⁸⁷ Волженкина В. М. Выдача в Российском уголовном процессе. — М., 2002. — С. 77.
- ⁸⁸ Wise E. M. Terrorism and the Problems of an International Criminal Law// Connecticut Law Review. — 1987. — № 19. — P.826 — 827.
- ⁸⁹ Смирнов Е. А. Особо опасные государственные преступления (Вопросы квалификации в связи с применением уголовно-правовой нормы).— Киев, 1974. — С. 8.
- ⁹⁰ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937) — М., 1938. — С. 31.
- ⁹¹ Сборник узаконений УССР. — 1919. — Ст. 194.
- ⁹² Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. — М., 1996.— С. 116.
- ⁹³ Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Указ. раб. — С. 9.
- ⁹⁴ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917 — 1937). — С. 29.
- ⁹⁵ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М., 1997. — С. 179.
- ⁹⁶ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Марочко В.І. Геноцид в українському селі 1932 — 1933 років: історико—політологічний аспект // Голодомор 1932 — 1933 років як величезна трагедія українського народу: Матер. Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 15 листопада 2002 року. — К., 2003. — С. 37.

¹⁴⁵ Забуга Н. Духовные оценки голодомора// Голодомор 1932 — 1933 років як величезна трагедія українського народу: Матер. Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 15 листопада 2002 року. — К., 2003. — С. 45.

¹⁴⁶ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917 — 1937). — С. 304.

¹⁴⁷ Шаповал Ю.І. “Повелительная необходимость”: рік 1932-й // Голодомор 1932 — 1933 років як величезна трагедія українського народу: Матер. Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 15 листопада 2002 року. — К., 2003. — С. 77 — 78.

¹⁴⁸ Марочко В.І. Указ. раб. — С. 36 — 37.

¹⁴⁹ Жабровец І. В., Голомба І. Ф. Трагічні наслідки голодомору 1932 — 1933 років на Білоцерковщині // Голодомор 1932 — 1933 років як величезна трагедія українського народу: Матер. Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 15 листопада 2002 року. — К., 2003. — С. 201.

¹⁵⁰ Марочко В.І. Указ. раб. — С. 37.

¹⁵¹ Маляренко В. Т. Вступна стаття // Реабілітація репресованих: законодавство та судова практика. Офіційне видання / За ред. В. Маляренка. — Київ, 1997.— С. 10 — 11.

¹⁵² Голодомор 1932 — 1933 років як величезна трагедія українського народу: Матер. Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 15 листопада 2002 року. — К., 2003. — С. 265—268.

¹⁵³ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917 — 1937). — С. 311.

¹⁵⁴ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — С. 174.

¹⁵⁵ Там же. — С. 99 — 104.

¹⁵⁶ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — С. 168.

¹⁵⁷ Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Указ. раб. — С. 88 — 89.

¹⁵⁸ Ответственность за государственные преступления. Часть вторая / Под ред. В. И. Куляндского, М. П. Карпушина — М., 1965. — С. 6.

¹⁵⁹ Курс международного права / Отв. ред. Ф. И. Кожевников. — М., 1972. — С. 191

¹⁶⁰ См.: Реабилитация: Политические процессы 30 — 50-х годов / Под общ. Ред. А. Н. Яковлева. — М., 1991. — С. 92 — 327.

¹⁶¹ Маляренко В. Т. Вступна стаття // Реабілітація репресованих: законодавство та судова практика. Офіційне видання / За ред. В. Маляренка. — Київ, 1997.— С. 13.

¹⁶² Политический режим и преступность / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова.— СПб., 2001. — С. 337.

¹⁶³ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — С. 188.

- 190-1 — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (см.: Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — С. 171).
- ¹²³ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства. (1917 — 1937). — С.105, 109.
- ¹²⁴ Там же. — С.129.
- ¹²⁵ Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Указ. раб. — С. 117; Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — С. 171.
- ¹²⁶ Мокринский С. Юридическая природа выдачи преступников и типовая конвенция Союза ССР // Советское право. — 1924. — № 6 (12). — С. 49 — 65.
- ¹²⁷ Цит. по: Мокринский С. Юридическая природа выдачи преступников и типовая конвенция Союза ССР // Советское право. — 1924. — № 6 (12). — С. 59.
- ¹²⁸ Цит. по: Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. — М., 1991. — С. 163—164.
- ¹²⁹ Соколов С. Институт выдачи и советское законодательство // Революционная законность. — 1926.— № 9 — 10. — С. 45 — 49.
- ¹³⁰ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917—1937). — С.178.
- ¹³¹ Там же. — С. 178, 180.
- ¹³² Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Указ. раб. — С. 86 — 88.
- ¹³³ Білоконь С.І. Голодомор та інші механізми терору // Голодомор 1932 — 1933 років як величезна трагедія українського народу: Матер. Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 15 листопада 2002 року. — К., 2003. — С. 92; Білоконь С.І. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР, 1917 — 1941 рр.: Джерелознавче дослідж. — К.,1999; Белоконь С. Механизм большевистского насилия: Конспект исслед. — К., 2000.
- ¹³⁴ Мельгунов С П. Указ. раб. — С 86 — 87.
- ¹³⁵ Общеуголовная преступность и классовое начало в уголовной политике СССР // Советское право. — № 6 (24). — С. 41—55.
- ¹³⁶ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917—1937). — С. 197.
- ¹³⁷ Там же. — С. 222.
- ¹³⁸ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. — М., 1985.— С. 189.
- ¹³⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. — М., 2000. — Т. 2. — С. 123—126, 705.
- ¹⁴⁰ Цит. по: Реабілітація репресованих: законодавство та судова практика. Офіційне видання / За ред. В. Маляренка. — Київ,1997. — С.70.
- ¹⁴¹ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. — С. 123—126, 705.
- ¹⁴² Даниленко В. М. Відображення голодомору 1932 — 1933 років в Україні у матеріалах радянських спецслужб // Голодомор 1932 — 1933 років як величезна трагедія українського народу: Матер. Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 15 листопада 2002 року. — К., 2003. — С. 102.

- преступности. Сборник второй / Под ред. Я. С. Розанова. — Киев, 1924. — С. 48.
- ¹⁸⁴ Гроссе Ф. К вопросу о природе политических преступлений // Проблемы преступности. Сборник второй / Под ред. Я. С. Розанова. — Киев, 1924. — С. 58 — 68.
- ¹⁸⁵ Каутский К. Ломброзо и его защитник. — С. 79.
- ¹⁸⁶ Каутский К. Генезис политических преступлений. — С. 45.
- ¹⁸⁷ Там же. — С. 46.
- ¹⁸⁸ Там же. — С. 47.
- ¹⁸⁹ Ферри Э. Преступление как социальное явление // Проблемы преступности. Сборник второй / Под ред. Я. С. Розанова. — Киев, 1924. — С. 12.
- ¹⁹⁰ Сурский М. Социологическая школа в уголовном праве как защитница интересов господствующих классов // Проблемы преступности. Сборник второй / Под ред. Я. С. Розанова. — Киев, 1924. — С. 110.
- ¹⁹¹ Готтфредсон М., Герші Т. Загальна теорія злочину. — С. 192 — 193.
- ¹⁹² Фокс В. Указ. раб. — С. 266.
- ¹⁹³ Цит. по: Михайлов А. Е. Некорыстная насильственная преступность и ее предупреждение. — К., 1997. — С. 6.
- ¹⁹⁴ Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (современные буржуазные теории) / Под ред. Б. С. Никифорова. — М., 1966. — С. 39.
- ¹⁹⁵ Сатерленд. Э. Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности (современные буржуазные теории) / Под ред. Б. С. Никифорова. — М., 1966. — С. 39 — 44.
- ¹⁹⁶ Гилинский Я. И. Социальная патология в современной цивилизации // Криминология—XX век / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, — СПб., 2000. — С. 24 — 25.
- ¹⁹⁷ Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол. А. В. Баляба, Э. В. Виленская, Э. А. Дидоренко, Б. Г. Розовский. — Луганск, 2000. — С. 49.
- ¹⁹⁸ Шелли Дж. Ф. Формулируя определения преступности // Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шелли: Пер. с англ. — СПб., 2003. — С. 83 — 85.
- ¹⁹⁹ Там же. — С. 86.
- ²⁰⁰ Там же. — С. 86 — 95.
- ²⁰¹ Там же. — С. 100.
- ²⁰² Криминология / Отв. ред. В. К. Звирбуль, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский. — М., 1979. — С. 34 — 36.
- ²⁰³ Криминология: Учебник / Под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. — М., 1988. — С. 63 — 64.
- ²⁰⁴ Сурский М. Социологическая школа в уголовном праве как защитница интересов господствующих классов. — С. 116.
- ²⁰⁵ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. — М., 1985. — С. 192.
- ²⁰⁶ Там же. — С. 6.
- ²⁰⁷ Жалинский А. Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. — М., 1989. — С. 18.
- ²⁰⁸ Костенко А. Н. Криминальный произвол (социопсихология воли и сознания

- ¹⁶⁴ Отчет о работе комитета партийного контроля при ЦК КПСС // Реабилитация: Политические процессы 30 — 50х годов / Под общ. Ред. А. Н. Яковлева. — М., 1991. — С. 68.
- ¹⁶⁵ Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева Н. С. XX съезду КПСС // Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов / Под общ. Ред. А. Н. Яковлева. — М., 1991. — С.24—25, 30.
- ¹⁶⁶ Там же. — С.33.
- ¹⁶⁷ Лунеев В. В. Политическая преступность // Государство и право. — 1994. — № 7.— С. 107—121.
- ¹⁶⁸ Гринберг М. С. Уголовное право и массовые репрессии 20—х и последующих годов // Государство и право. — № 1. — 1993. — С.87.
- ¹⁶⁹ Сборникзаконодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М, 1993. — С.80.
- ¹⁷⁰ Лукашук И. И., Наумов А. В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. — С. 52.
- ¹⁷¹ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — С. 167.
- ¹⁷² Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Карпушин М. М. Ответственность за государственные преступления. — М., 1988. — С. 54.
- ¹⁷³ Савельев А. В. Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950—1970-х годов // Вопросы истории. — 1998. — № 4. — С. 110.
- ¹⁷⁴ Постановлением Пленума Верховного Суда УССР от 15 июня был отменен приговор от 7.09.1972 года и прекращено дело за отсутствием состава преступления, а определением судебной коллегии по уголовным делам от 2 августа 1990 года был отменен приговор от 2 октября 1980 года. (См.: Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов / Под общ. Ред. А. Н. Яковлева. — М., 1991.— С. 245 — 252).
- ¹⁷⁵ См.: Зелинская Н. А. Политико-правовые и гуманистические аспекты психиатрии // Политология и социально-политические процессы в советском обществе. Тезисы докладов и выступлений на Всесоюзной научно-теоретической конференции. — Одесса, 1991. — С. 83 — 84.
- ¹⁷⁶ Ведомости Верховного Совета СССР.—1990.— № 34.
- ¹⁷⁷ Зелинский А. Ф. Криминология. — Харьков, 2000. — С. 47.
- ¹⁷⁸ Фокс В. Введение в криминологию: Перевод с англ. / Под ред. Б. С. Никифорова, В. М. Когана. — М.,1985.— С. 266, 282.
- ¹⁷⁹ Никифоров А. С. Ответственность за убийство в современном континентально-европейском и англо-американском уголовном праве // Право и политика. — 2000.— № 7.— С. 59.
- ¹⁸⁰ Готтфредсон М., Герші Т. Загальна теорія злочину. — Харків, 2000.— С. 192.
- ¹⁸¹ Цит. по.: Каутский К. Ломброзо и его защитник // Проблемы преступности. Сборник второй / Под ред. Я. С. Розанова.— Киев, 1924. — С. 75.
- ¹⁸² Ч. Ломброзо называл отвращение к новому “милонеизмом” (от *miseo* — ненавидеть и *neos* — новый), а любовь к новому “филонеизмом” (от *fileo* — любить).
- ¹⁸³ Цит. по: Кауткий К. Генезис политических преступлений // Проблемы

- ²²⁸ Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. — СПб., 2001. — С.202.
- ²²⁹ Шестаков Д. А. Терроризм и террор в отечественной политической криминологии // Следователь. — № 2. — 2003.— С. 43.
- ²³⁰ Дрёмин В. Н. Политическое и маргинальное поведение: криминологический ракурс // Политология и социально-политические процессы в советском обществе: тезисы докладов и выступлений на Всесоюзной научно—практической конференции. — Одесса, 1991.— С. 94 — 96; Дрьомін В. М., Дрьоміна Н. А. Політичні аспекти боротьби із злочинністю // Проблеми сучасної політики та шляхи її здійснення. Всеукраїнська науково—практична конференція: Тези доповідей і виступів. — Одеса, 1993. — С. 39 — 40
- ²³¹ Шакун В.І. Влада і злочинність. — К., 1997.
- ²³² См.: Ліпкан В. А. Тероризм і національна безпека України. — К., 2000; Ліпкан В. А., Никифорчук Д. Й., Руденко М. М. Боротьба з тероризмом. — К., 2002; Іванов Ю. А. До питання про поняття тероризму в міжнародному праві // Актуальні проблеми міжнародних відносин: Збірник наукових праць. — Випуск 7. (Частина II).— К., 1998.— С. 180 — 190; Іванов Ю. А. Відповідальність за тероризм у міжнародному праві // Держава і право: Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки. — Випуск 5. — К., 2000.— С. 365 — 373; Мохончук С. М. Поняття та види тероризму // Вісник Університету внутрішніх справ. — Харків, 1997.— № 2. — С. 100 — 105; Наден В. Правовий аналіз умовий виникновения угрозы терроризма в Украине // Право Украины. — № 3. — 2003. — С.121—125 и др.
- ²³³ Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. — С. 202.
- ²³⁴ Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. — 2-е изд. — М., 2002.— С.312.
- ²³⁵ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — С. 168.
- ²³⁶ Мелешников А. В. Права человека и международно-правовая ответственность за их нарушение // Государство и право. — № 3. — 1992. — С. 103 — 104.
- ²³⁷ Кургузкина Е. Б. Преступник, власть, закон // Власть: криминологические и правовые проблемы. — М., 2000. — С. 192.
- ²³⁸ Там же. — С. 193.
- ²³⁹ Шестаков Д. А. Терроризм и террор в отечественной политической криминологии. — С. 43.
- ²⁴⁰ Горшенков Г. Н. Политическая преступность // Криминология: Словарь / Под общ. ред. В. П. Сальникова. — СПб., 1999. — С. 125.
- ²⁴¹ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — С. 167.
- ²⁴² Гишинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: Курс лекций.— СПб. — М. — Харьков — Минск, 2002.— С. 243 — 244.
- ²⁴³ Шнайдер Г. Й. Указ. раб. — С. 433.
- ²⁴⁴ Иншаков С. М. Криминология. — С. 214.
- ²⁴⁵ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские

- преступника). — К., 1990. — С. 97.
- ²⁰⁹ Дрёмин В. Н. Этическая природа преступности (к вопросу о криминализации социального поведения) // Актуальні проблеми держави та права: Зб. Наук. праць. — Вип. 14. — Голов. ред. С. В. Ківалов. — Одеса, 2002. — С.22.
- ²¹⁰ См. подробнее: Круглый стол журнала “Государство и право”: Терроризм: Психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. — № 4. — С.20 —43.
- ²¹¹ Matza D. Becoming Devian. — Englewood Cliff, NJ: Prentice Hall, 1969.
- ²¹² Cohen S. Crime and politics: spot the difference // British Journal of Sociology. —Vol. 47. Issue № 1. — March 1996. — P. 1 — 21.
- ²¹³ См., например: Sellin T. Culture Conflict and Crime. — 1938. — P. 20 — 21.
- ²¹⁴ Таппен П. У. Кто такой преступник? //Социология преступности (современные буржуазные теории) / Под ред. Б. С. Никифорова. — М., 1966. — С. 62.
- ²¹⁵ См: Sutherland E. H. White—Collar Criminality// American Sociological Review.— № 5.— 1940. — P. 1—12; Sutherland E. H. Is “White—Collar Crime” Crime? // American Sociological Review. — № 10. — 1945. — P. 132 — 139.
- ²¹⁶ Социология преступности (современные буржуазные теории) / Под ред. Б. С. Никифорова. — М., 1966. — С. 39 — 44.
- ²¹⁷ Cohen S. Crime and politics: spot the difference. — P. 1—21.
- ²¹⁸ См., например: International Terrorism and Political Crimes/ Bassiouni, M. C.(ed), Springfield, 1975; Laquer W. The Terrorism. — L., 1977; Wilkinson P. Political Terrorism. — London, 1974.
- ²¹⁹ Schafer S. The political criminal. — New York, 1974. — P. 8.
- ²²⁰ Martin J. M., Romano, A. T. Multinational Crime. Terrorism, Espionage, Drug & Arms Trafficking.— New York, 1992. — P. 16—18.
- ²²¹ См.: Cassese A. Violence and Law in the Modern Age. — Cambridge, 1988; Chomsky N. The Culture of Terrorism. London, 1988; The Terrorism Reader: a historical anthropology/ W. Laqueur (ed.) — New York, 1987.
- ²²² Криминология. Словарь-справочник. Составитель Х. -Ю. Курнер. Перевод с нем. / Отв. ред. перевода А. И. Долгова — М., 1998. — С.48—49.
- ²²³ Политический режим и преступность / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. — СПб., 2001. — С. 259.
- ²²⁴ Шнайдер Г. Й. Указ раб. — С. 433.
- ²²⁵ См., например: Трайнин А. Н. Терроризм как метод подготовки и провокации войн. — М., 1967; Трайнин А. Н Защита мира и уголовный закон. — М., 1969.
- ²²⁶ См.: Taylor I. Critical Criminology and the Free Market: Issues in Social Life and Everyday Crime// Contemporary Developments in Criminology/ М. Levi et al. (eds). — University of Wales, 1995; Cohen, S. Human Rights and Crimes of the State: The Culture of Denial // Australia and New Zealand Journal of Criminology. — 1993. — № 26. — P. 97 — 115; Cohen S. 1995 State Crimes of Previous Regimes: Knowledge, Accountability and the Policing of the Past// Law and Social Inquiry. — № 20(1). — P. 7 — 50.
- ²²⁷ Шестаков Д. А. Понятие, предмет система и перспективы криминологии // Криминология: Общая часть: Учебник / Под ред. В. В. Орехова. — СПб., 1992. — С. 9.

- ²⁷⁴ Там же. — С. 5.
- ²⁷⁵ Международное уголовное право. Учебн. Пособие / Под общей ред. В. Н. Кудрявцева. — С.10.
- ²⁷⁶ В западной доктрине этой классификации, в общих чертах, соответствует разграничение “преступлений по международному праву” (*crimes under international law*) и “преступлений против международного права” (*crimes against international law*).
- ²⁷⁷ Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью (проблемы деятельности ООН в области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями). — С.26.
- ²⁷⁸ Валеев Р. М. Выдача преступников в современном международном праве (Некоторые вопросы теории и практики). — Казань, 1976. — С. 82.
- ²⁷⁹ Карпец И. И. Международная преступность. — М., 1988. — С.3.
- ²⁸⁰ Там же. — С.105.
- ²⁸¹ Там же. — С.103.
- ²⁸² Международное уголовное право. Учеб. пособ. / Под общей ред. В. Н. Кудрявцева. — С. 121 — 122.
- ²⁸³ Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд / Предисловие проф. В. П. Лобзякова. — М., 1998. — С.21.
- ²⁸⁴ Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. — М., 1983. — С. 24, 28 — 29.
- ²⁸⁵ Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд. — С.21.
- ²⁸⁶ Международное уголовное право: Учеб. пособ. / Под общей ред. В. Н. Кудрявцева. — С.111.
- ²⁸⁷ Василенко В. А. Ответственность государства за международные правонарушения. — Киев, 1976. — С. 187.
- ²⁸⁸ Там же.
- ²⁸⁹ Дмитрієв А.І., Муравйов В.І. Міжнародне публічне право. Навчальний посібник.— Київ, 2000. — С.286.
- ²⁹⁰ Задорожный О. В., Буткевич В. Г., Мицик В. В. Конспект лекцій з основ теорії міжнародного права. — Київ, 2001. — С.114 — 115.
- ²⁹¹ Стрельцов Є. Л. Економічні злочини: внутрідержавні та міжнародні аспекти: Навч. посіб. — Одеса, 2000. — С. 424.
- ²⁹² Там же. — С. 420.
- ²⁹³ Там же.
- ²⁹⁴ Панов В. П. Международное уголовное право: Учеб. пособ. — М., 1997. — С. 67
- ²⁹⁵ Там же. — С. 70 — 71.
- ²⁹⁶ Трунцевский Ю. В. О классификации транснациональных преступлений // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А. И. Долговой. — М., 2001. — С. 452.
- ²⁹⁷ Черниченко С. В. Теория международного права. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. — М., 1999. — С. 419 — 420.
- ²⁹⁸ Международное публичное право: Учебник / Под ред. К. А. Бекашева. — М., 1998. — С. 519
- ²⁹⁹ Богатырев А. Г. Международное сотрудничество государств в борьбе с

- тенденции. — С. 315 — 316.
- ²⁴⁶ Там же. — С. 317.
- ²⁴⁷ Устинов В. С. Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности: Лекция. — Нижний Новгород, 1993. — С. 14.
- ²⁴⁸ Кабанов П. А. Политическая преступность // Политический режим и преступность / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. — СПб., 2001. — С. 235.
- ²⁴⁹ Там же. — С. 237.
- ²⁵⁰ Кабанов П. А. Политический терроризм // Криминологическая характеристика и меры сдерживания. Нижнекамск, 1998. — С. 29.
- ²⁵¹ Кабанов П. А. Международная политическая преступность как политико-криминологическое явление: понятие и формы проявления // Следователь. — № 7. — 2000. — С. 49–50.
- ²⁵² Там же.
- ²⁵³ Камаровский Л. О международном суде. — С. 467.
- ²⁵⁴ Родионов К. С. Интерпол: миф и действительность. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1986. — С.17.
- ²⁵⁵ Овчинский В. С. Интерпол (в вопросах и ответах). — М., 2001. — С.198.
- ²⁵⁶ Цит. по: Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. — М., 1994. — С.229.
- ²⁵⁷ Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. — С. 228.
- ²⁵⁸ Гришаев П. И. Международная преступность и ее причины: Лекция. — М., 1987. — С. 7.
- ²⁵⁹ Там же. — С. 45.
- ²⁶⁰ Там же. — С.12.
- ²⁶¹ Там же. — С. 20 — 23.
- ²⁶² Трайнин А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. — М., 1944. — С.26.
- ²⁶³ Трайнин А. Н. Уголовная интервенция. — М., 1935. — С.69.
- ²⁶⁴ Укрепление законности и упрочение системы уголовного правосудия. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом. Док. ООН А/CONF.187/3.
- ²⁶⁵ Галенская Л. Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. — Л., 1968. — С. 83 — 84.
- ²⁶⁶ Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. — М., 1972. — С. 152.
- ²⁶⁷ Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. — М., 1983.
- ²⁶⁸ Бельсон Я. М. Интерпол в борьбе с уголовной преступностью. — М., 1989.
- ²⁶⁹ Международное уголовное право: Учебн. пособие / Под общей ред. В. Н. Кудрявцева. — 2-е изд. перераб. и доп. — М., 1999. — С. 217.
- ²⁷⁰ Панов В. П. Сотрудничество государств в борьбе с международными преступлениями. — М., 1993. — С.7.
- ²⁷¹ Лихачева О. Ю. Контрабанда в структуре международной преступности // Международное право. — № 3 (12). — 2002. — С. 108.
- ²⁷² Там же. — С.110 — 111.
- ²⁷³ Номоконов В. А. Международное уголовное право. Учебное пособие. Владивосток, 2001. — С. 4 — 5.

- Human Liberty. — С.413.
- ³²¹ Blakesley C. L. The Law of International Extradition: A Comparative Study // *Revue Internationale de Droit Penal*. — 1991.— № 62. — P.383.
- ³²² Валеєв Р. М. Указ. раб. — С.39.
- ³²³ Gilbert G. Crimes Sans Frontiers: Jurisdictional Problems in English Law // *British Yearbook of International Law*. — 1993. — № 63. — P. 415 — 443.
- ³²⁴ Schultz H. The General Framework of Extradition and Asylum the Classic Law of Extradition and Contemporary Needs // Schultz H. The General Framework of Extradition and Asylum the Classic Law of Extradition and Contemporary Needs // *International criminal law* / Ed. by M. C. Bassiouni. 2nd ed.— Vol.1 — Transnational Publishers Inc., 1999. — P. 313.
- ³²⁵ Bossard A. Transnational Crime and Criminal Law. — Chicago, 1990. — P.5.
- ³²⁶ Десятий Конгрес ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Вена, 10 — 17 апреля 2000 г. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом. Док. ООН A/CONF. 187/6.
- ³²⁷ Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. — С.230.
- ³²⁸ Doc. UN A/CONF.169/15/Add. 1.
Martin J. M., Romano, A. T. Multinational Crime. Terrorism, Espionage, Drug & Arms Trafficking. — P. 16, 21.
- ³²⁹ Bossard A. Transnational Crime and Criminal Law. — Chicago, 1990. — P.5.
- ³³⁰ См.: Зелінська Н. А. Транснаціональне преступление и транснациональное право // *Актуальні проблеми політики: Збірник наук. праць*. — Вип. 15 / Відп. ред Л.І. Кормич. — Одеса, — 2002. — С. 287 — 293.
- ³³¹ См: Зелинская Н. А. Международно-правовое определение транснационального организованного преступления // *Информационное обеспечение противодействия организованной преступности: Сб. науч. статей* / Под ред. М. Ф. Орзиха, В. Н. Дрёмина. — Одесса, 2003. — С.83—98.
- ³³² Лист Ф. Указ. раб. — С.312.
- ³³³ Doc. UN A/CONF.144/15 — P.26—27.
- ³³⁴ Зелинский А. Ф. Криминология. Харьков, 2000.— С.24
- ³³⁵ Таганцев Н. С. Указ. раб. — С. 374.
- ³³⁶ Там же. — С. 355.
- ³³⁷ Бачинин В. А. Указ. раб. — С. 122—123.
- ³³⁸ Гроций Г. Право войны и мира. — М., 1966. — С. 508 — 509.
- ³³⁹ Таганцев Н. С. Указ. раб. — С. 360 — 361.
- ³⁴⁰ Цоллер Э. Статус физических лиц в международном праве // *Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма* / Отв. ред. И. А. Ледях, И. И. Лукашук. — М., 1995.— С. 97.
- ³⁴¹ Дженіс М., Кей Р., Брелі Е. Європейське право у галузі прав людини: джерела в практика застосування: Пер. з англ. — К., 1997. — С.15, 18 — 19.
- ³⁴² Simpson G. J. War Crimes: A Critical Introduction // *The Law of the War Crimes* / Ed. by T.L.H. McCormack and G.J. Simpson. — London, Boston, 1997. — P. 8.
- ³⁴³ Жуков Г. П. Критика естественно-правовых теорий международного права. —

- преступностью. — М., 1989.— С. 7.
- ³⁰⁰ Права людини: Підручник / За ред. М. Буроменського, В. Євинтова, Л. Заблоцкой, В. Семенова.— Київ, 1997. — С. 166.
- ³⁰¹ Там же.
- ³⁰² Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право: Учебник. — М., 1999.— С.70
- ³⁰³ Там же. — С. 69 — 70.
- ³⁰⁴ Там же. — С. 200.
- ³⁰⁵ См. подробнее: Зелинская Н. А. Основные параметры и виды международных преступлений //Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. — Вип. 14.— Голов. ред. С. В. Ківалов. — Одеса, 2002. — С.52 — 57.
- ³⁰⁶ Jescnek H.-H. International Crimes // Encyclopedia of Public International Law / R. Berohardt (ed.). — 1985. — Vol 8. — P. 335.
- ³⁰⁷ Захаров Н. А. Курс общего международного права. — Петроград, 1917.— С.231 — 232.
- ³⁰⁸ Таганцев Н. С. Указ. раб. — С. 11.
- ³⁰⁹ Blakesley C. L. Extraterritorial jurisdiction // International Criminal Law. — Vol. II Jurisdiction and Cooperation / Compiled and edited by M. C. Bassiouni and Ved P. Nanda. — Illinois, 1998. — P. 25—27; Blakesley C. L. Terrorism, Drugs, International Law and the Protection of Human Liberty. — New York., 1992. — P.197—198.
- ³¹⁰ Маланчук П. Вступ до міжнародного права за Ёйкхерстом. Видання сьоме, перероблене: Пер. з англ. — Харків, 2000. — С. 167; Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. — С.39.
- ³¹¹ См.: Дрёмина Н. А. Структура міжнародної злочинності //Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. — Вип. 11. — Голов. ред. С. В. Ківалов. — Одеса, 2001. — С. 623 — 627.
- ³¹² Bassiouni M. C. International Extradition and World Public Order. — New York, 1974. — P.202.
- ³¹³ См. Schultz H. The General Framework of Extradition and Asylum the Classic Law of Extradition and Contemporary Needs // International criminal law. / Ed. by M. C. Bassiouni. 2nd ed. — Vol.1. — Transnational Publishers, Inc., 1999. — P. 314.
- ³¹⁴ Лист Ф. Указ. раб. — С. 109.
- ³¹⁵ Цит по: Ривье А. Учебник международного права. — М., 1893.— С.320.
- ³¹⁶ Ривье А. Указ. раб. — С. 108.
- ³¹⁷ Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. — С.216.
- ³¹⁸ Wyngaert C. van den. Double Criminality as a Requirement to Jurisdiction // Double Criminality. Studies in International Criminal Law / N. Jareborg (ed.), Uppsala: Iustus Foriag, 1989. — P. 43 — 56.
- ³¹⁹ Bassiouni M. C. International Extradition in American Practice and World Public Order // International Criminal Law. Vol. II Jurisdiction and Cooperation / Compiled and edited by M. C. Bassiouni and V. P. Nanda. — Illinois USA, 1998. — P. 360.
- ³²⁰ Blakesley C. L. Terrorism, Drugs, International Law and the Protection of

- ³⁶⁵ Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. — С. 204
- ³⁶⁶ Ваттель Э. Право народов. — М., 1960. — С. 453.
- ³⁶⁷ Лукашук И. И. Международная противоправность и преступность агрессии // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 116 — 117.
- ³⁶⁸ Коровин Е. А. О международных организациях мира и безопасности. — М., 1945. — С. 27.
- ³⁶⁹ Полянский Н.Н. Международное правосудие и преступники войны.- М., 1945. — С. 34.
- ³⁷⁰ Цит. по: Камаровский Л. О международном суде. — С. 409.
- ³⁷¹ Wolin S. Violence and Western Political Traditions // Violence: Causes and Solutions. —N. Y., 1970. — P.35.
- ³⁷² Гарантии безопасности по Статуту Лиги Наций. Сб. документов по международной политике и международному праву. Вып. IX — М., 1937. — С.81
- ³⁷³ Там же. — С. 108.
- ³⁷⁴ Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. — М., 1966.— С.22.
- ³⁷⁵ Эта теория была развита В. Пеллой в работе “Преступная война и преступники войны”, вышедшей в 1946 году.
- ³⁷⁶ Pella V. La criminalite collective des Etats et le droit penal de l’avenior.— Bucarest, 1925. —P.239—240. Цит. по: Тункин Г. И. Теория международного права. Под общей ред. Проф. Л. Н. Шестакова. — М., 2000. — С. 356.
- ³⁷⁷ См., например: Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд / Предисловие проф. В. П. Лобзякова. — М.,1998; The Statute of the International Criminal Court: A Documentary History / Bassiouni M.C (comp.) — Transnational Publishers, 1998; The Protection of Human Rights in the Administration of Criminal Justice: A Compendium of United Nations Norms and Standards / Bassiouni M.C. (ed.). — Transnational Publishers, 1994; The Rome Statute for an International Criminal Court: A Commentary // Cassese A., Eser A., Gaja G. (eds.).— Oxford, 2001; Clark R. S., The Development of International Criminal Law // Paper presented at the Conference: “Just Peace? Peace Making and Peace Building for the New Millennium”.— Auckland, New Zealand, 24 — 28 Apr. 2000; Костенко Н. И. Международный уголовный суд.— М., 2002.
- ³⁷⁸ Цит. по: Трайнин А. Н Защита мира и борьба с преступлениями против человечества // Защита мира и уголовный закон. — М., 1969. — С.26 — 28, 35 — 36.
- ³⁷⁹ Цит. по: Трайнин А. Н Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. — С.28 — 29.
- ³⁸⁰Тункин Г. И. Теория международного права / Под общей ред. Л. Н. Шестакова. — М., 2000. — С. 356 — 357.
- ³⁸¹Там же. — С. 361.
- ³⁸²Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. — С. 41— 42.
- ³⁸³ Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном

- М., 1961. — С. 62 — 63.
- ³⁴⁴ Там же. — С. 58.
- ³⁴⁵ Там же. — С. 134.
- ³⁴⁶ Там же. — С. 34.
- ³⁴⁷ Мережко А. А. Введение в философию международного права. Гносеология международного права. — К., 2002. — С.32.
- ³⁴⁸ Цит по: Ледах И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. — М., 1973 — С.13.
- ³⁴⁹ Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. — С.25.
- ³⁵⁰ Prosecutor v. Kupreskic and Others. Case IT-95-16-T, Judgement, 14 Jan. 2000. — Para. 551.
- ³⁵¹ Prosecutor v. Tadic. Case IT-94-1-T, Opinion and Judgement, 7 May 1997. — Paras. 654, 655.
- ³⁵² Prosecutor v. Tadic. Case No. IT-94-1-A, Judgement, 15 July 1999. — Para. 255.
- ³⁵³ Prosecutor v. Kupreskic and Others, Case IT-95-16-T, Judgement, 14 Jan. 2000. — Paras. 556 — 551.
- ³⁵⁴ См. подробнее: Бандурка А. М., Зелинский А. Ф. Вандализм. — Харьков, 1996. — С.130 — 131
- ³⁵⁵ Иншаков С. М. Криминология: Учебник. — С. 215.
- ³⁵⁶ Лунеев В. В. Политическая коррупция в России // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. — Вып. 1. — М., 2003. — С.71.
- ³⁵⁷ Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. — СПб., 2002. — С. 46 — 47.
- ³⁵⁸ Иншаков С. М. Криминология: Учебник. — М., 2000. — С. 218.
- ³⁵⁹ См. подробнее: Зелинский С. А. Истоки терроризма: этнополитические концепции // Актуальні проблеми: Зб. наук. праць. — Вип. 14. — Голов. ред. С. В. Ківалов. — Одеса, 2002. — С.80 — 83.
- ³⁶⁰ Платон. Законы // Сочинения в трех томах. — М., 1972.— Т. 2. Ч.2. — С. 406.
- ³⁶¹ Миньковский Г. А., Ревин В. П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. — 1997. — № 8. — С. 84.
- ³⁶² Дрёмина Н. В. Юридическая квалификация террора в условиях этнополитического конфликта // Социально-правовые аспекты терроризма: Монография / Под ред. С. В. Кивалова, В. Н. Дрёмина. — Одесса, 2003. — С. 142 — 143.
- ³⁶³ П. А. Кабанов отмечает необходимость исследования “организованной политической (электоральной) коррупции как самостоятельного вида криминального предпринимательства в политической сфере”. См.: Кабанов П. А. Некоторые перспективные направления исследования политической коррупции в современном российском обществе // Следователь. — № 2.— 2003. — С. 56
- ³⁶⁴ Бойцов А. И. Преступления против мира и безопасности человечества // Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н. А. Беляева и др. — СПб., 1995. — С. 25

- политические и международно-правовые аспекты // Актуальні проблеми політики: Збірник наук. праць. — Вип.10—11 / Відп. ред. Л.І. Кормич. — Одеса, 2001. — С. 178 — 184; Зелінська Н. А. Криза концепції “міжнародних злочинів” держав // Наукові праці Одеської національної академії. Т. 1.— Одеса, 2002. — С.288 — 294.
- ⁴⁰⁶Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд.— С.51
- ⁴⁰⁷Rosenne S. State Responsibility and International Crimes: Further Reflections on Article 19 of the Draft Articles on State Responsibility. — P. 145.
- ⁴⁰⁸UN Doc. A/CN.4/L.600.
- ⁴⁰⁹Организация Объединенных Наций. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия. Дополнение № 10 (A/55/10), глава IV, добавление
- ⁴¹⁰Организация Объединенных Наций. Комиссия международного права. Пятьдесят третья сессия. Женева, 23 апреля —1 июня и 2 июля —10 августа 2001 года. Четвертый доклад об ответственности государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дж. Кроуфордом // Док. ООН A/CN.4/517.
- ⁴¹¹Там же.
- ⁴¹²Организация Объединенных Наций. Доклад Комиссии международного права. Пятьдесят третья сессия (23 апреля — 1 июня и 2 июля —10 августа 2001 года). Генеральная Ассамблея Официальные отчеты. Пятьдесят шестая сессия. Дополнение № 10. Док. ООН A/56/10. — С. 288.
- ⁴¹³Drost P. The Crime of State. Vol. I. — Leyden, 1959. — P. 283 — 294, 304 — 305. Цит. по: Тункин Г. И. Теория международного права. — С. 357.
- ⁴¹⁴Борхерт К.-Г. Влияние принципов Нюрнберга на современное международное право. Осуждение военных преступников в ГДР // Уроки Нюрнберга. Материалы Международной конференции Москва 11—13 ноября 1986 г.(Доклады участников конференции) Выпуск III / Отв. ред. Гришаев П. И.— М,1988. — С. 49.
- ⁴¹⁵Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. — С.172.
- ⁴¹⁶Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в семи томах. — Т. 1. — М.,1957. — С.97.
- ⁴¹⁷Барсегов Ю. Г. Актуальные вопросы разработки проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества // Советский ежегодник международного права, 1988. — М., 1989. — С. 53.
- ⁴¹⁸Цит. по: Цоллер Э, Решетов Ю. А. Международно-правовая уголовная ответственность физических лиц за международные преступления // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 103 — 104.
- ⁴¹⁹Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. — М.: 1986. — С. 12.
- ⁴²⁰Ларин А. М. Нюрнберг: судебное разбирательство и приговор // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред. В. В. Пустогаров. — М., 1986. — С. 74 — 93.
- ⁴²¹Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. —

- праве. — М., 1966.— С. 37 — 38.
- ³⁸⁴ Колосов Ю. М. Ответственность государств. — М., 1975. — С. 59.
- ³⁸⁵ Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. — М., 1983.— С. 144.
- ³⁸⁶ Василенко В. А. Ответственность государства за международные правонарушения. — Киев, 1976. — С. 187.
- ³⁸⁷ Тункин Г. И. Теория международного права. — С. 361.
- ³⁸⁸ Менжинский В. И. Проблема международной ответственности (в свете советской концепции международного права). — М., 1951.— С. 14.
- ³⁸⁹ Галенская Л. Н. Основные направления сотрудничества государств по борьбе с преступностью (правовые проблемы). — Л., 1970. — С. 11 — 12.
- ³⁹⁰ Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. — С. 63.
- ³⁹¹ Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд. — С. 22.
- ³⁹² Международное уголовное право. Учеб. пособ. / Под общей ред. В. Н. Кудрявцева. — С. 10 — 11.
- ³⁹³ Номоконов В. А. Международное уголовное право. — С. 32.
- ³⁹⁴ Там же.
- ³⁹⁵ Антипенко В. Ф. Изменения подходов в международно-правовой квалификации современного терроризма, предполагающие повышение эффективности борьбы с ним // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно-практической конференции, 18–19 апреля 2001г. — СПб., 2001. — С. 205.
- ³⁹⁶ Yearbook of the ILC II. Part 2. — 1976. — P. 95 — 112.
- ³⁹⁷ См., например: Comments by France // UN Doc. A/CN.4/488. 25 March 1998.
- ³⁹⁸ International Crimes Of State: A Critical Analysis Of The ILC's Draft Article 19 On State Responsibility. — European University Institute, 1989; State Responsibility. Comments and Observations Received from Governments // UN Doc. A/CN.4/488 add.1 — 3 (1998); Rosenne S. State Responsibility and International Crimes: Further Reflections on Article 19 of the Draft Articles on State Responsibility// New York University Journal of International Law and Politics. — 1997 — 1998. — P. 145.
- ³⁹⁹ Marek K. Criminalizing State Responsibility // 14 Revue Beige de Droit International. — 1978—1979. — P.462.
- ⁴⁰⁰ Организация Объединенных Наций. Доклад Комиссии о работе ее сорок восьмой сессии (Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия. Дополнение № 10. — С. 125—153.
- ⁴⁰¹ Marek K. Criminalizing State Responsibility. — P. 461 — 485.
- ⁴⁰² Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! // EJIL. — 1999. — Vol. 10. — № . 2. — P. 425 — 434.
- ⁴⁰³ Вадапалас В. Д. Развитие института международно-правовой ответственности. // Международное право в современном мире: Сб. статей / Отв. ред. Ю. М. Колосов. — М., 1991. — С.41 — 51.
- ⁴⁰⁴ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! — P. 434.
- ⁴⁰⁵ Дрёмина Н. А. Концепция “международного преступления государства”:

- ⁴⁴³ Цит. по: Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. — С. 267.
- ⁴⁴⁴ Там же. — С. 269 — 270.
- ⁴⁴⁵ Трайнин А. И. Правовые проблемы Нюрнбергского процесса // Советское государство и право. — 1946. — № 11–12. — С. 45
- ⁴⁴⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в семи томах — Т. 7. — М., 1961.— С. 363.
- ⁴⁴⁷ Там же. — С. 363 — 366.
- ⁴⁴⁸ Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. — М, 1994. — С. 17.
- ⁴⁴⁹ Полянский Н. Н. Международное правосудие и преступники войны. — С. 33.
- ⁴⁵⁰ См.: Гарнер Р. Международное право и мировая война: Пер. с англ. — М., 1963. — С. 472 — 473.
- ⁴⁵¹ Саймонс В.-Б. Основания юрисдикции Международного Военного Трибунала // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 51 — 52.
- ⁴⁵² Ледах И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. — С.26.
- ⁴⁵³ Rodley N. S. The Treatment of Prisoners under International Law. Second Edition.— Oxford, 1999. — С.2 — 4.
- ⁴⁵⁴ Полянский Н. Н. Международный военный трибунал. — М., 1946. — С.14.
- ⁴⁵⁵ Кларк Р., Решетов Ю. А. Преступления против человечности // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 160 — 168.
- ⁴⁵⁶ Лукашук И. И. Международная противоправность и преступность агрессии// Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 256.
- ⁴⁵⁷ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в семи томах. — Т. 7. — М., 1961. — С. 363 — 366.
- ⁴⁵⁸ См.: Полторак А. И. Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы.— М., 1966. — С. 32.
- ⁴⁵⁹ Ледах И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ.— С.49.
- ⁴⁶⁰ Мэрфи Дж. Преступления против мира на Нюрнбергском судебном процессе // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 133.
- ⁴⁶¹ Цит. по: Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 52 — 53.
- ⁴⁶² Цоллер Э. Основания ответственности // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 100.
- ⁴⁶³ Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 33.
- ⁴⁶⁴ Finch G. The Nuremberg Trial and International Law. 41 American Journal of International Law.— 1947.— P. 20, 26.
- ⁴⁶⁵ Mangham. F. H. UNO and War Crimes. London, 1951.— P. 18, 51. Цит. по: Полторак А. И. Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы. — С.

С.196.

- ⁴²² Баженов. Н. А. Нерушимость принципов Нюрнберга и сотрудничество государств в преследовании нацистских преступников // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред. В. В. Пустогаров. — М., 1986. — С. 94.
- ⁴²³ Манер Д. Расизм в законодательстве и судебной практике национал-социализма // Уроки Нюрнберга. Материалы Международной конференции Москва 11 — 13 ноября 1986 г.(Доклады участников конференции) Выпуск III / Отв. ред. Гришаев П. И. — М, 1988. — С. 155.
- ⁴²⁴ Там же. — С. 157— 159.
- ⁴²⁵ Алексеев Н. С. Ликвидация законности в третьем рейхе и преступления нацистской юстиции. — С. 27.
- ⁴²⁶ Кудрявцев В. Н. Нюрнбергский процесс и проблемы укрепления международного правопорядка // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред. В. В. Пустогаров. — М., 1986. — С. 3 — 11.
- ⁴²⁷ Нюрнбергский процесс. Суд над фашистскими судьями: Сб. материалов. — М., 1970. — С. 44 — 45.
- ⁴²⁸ Алексеев Н. С. Ликвидация законности в третьем рейхе и преступления нацистской юстиции. — С.32.
- ⁴²⁹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в семи томах. — Т. 1.— М., 1957. — С. 532.
- ⁴³⁰ Там же. — С. 534.
- ⁴³¹ Нюрнбергский процесс. Суд над фашистскими судьями: Сб. материалов. — С. 188.
- ⁴³² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в семи томах. — Т. 7. — М., 1961.— С. 383.
- ⁴³³ Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. — С.98.
- ⁴³⁴ Галкин А. А. Фашистская Германия: от расовой дискриминации к фабрикам смерти // Геноцид / Предисловие и общая ред. А. А. Галкина, — М., 1985. — С. 39 — 40.
- ⁴³⁵ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в семи томах. — Т. 1.— С 837.
- ⁴³⁶ Кудрявцев В. Н. Нюрнбергский процесс и проблемы укрепления международного правопорядка // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 7.
- ⁴³⁷ Simpson G. J. War Crimes: A Critical Introduction. — P. 24.
- ⁴³⁸ Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. — М., 1975.— С. 49.
- ⁴³⁹ Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. — С. 262, 271.
- ⁴⁴⁰ Нюрнбергский процесс. Суд над фашистскими судьями: Сб. материалов. — С. 169.
- ⁴⁴¹ Ледах И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ.— М., 1973. — С. 49.
- ⁴⁴² Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. — С. 266.

- Маевська А. А. Злочин геноциду і відповідальність за нього: міжнародно-правові норми і національне законодавство // Проблеми законності. — Вип. 44: Респ. міжвідом. наук. зб. / Відп. ред. В. Я. Тацій. — Харків, 2000. — С.225 — 229.
- ⁴⁹¹ Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. — С. 172 — 173.
- ⁴⁹² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — Вып. XVI. — М., 1957. — С.71 — 97.
- ⁴⁹³ Ведомости Верховного Совета СССР. — 1971. — № 2 (1556). — Ст. 18.
- ⁴⁹⁴ Цоллер Э. Действие в пространстве нормы об ответственности // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 102
- ⁴⁹⁵ Цит по: Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. — М., 1983. — С. 174.
- ⁴⁹⁶ Маланчук П. Вступ до міжнародного права за Єйкхерстом. Видання сьоме, перероблене: Пер. з англ. — Харків, 2000.— С. 169.
- ⁴⁹⁷ Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. — С. 313 — 314.
- ⁴⁹⁸ Harris D. J. Cases and Materials on International Law. 5th ed., 1998. — P. 280 — 288.
- ⁴⁹⁹ Federation Nationale de Deportes et Internes Resistants & Others v. Barbie. — 78 ILR — P.125 — 130.
- ⁵⁰⁰ Цоллер Э. Действие в пространстве нормы об ответственности // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С.103.
- ⁵⁰¹ Маевская А. А. Обвинение в преступлениях против человечности в национальных судах // Актуальні проблеми юридичної науки: Тези доп. та наук. повід. наук. конф. молодих учених та аспірантів / За ред. М.І. Панова.— Харків, 2000.— С. 103 — 105.
- ⁵⁰² Найер А. Военные преступления: Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. — С.123.
- ⁵⁰³ Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд. — С. 146.
- ⁵⁰⁴ Ковалев С. А. Предисловие // Найер А. Военные преступления: Геноцид. Терор. Борьба за правосудие. М., 2000. — С. 19.
- ⁵⁰⁵ The Pinochet Case. A Legal and Constitutional Analysis / Edited by D. Woodhouse. Oxford: Brookes University, Hart Publishing, 2000. — P. 236,237.
- ⁵⁰⁶ Senator Augusto Pinochet Ugarte // Extradition Section. Home Office front page. — 02/03/2000. Crown Copyright 1999, 2000.
- ⁵⁰⁷ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика?: Пер. с англ. / Под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 2002. — С. 310.
- ⁵⁰⁸ Там же. — С. 307—308.
- ⁵⁰⁹ Там же. — С. 314.
- ⁵¹⁰ См. подробнее: Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. — С. 127
- ⁵¹¹ Организация Объединенных Наций. Доклад Комиссии международного права о работе ее шестой сессии 3 июня—23 юля 1954 года. — Нью-Йорк, 1954.— С 11.
- ⁵¹² Там же.
- ⁵¹³ Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Комиссия

78.

- ⁴⁶⁶ Kelsen H. Will the Judgment in the Nuremberg Trial Constitute a Precedent in International Law? // The International Law Quarterly. — № 2. — 1947. — P. 153, 161, 165.
- ⁴⁶⁷ Полянский Н. Н. Международный военный трибунал. — С. 12.
- ⁴⁶⁸ Пустогаров В. В. Нюрнбергский процесс и идеологическая борьба // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред. В. В. Пустогаров. — М., 1986. — С. 121.
- ⁴⁶⁹ Международное уголовное право: Учеб. пособ. / Под общей ред. В. Н. Кудрявцева. — С. 92.
- ⁴⁷⁰ Саймонс В.-Б. Основания юрисдикции Международного Военного Трибунала // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 54.
- ⁴⁷¹ Лукашук И. И. Международная противоправность и преступность агрессии. — С. 258 —259.
- ⁴⁷² Броунли Я. Международное право. Книга 2. — М., 1977. — С. 255.
- ⁴⁷³ Моджорян Л. А. О субъекте международного права. — М., 1948. — С. 88.
- ⁴⁷⁴ Найер А. Военные преступления: Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. — М., 2000. — С. 51.
- ⁴⁷⁵ Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. — С. 254.
- ⁴⁷⁶ Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: Учебник. — М., 1997. — С. 247—248.
- ⁴⁷⁷ Международное право в документах / Сост. Н. Т. Блатова. — М., 1982. — С. 832.
- ⁴⁷⁸ Там же.
- ⁴⁷⁹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов. — Т. I. — М., 1957. — С. 79.
- ⁴⁸⁰ Ледах И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ.— С.31.
- ⁴⁸¹ Там же. — С.28.
- ⁴⁸² Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. — М., 1967. — С. 255.
- ⁴⁸³ Черниченко С. В. Статус подсудимых в международных судебных органах // Сов. государство и право. —1971. — № 7.— С. 67.
- ⁴⁸⁴ Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. — М 1983. — С.23 — 24.
- ⁴⁸⁵ Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. — С. 194 — 195.
- ⁴⁸⁶ Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд. — С.133, 146.
- ⁴⁸⁷ Кларк Р. Влияние Нюрнбергского процесса на развитие международного уголовного права // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 223.
- ⁴⁸⁸ Шнайдер Г. Й. Указ раб. — С. 446.
- ⁴⁸⁹ Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. — С. 409.
- ⁴⁹⁰ См. подробнее Менжинский В. И. Перед судом мирового сообщества // Геноцид / Предисловие и общая ред. А. А. Галкина, — М., 1985. — С. 181;

- // Конституционное Право: восточноевропейское обозрение. — № 1 (18). — 1997. — С.89.
- ⁵³⁸ Асатур А. А. Развитие международного уголовного права и деятельность международных уголовных судов // Московский журнал международного права. — № 2. — 2000. — С. 286.
- ⁵³⁹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? — С. 316.
- ⁵⁴⁰ Шермиле—Джентро М. Право контролировать силу. Война на Балканах // Московский журнал международного права. — № 2. — 2000. — С. 113 — 114.
- ⁵⁴¹ Doc. UN A/49/342, S/1994/1007.
- ⁵⁴² Akhavan P. The International Criminal Tribunal for Rwanda: The Politics and Pragmatics of Punishment // American Journal of International Law. — № 90. — 1999. — P. 501— 510.
- ⁵⁴³ Tavrernier P. The Experience of the International Criminal Tribunals for the former Yugoslavia and Rwanda // International Rev. of the Red Cross 37 (1997), 605 — 611.
- ⁵⁴⁴ Doc. UN S/25704.
- ⁵⁴⁵ См.: Белый И. Ю., Ложников И. С. Тенденции развития международной уголовной юстиции: специальный суд по Сьерра-Леоне // Московский журнал международного права. — № 1(49). — 2003. — С.31— 40.
- ⁵⁴⁶ Маевська А. А. Міжнародний кримінальний суд: історія і сучасність // Права людини в умовах реформування правової системи України (До 50-ї річниці Загальної декларації прав людини): Тези доп. та наук. повід. Всеукр. наук.-практ. конф. молодих учених / За ред. М.І. Панова. — Харків, 1998,— С. 45 — 47; Аль-Захарна Салім Мухаммед Сааді. Міжнародний кримінальний суд: важливий інструмент у боротьбі з міжнародною злочинністю // Право України. — 2000. — № 10. — С. 120—123.
- ⁵⁴⁷ См. Дрёмина Н. В. К вопросу об учреждении и юрисдикции Международного уголовного суда // Актуальні проблеми держави та права: Зб. Наук. праць. — Вип. 14.— Голов. ред. С. В. Ківалов. — Одеса, 2002. — С. 131—136.
- ⁵⁴⁸ Элементы преступлений. Доклад Подготовительной комиссии Международного уголовного суда PCNICC/2000/1/Add.2.
- ⁵⁴⁹ Фифе Р. Э. Международный уголовный суд. Откуда он пришел и куда идет // Московский журнал международного права. — № 1(41).— 2001. — С. 69 — 70
- ⁵⁵⁰ Резолюция Ассамблеи государств—участников ICC—ASP/1/Res. 1 “Продолжение работы в отношении преступления агрессии” (9 сентября 2002).
- ⁵⁵¹ Преступление агрессии. Документ для обсуждения, предложенный координатором. Предварительный перечень возможных вопросов, относящихся к преступлению агрессии PCNICC/2001/L.1/Rev.1.
- ⁵⁵² Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. — С. 68.
- ⁵⁵³ Мэрфи Дж. Преступления против мира на Нюрнбергском судебном процессе // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледах, И. И. Лукашук. — М., 1995. — С. 142.
- ⁵⁵⁴ Cohen S. Crime and politics: spot the difference // British Journal of Sociology. —Vol. 47/ Issue. — № 1. — March 1996. — P. 8.

- международного права. XLV сессия. 3 мая — 23 июня 1993 г. — С. 16 —114.
- ⁵¹⁴ См. подробнее: Маєвська А. А. Проект Кодексу злочинів проти миру й безпеки людства: злочини проти людяності // Проблеми законності. — Вип. 56: Респ. міжвідом. наук. зб. / Відп. ред. В. Я. Тацій. — Харків, 2002. — С. 183 — 188.
- ⁵¹⁵ Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. — С. 127 — 128.
- ⁵¹⁶ International Law Commission Report, 1996 Chapter II. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind Doc. UN A/CN.4/L.532.
- ⁵¹⁷ International Law Commission Report, 1996 Chapter II. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind. Commentary. — Art 16.
- ⁵¹⁸ International Law Commission Report, 1996 Chapter II. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind. Introduction. — Para. 14.
- ⁵¹⁹ International Law Commission Report, 1996 Chapter II. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind. Introduction. — Para. 15.
- ⁵²⁰ International Law Commission Report, 1996 Chapter II. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind. Commentary. — Art. 17.
- ⁵²¹ См. подробнее: Маєвська А. А. Злочини проти людяності у проекті Кодексу злочинів проти миру і безпеки людства // Актуальні проблеми формування правової держави в Україні (До 50-ї річниці Конвенції про захист прав людини і основних свобод): Тези доп. та наук. повід. Всеукр. наук.-практ. конф. молодих учених / За ред. М.І. Панова. — Харків, 2000. — С. 200, 201.
- ⁵²² International Law Commission Report, 1996 Chapter II. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind. Commentary. Art. 20. — Paras. 6 — 8.
- ⁵²³ Найер А. Указ. раб. — С. 178 — 179.
- ⁵²⁴ Doc. UN S/RES/827 (1993).
- ⁵²⁵ Тейтель Р. Процесс в Гааге // Конституционное Право: восточноевропейское обозрение. № 1(18).— 1997.— С. 81.
- ⁵²⁶ Crimes of War. What the Public Should Know / Ed. by R. Gutman, D. Rieff. — New York, London: Norton & Company, 1999.
- ⁵²⁷ Blakesley C. L. Atrocity and Its Prosecution: The Ad Hoc Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda // The Law of the War Crimes / Ed. by T. L. H. McCormack and G. J. Simpson — London, Boston, 1997. — P. 189 — 228.
- ⁵²⁸ Simpson G. J. War Crimes: A Critical Introduction. — P.24.
- ⁵²⁹ Найер А. Указ. раб. — С.162 — 163.
- ⁵³⁰ Тейтель Р. Указ. раб. — С.84.
- ⁵³¹ Sjocrona J. M. The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia: Some Introductory Remarks from a Defence Point of View // LJIL № 8. — 1995. — 463.
- ⁵³² Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право.— С.87
- ⁵³³ Doc. UN S/25704. — Paras. 19 — 21, 28.
- ⁵³⁴ Тейтель Указ. раб. — С. 80.
- ⁵³⁵ Там же.— С. 82.
- ⁵³⁶ Коэн Д. Международный трибунал по преступлениям в бывшей Югославии и международное право // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — № 1(18). — 1997. — С.77.
- ⁵³⁷ Димитриевич В. Трибунал по военным преступлениям в югославском контексте

- терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно-практической конференции, 18 — 19 апреля 2001 года: Сб. статей. — СПб., 2001.— С.92.
- ⁵⁷⁸ Хлестов О. Н., Мышляева М. Л. Вооруженная борьба против международного терроризма // Московский журнал международного права. — 2001.— № 4. — С. 13.
- ⁵⁷⁹ Миньковский Г. А., Ревин В. П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. — 1997. — № 8.— С.84.
- ⁵⁸⁰ Mann P. Fighting Terrorism: India and Central Asia // Strategic Analysis. — February 2001. — Vol. XXIV.— № 11.— P. 2035.
- ⁵⁸¹ См.: Cassese A. Violence and Law in the Modern Age. — Cambridge, 1988; Chomsky N. The Culture of Terrorism. — London, 1988; The Terrorism Reader: a historical anthropology / W. Laqueur (ed.) — New York, 1987.
- ⁵⁸² Лазарев П. Я. Терроризм как тип политического поведения // Социологические исследования. — 1993. — № 9.— С. 32.
- ⁵⁸³ См.: Cassese A. Terrorism, Politics and Law. — Cambridge, 1989. — P. 3
- ⁵⁸⁴ Лукашук И. И. Нормы международного права. — М., 1997.— С. 275.
- ⁵⁸⁵ Миньковский Г. А., Ревин В. П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. —1997.— № 8.— С. 84.
- ⁵⁸⁶ Долгова А. И. Терроризм и организованная преступность // Организованный терроризм и организованная преступность / Под ред. А. И. Долговой. — М., 2002. — С. 3 — 4.
- ⁵⁸⁷ Кивалов С. В. Международно-правовые принципы борьбы с терроризмом // Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. — Вип. 8 / Голов. ред. С. В. Кивалов. — Одеса, 2000. — С. 6.
- ⁵⁸⁸ Там же. — С.5.
- ⁵⁸⁹ Schmid, A. P., Jongman, A. J. Political Terrorism.— Amsterdam: North—Holland Publishing Company, 1988. — P.5 — 6, 33.
- ⁵⁹⁰ Merari A. Terrorism as a Strategy of Insurgency // Terrorism and Political Violence. — Vol. 5.— № 4. — Winter 1993. — P. 213—251.
- ⁵⁹¹ Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. — М., 2002. — С. 12.
- ⁵⁹² Wilkinson P. The Strategic Implications of Terrorism // Terrorism & Political Violence. A Sourcebook Edited by M. L. Sondhi. Indian Council of Social Science Research. — Haranand Publications, 2000.
- ⁵⁹³ См. подробнее: Крутов В. В. Політичний екстремізм і тероризм у сучасніх умовах // Тероризм і боротьба з ним. Аналітичні розробки, пропозиції наукових та практичних працівників. — Київ, 2000. — С.147 —159.
- ⁵⁹⁴ Террористические действия в период вооруженного конфликта осуществляются в рамках противостояния сторон этого конфликта и направленность этой формы терроризма не укладываются в предложенные схемы.
- ⁵⁹⁵ См. подробнее: Туляков В. А. Страх перед терроризмом как криминогенный фактор // Актуальні проблеми політики: Зб. наук. праць. — Вип.10 — 11 /

- 555 Евинтов В. И. Международное сообщество и правопорядок (анализ современных концепций).— Киев, 1990. — С. 93.
- 556 Диспо Л. Машина времени // Терроризм: современные аспекты: Сб. научных статей. — 1999. — С. 31.
- 557 См: Laquer W. The Terrorism. — L., 1977. — P. 5 — 8.
- 558 Социал—революционное обозрение “Народная воля”. Год 2.— № 3. — 1880.
- 559 Бояр-Созонович Т. С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. — К.; Одесса, 1991.— С. 10 —11.
- 560 Пирумова Н. М. М. Бакунин и С. Нечаев // Прометей: Историко—биографический альманах. — Том 5.— М.,1968. — С. 145 — 173.
- 561 Ильин И. А. Почему сокрушился в России монархический строй? // Социологические исследования. —1992. — № 4.— С.70 — 77.
- 562 Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев.— М.,1992.— С.145.
- 563 Хроника социалистического движения в России 1878—1887. Официальный отчет — М.,1906. — С.19 — 20.
- 564 Социал—революционное обозрение “Народная воля”. Год 6. — № 11 — 12.— 1885.
- 565 Одесский М., Фельдман Д. Указ. раб. — С.81—93.
- 566 Бердяев Н. А. Духи русской революции // Литературная учеба. — № 2. — 1989.— С.123 —140.
- 567 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Собр. соч. в 15 т. — Т. 9. — С. 276.
- 568 Достоевский Ф. М. Бесы / Собр. соч. в 15 т. — Т. 7. — С.383, 386.
- 569 Давыдов Ю. Н. Горькие истины “Вех” (трагический опыт самопознания российской интеллигенции) // Социологические исследования. — 1991. — № 7.— С. 101.
- 570 Цой Л. Н. Новый взгляд на борьбу с терроризмом: борьба с терроризмом или с террористом? // Терроризм: современные аспекты: Сб. научных статей. — М., 1999. — С. 47.
- 571 Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 20.
- 572 Материалы XXVI съезда КПСС. — М.,1981. — С.20—21.
- 573 Международная политика.— 1999. — № 2 — 3. <http://germany.org.ru/ru/library/internationale-politik/1999-0203/article04.html>.
- 574 Патрушев Н. П. Противодействие терроризму — насущная проблема законодательной власти государств—участников СНГ // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно—практической конференции, 18 — 19 апреля 2001 года: Сб. статей. — СПб., 2001.— С.11 — 18.
- 575 Мартинов А. Ю. Виклик з боку терористів // Політика і час. — 2001.— № 10. — С.23 — 30.
- 576 Семиноженко В. П. В нову еру міжнародних відносин. Тероризм: сучасні гуманітарні виклики та відповіді // Політика і час. — 2001.— № 11. — С. 5 — 6.
- 577 Николаенко В. Д. Борьба с международным терроризмом как приоритетное направление сотрудничества государств-участников договора о коллективной безопасности и ее международно-правовое обеспечение // Международный

- терроризмом // Вне конфронтации. Международное право в период холодной войны: Сб. статей. — М., 1996. — С. 156.
- ⁶¹⁵ Авдеев Ю. И. Терроризм как угроза безопасности России в начале XXI века // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно-практической конференции, 18—19 апреля 2001 года: Сб. статей.— СПб., 2001.— С. 100.
- ⁶¹⁶ Мартинов А. Ю. Виклик з боку терористів // Політика і час. — 2001.— № 10.— С. 26.
- ⁶¹⁷ Зелинский С. А. Международный терроризм: политические источники и движущие силы // Актуальні проблеми політики: Зб. наук. праць. — Вип. 8 / Відп. ред Л.І. Кормич.— Одеса, 2000. — С. 134 — 138.
- ⁶¹⁸ Эфиров С. А. Современный терроризм как фактор социальной дезинтеграции // Терроризм: современные аспекты: Сб. научных статей. — М., 1999. — С. 29.
- ⁶¹⁹ Долгова А. И. Глобализация терроризма и проблемы борьбы с ним // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно—практической конференции, 18—19 апреля 2001 года: Сб. статей.— СПб., 2001.— С.117.
- ⁶²⁰ Глобальні виклики сучасності. Із засідання Наукової Ради МЗС України 10 жовтня 2001 р. — С. 10.
- ⁶²¹ Шиллинг В. Новые угрозы для международной безопасности //Международная жизнь. — 2000. — № 12.
- ⁶²² Степанов О. А. Международно-правовые аспекты противодействия высокотехнологичному терроризму // Современное право. — № 2. — 2003. — С.19 — 22.
- ⁶²³ Антипенко В. Ф. Приоритетность международно-правовых средств в противодействии терроризму //Актуальні проблеми держави та права: Збірник наукових праць.— Вип. 8 / Голов. ред. С. В. Ківалов.— Одеса, 2000. — С.23—32
- ⁶²⁴ Международная политика. — 1999. — № 2 — 3. <http://germany.org.ru/ru/library/internationale-politik/1999-0203/article04.html>
- ⁶²⁵ Казеннов С., Кумачев В. Международный терроризм в условиях переходного миропорядка: недооценка угрозы // Русский журнал. — 29 ноября 1999.
- ⁶²⁶ Авдеев Ю. И. Терроризм как угроза безопасности России в начале XXI века // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно—практической конференции, 18 — 19 апреля 2001 года: Сб. статей. — СПб., 2001.— С. 106.
- ⁶²⁷ Авдеев Ю. И. Гуськов А. Я. Проблемы организованности современного терроризма // Организованный терроризм и организованная преступность / Под ред. А. И. Долговой. — М., 2002. — С. 28 — 29.
- ⁶²⁸ Булыгин А. Н. Актуальные проблемы гармонизации национального законодательства стран содружества в области борьбы с терроризмом // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно-практической конференции, 18 —19 апреля 2001 года: Сб. статей. — СПб., 2001.— С. 235.
- ⁶²⁹ Doc. UN A/CONF.144/15 — P. 3 — 4, 17.
- ⁶³⁰ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое

- Відп. ред. Л.І. Кормич. — Одеса, 2001. — С. 185 — 190.
- ⁵⁹⁶ Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. — М., 1989. — С.20 — 21.
- ⁵⁹⁷ Цит по: Лазарев П. Я. Терроризм как тип политического поведения. Социологические исследования. — 1993. — № 9. — С.32.
- ⁵⁹⁸ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М., 1998. — С. 13.
- ⁵⁹⁹ Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. — С. 49 — 50.
- ⁶⁰⁰ См подробнее: Зелинский С. А. До питання про визначення тероризму // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. — № 4. — 1999. — С.167 — 171; Гришук В. К Тероризм: проблема поняття //Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. — Вип. 8 / Голов. ред. С. В. Ківалов. — Одеса, 2000. — С. 43 — 46.
- ⁶⁰¹ Побегайло Э. Ф. Терроризм и уголовная ответственность// Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма: Проблемно-тематический сборник. — 1997.— № 4. — С.203.
- ⁶⁰² Зелинский С. А. Терроризм как преступная политика и политическое преступление // Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. — Вип. 8 / Голов. ред. С. В. Ківалов. — Одеса, 2000. — С. 219 — 224.
- ⁶⁰³ Яцько А. Терроризм как форма политической борьбы // Політика і час. — 2002.— № 1. —С. 71 — 72.
- ⁶⁰⁴ Кива А. В., Федоров В. А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. — № 1. — 2003.— С.137 — 138.
- ⁶⁰⁵ Гишинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — С. 245.
- ⁶⁰⁶ Энтин М. Л. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом: причины низкой эффективности международно-правового регулирования, пути и перспективы ее повышения // Советский ежегодник международного права, 1988. — М., 1989. — С. 127.
- ⁶⁰⁷ Blakesley C. L. Terrorism, Drugs, International Law and the Protection of Human Liberty. — P. 5—15.
- ⁶⁰⁸ Прусс В. М., Короткий Р. М. Притяжение насилия: истоки // Социально-правовые аспекты терроризма: Монография / Под ред. С. В. Кивалова, В. Н. Дрёмина. — Одесса, 2003. — С. 173.
- ⁶⁰⁹ Дрёмина Н. А. Интернациональный терроризм и “террористический интернационал” // Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. — Вип. 8 / Голов. ред. С. В. Ківалов. — Одеса, 2000. — С. 98 — 104.
- ⁶¹⁰ Антипенко В. Ф. Современный терроризм: состояние и возможности его упреждения: (Криминол. исслед.) — К., 1998. — С. 28 — 30.
- ⁶¹¹ Антипенко В. Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. — Киев, 2002. — С. 375.
- ⁶¹² Хлестов О. Н. Глобализация и борьба с международным терроризмом // Юрист-международник. — № 2. — 2003. — С. 27.
- ⁶¹³ Bossard A. Transnational Crime and Criminal Law. — P.21.
- ⁶¹⁴ Колосов Ю. М., Левитт Дж. М. Международное сотрудничество в борьбе с

- Политический режим и преступность / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. — СПб., 2001. — С. 350.
- ⁶⁵⁰ Sloan S. Terrorism: How Vulnerable Is The United States // Terrorism: National Security Policy and the Home Front /Ed. S. Pelletiere.— Strategic Studies Institute of the U. S. Army War College. — May 1995.
- ⁶⁵¹ Авдеев Ю. И. Терроризм как угроза безопасности России в начале XXI века // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно—практической конференции, 18—19 апреля 2001 года: Сб. статей.— СПб., 2001.— С. 106.
- ⁶⁵² Wilkinson P. Security and Terrorism in the 21st Century // The Changing International Terrorist Threat. January 13th 1996. — P. 163 — 167.
- ⁶⁵³ Долгова А. И. Глобализация терроризма и проблемы борьбы с ним // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно-практической конференции, 18 — 19 апреля 2001 года: Сб. статей.— СПб., 2001.— С.117.
- ⁶⁵⁴ См.: Змеевский А. В. Проблемы борьбы с терроризмом на международных конференциях по унификации уголовного законодательства (1927 — 1933гг.) // Московский журнал международного права. — 1993.— № 4.— С. 63 — 88.
- ⁶⁵⁵ Емельянов В. П. Терроризм — как явление и как состав преступления. — Харьков, 1999. — С. 17.
- ⁶⁵⁶ Змеевский А. В. Международно-правовая борьба с терроризмом // Международное право в современном мире. — М., 1991.— С.30 — 35.
- ⁶⁵⁷ Доклад Комиссии международного права о работе ее шестой 3 июня — 23 июля 1954 года. — Нью-Йорк, 1954. — С. 11.
- ⁶⁵⁸ Цит. по: Моджорян Л. А. Терроризм и национально-освободительные движения // Государство и право. — 1998.— № 3. — С. 82.
- ⁶⁵⁹ Змеевский А., Тарабрин В. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // Международная жизнь.— 1996. — № 4. — С. 15.
- ⁶⁶⁰ Doc UN. A/AC.160/1. — Add.1, p. 28.
- ⁶⁶¹ Doc. UN A/C.6/53/L.4. — Add. I.
- ⁶⁶² Wilkinson P. Terrorism: the International Response // World Today, 1978. — Vol. 34. — № 1. — P. 7.
- ⁶⁶³ Doc. UN A/RES/ 39/159.
- ⁶⁶⁴ Петрищев В. Е. О задачах борьбы с терроризмом в странах СНГ // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно-практической конференции, 18 — 19 апреля 2001 года: Сб. статей. — СПб., 2001.— С.183 — 184.
- ⁶⁶⁵ Петрищев В. Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом // Государство и право. — № 3. — 1998.— С. 89.
- ⁶⁶⁶ Антипенко В. Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. — С. 114.
- ⁶⁶⁷ Там же. — С. 390.
- ⁶⁶⁸ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / Сост. Т. Н. Москалькова и др. — М., 1998. — С. 136.
- ⁶⁶⁹ Doc. UN A/RES/52/164.

исследование. — С.12.

- ⁶³¹ См. подробнее: Гриб Н. Н. Терроризм как инструмент перекройки мира в эпоху глобализации // Российский следователь. — № 1. — 2003. — С.22.
- ⁶³² Sloan S. International Terrorism: Conceptual Problems and Implications // Journal of Thought: an Interdisciplinary Quarterly, Vol. 17. — No. 2. — Summer 1982. — P.23.
- ⁶³³ Карпец И. И. Международная преступность. — М., 1988. — С. 65.
- ⁶³⁴ Блищенко И. П., Жданов Н. В. Международно-правовая борьба с терроризмом // Правоведение.— 1975.— № 1 — С.87.
- ⁶³⁵ См. подробнее: Кормушкина И. М. О соотношении понятий международного и государственного терроризма // Московский журнал международного права. — 1993. — № 4. — С. 98.
- ⁶³⁶ Trends in Terrorism Perspectives // Canadian Security Intelligence Service. Report.— 2000/01, December, 18.
- ⁶³⁷ Авдеев Ю. И. Терроризм как угроза безопасности России в начале XXI века // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно-практической конференции, 18 — 19 апреля 2001 года: Сб. статей. — СПб., 2001.— С. 106.
- ⁶³⁸ См.: Вашингтонский файл. Выпускается Офисом международных информационных программ Государственного департамента США. Веб-сайт: <http://usinfo.state.gov>.
- ⁶³⁹ Авдеев Ю. И. Гуськов А. Я. Проблемы организованности современного терроризма // Организованный терроризм и организованная преступность / Под ред. А. И. Долговой. — М., 2002. — С. 24 — 33.
- ⁶⁴⁰ Doc. UN S/RES/1455 (2003).
- ⁶⁴¹ Sheehan M. A. Acting Coordinator for the Office for Counterterrorism // Press Briefing on Release of “Patterns of Global Terrorism”, 1998. — Washington, April 30 1999.
- ⁶⁴² Гриб Н. Н. Терроризм как инструмент перекройки мира в эпоху глобализации // Российский следователь. — № 1.— 2003.— С.22—23.
- ⁶⁴³ Лакер У. Современный терроризм // Электронный журнал ЮСИА, том 2, номер 1, февраль 1997.
- ⁶⁴⁴ Raufar X. Gray Area: A New Security Threat // Political Warfare: Intelligence, Active Measures and Terrorism Report. — № 20. — Spring 1992.— P. 1.
- ⁶⁴⁵ Дрёмин В. Н. Уголовный терроризм как фактор организованной преступности // Юридична освіта і правава держава. — Одеса, 1997. — С. 219 — 220.
- ⁶⁴⁶ Дрёмин В. Н. Криминальный террор в социальном механизме воспроизводства преступности // Социально-правовые аспекты терроризма: Монография / Под ред. С. В. Кивалова, В. Н. Дрёмина. — Одесса, 2003.— С. 201.
- ⁶⁴⁷ Овчинский В. С. Основы борьбы с организованной преступностью. — М., 1996. — С.295 — 297.
- ⁶⁴⁸ Эфилов С. А. Современный терроризм как фактор социальной дезинтеграции? // Терроризм: современные аспекты. Сб. научных статей. — М., 1999. — С.28 — 29.
- ⁶⁴⁹ Вандышев В. В. Криминальное насилие и политический терроризм //

- ⁷⁰⁰ Official Journal of the European Communities L 344.— 28.12.2001.— P. 90.
- ⁷⁰¹ Journal officiel des Communautés européennes L 164 du 22.6.2002, p. 3. Перевод с французского, отредактированный с учетом положений документа на английском и немецком языках (OJ L 164, 22.6.2002, p. 3; ABL L 164 vom 22.6.2002. S. 3). Перевод и примечания Четверикова А. О.
- ⁷⁰² См.: Зелинская Н. А. Международно-правовое определение терроризма // Социально-правовые аспекты терроризма: Монография / Под ред. С. В. Кивалова, В.Н. Дрёмина. — Одесса, 2003. — С. 41— 90.
- ⁷⁰³ Blakesley C. L. The Law of International Extradition: A Comparative Study// Revue Internationale de Droit Penal. — 1991. — № 62. — P. 435 — 436.
- ⁷⁰⁴ См.: Sapiro M. E. Extradition in an era of terrorism: the need to abolish the political offense exception // New York University law review. — 61(4). — 1986 — P. 654 — 702; Hannay W. M. International terrorism and the political offense exception to extradition // Columbia journal of transnational law. — 18(3) 1980 — P. 381— 412; Ravaschiere V. P. Terrorist extradition and the political offense exception: an administrative solution // Virginia journal of international law. — 21(1) Fall 1980. — P. 163—183; Grahl-Madsen A. Territorial asylum. — New York, 1980. — 231 p.; Gilbert G. S. Terrorism and the political offence exemption reappraised // International and comparative law quarterly. — 34(4) Oct. 1985. — P. 695 — 723; Banoff B. A., Pyle C. H. To surrender political offenders: the political offense exception to extradition in United States law // New York University journal of international law and politics. — 16(2). — Winter 1984. — P. 169 —210; International terrorism and political crimes / Edited by M. C. Bassiouni. — Springfield, 1975. — 594 p.; Mickolus E. F. Transnational terrorism: a chronology of events, 1968—1979.— London, 1980. — 967 p.; Shargel H. D., Nobles L. E. Legal and other aspects of terrorism.— New York, 1979.— 864 p.
- ⁷⁰⁵ Дрёмина (Зелинская) Н. А. Понятие “политическое преступление” и проблемы экстрадиции //Актуальні проблеми політики: Збірник наукових праць.— Вип.8 / Відп. ред. Л.І. Кормич. — Одеса: Юридична література.— 2000.— С. 195 — 199; Дрьоміна Н. А. Тероризм і проблеми екстрадиції // Право України — № 8. — 2000.— С. 98 — 101; Дрёмина Н. А.”Политическое преступление” в контексте выдачи террористов // Юридический вестник. — № 3.— 2000. — С. 121 — 126; Дрьоміна Н. А. Тероризм як екстрадиційний злочин // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. — 2000. — № 2. — С. 30 — 35.
- ⁷⁰⁶ Эйхельман О. Заметки из лекций по международному праву. — Киев, 1889. — С. 42
- ⁷⁰⁷ Казанский П. Учебник международного права публичного и гражданского. — С.491
- ⁷⁰⁸ Таганцев Н. С. Указ. раб. — С. 360—361.
- ⁷⁰⁹ Там же. — С. 360 — 361.
- ⁷¹⁰ Хроника социалистического движения в России 1878—1887. Официальный отчет — М.,1906. — С. 288 — 289.
- ⁷¹¹ Цит по: Штиглиц А. Указ. раб. — С. 103 — 104.
- ⁷¹² Шостак Е. Я. Указ. раб. — С. 28.

- ⁶⁷⁰ Doc. UN A/RES/54/109.
- ⁶⁷¹ Doc. UN A/C.6/53/L.4. — Add. I.
- ⁶⁷² Устинов В. Указ. раб. — С. 266 — 267.
- ⁶⁷³ Doc. UN A/RES/56/1.
- ⁶⁷⁴ Doc. UN A/57/273—S/2002/875.
- ⁶⁷⁵ Doc. UN S/RES/1368 (2001).
- ⁶⁷⁶ Doc. UN S/RES/1373 (2001).
- ⁶⁷⁷ Doc. UN A/57/273—S/2002/875.
- ⁶⁷⁸ Там же.
- ⁶⁷⁹ Doc. UN A/RES/ 55/158.
- ⁶⁸⁰ Doc. UNA/C.6/55/L.2; doc. UN A/C.6/56/L.9.
- ⁶⁸¹ Doc. UN A/C.6/55/1.
- ⁶⁸² Doc. UN A/C.6/51/6.
- ⁶⁸³ Там же.
- ⁶⁸⁴ Doc. UN A/C.6/55/WG. 1/CRP.4/Rev. 1; doc. UN A/C.6/55/WG.1/CRP.5, 13, 15, 18, 30, 32.
- ⁶⁸⁵ Doc. UN A/C.6/56/L.9.
- ⁶⁸⁶ Doc. UN A/56/37— Add. 37.
- ⁶⁸⁷ Doc. UN A/C.6/55/L.2.
- ⁶⁸⁸ Doc. UN A/56/37— Add. 37. — Para. 15.
- ⁶⁸⁹ Doc. UN A/C.6/55/WG.1/CRP.30; doc. UN A/C.6/55/L.2.
- ⁶⁹⁰ Doc. UN A/56/37— Add. 37. — Paras.13, 14.
- ⁶⁹¹ Doc. UN A/C.6/55/WG.1/CRP.30.
- ⁶⁹² Doc. UN A/54/637—S/1999/1204, add.
- ⁶⁹³ Doc. UN A/C.6/55/WG.1/CRP.30; doc. UN A/C.6/55/L.2.
- ⁶⁹⁴ Не удалось найти оптимального решения о понятии терроризма и в рамках Содружества независимых государств. Определение, содержащееся в статье 1 Договора о сотрудничестве государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом, построено по принципу перечня. Предшествующая перечню характеристика терроризма не содержит всех необходимых и достаточных признаков этого явления, а перечень не охватывает (и не может охватывать) всех проявлений терроризма и не является исчерпывающим. См. подробнее: Черкес М. Е. Международно-правовое обеспечение борьбы с терроризмом // Социально-правовые аспекты терроризма: Монография / Под ред. С. В. Кивалова, В.Н. Дрёмина. — Одесса, 2003. — С. 24 — 25.
- ⁶⁹⁵ Международная политика. — 1999. — № 2 — 3. <http://germany.org.ru/ru/library/internationale-politik/1999-0203/article04.html>
- ⁶⁹⁶ Устинов В. В. Указ. раб. — С. 36.
- ⁶⁹⁷ Гассер Х.-П. Запрет на акты террора в международном гуманитарном праве. — М, 1994; Баймуратов М. О., Максименко С. В. Тероризм у міжнародному гуманітарному праві // Актуальні проблеми держави та права: Збірник наукових праць.— Вип. 8 / Голов. ред. С. В. Ківалов.— Одеса, 2000. — С. 53 — 62.
- ⁶⁹⁸ Устинов В. В. Указ. раб. — С. 51.
- ⁶⁹⁹ Там же. — С. 40.

- международной научно-практической конференции, 18—19 апреля 2001 года: Сб. статей. — СПб., 2001.— С. 150.
- ⁷³⁷ См., например: Трайнин А. Н. Терроризм как метод подготовки и провокации войн. — М., 1967; Жданов Н. В. Правовые аспекты борьбы с террористическими актами международного характера: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. — М., 1974; Блищенко И. П., Жданов Н. В. Международно-правовая борьба с терроризмом // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. — 1975. — № 1.— С. 85 — 94.
- ⁷³⁸ См.: Ляхов Е. Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. — М., 1979.— С.72 — 83.
- ⁷³⁹ Устинов В. В. Указ. раб.— С. 14.
- ⁷⁴⁰ Салимов К. Продолжая дискуссию о стратегии и тактике создания глобальной системы противодействия терроризму государств-участников СНГ // Уголовное право. — № 1. — 2003. — С.121 — 123.
- ⁷⁴¹ Кивалов С. В. Международное и национально-правовое регулирование противодействия терроризму // Социально-правовые аспекты терроризма: Монография/ Под ред. С. В. Кивалова, В. Н. Дрёмина. — Одесса, 2003. — С. 14.
- ⁷⁴² Емельянов В. П. Терроризм и преступления террористической направленности. — Харьков, 1997. — С. 35.
- ⁷⁴³ Емельянов В. П. Терроризм и преступления террористической направленности. — С. 37; Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). — М., 2000. — С.85.
- ⁷⁴⁴ Комиссаров В. С., Емельянов В. П. Террор, терроризм, “государственный терроризм”: понятие и соотношение//Вестник Московского ун-та. — Серия 11. Право. — 1999. — № 5. — С. 34 — 44.
- ⁷⁴⁵ Ліпкан В. А., Никифорчук Д. Й., Руденко М. М. Боротьба з тероризмом. — К., 2002. — С. 33, 20; Ліпкан В. А. Тероризм і національна безпека України. — К., 2000 — С. 28 — 29.
- ⁷⁴⁶ См.: Ліпкан В. А. Тероризм і національна безпека України. — С. 29.
- ⁷⁴⁷ Мошкова Л. И. Понятие и сущность терроризма //Актуальні проблеми політики: Збірник наук. праць.— Вип.9 /Відп. ред. Л.І. Кормич. — Одеса, 2000. — С. 293 — 297.
- ⁷⁴⁸ Зелинский С. А. Терроризм как преступная политика и политическое преступление // Актуальні проблеми держави та права: Збірник наукових праць.— Вип. 8 / Голов. ред. С. В. Кивалов.— Одеса, 2000. — С. 219 — 224.
- ⁷⁴⁹ Doc. UN A/57/273—S/2002/875.
- ⁷⁵⁰ Jones A. Jones on Extradition. London: Sweet & Maxwell. — 1995. — 6—001.
- ⁷⁵¹ Bassiouni M. C. International Extradition and World Public Order. — New York, 1974. — P. 222.
- ⁷⁵² Doc. UN A/CONF.144/15. — P. 10,16,22.
- ⁷⁵³ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / Сост. Москалькова Т. Н. и др. — М.,1998. — С. 283.
- ⁷⁵⁴ Там же.
- ⁷⁵⁵ Doc. UN S/RES/1373 (2001).
- ⁷⁵⁶ Юридический ежегодник Организации Объединенных Наций: 1970 год. —

- ⁷¹³ Мартенс Ф. Ф. Указ. раб. — С.455.
- ⁷¹⁴ Там же. — С. 453.
- ⁷¹⁵ Шостаков Е. Я. Указ. раб. — С.29.
- ⁷¹⁶ Там же. — С.32.
- ⁷¹⁷ Там же. — С. 29.
- ⁷¹⁸ Хроника социалистического движения в России 1878 — 1887. Официальный отчет. — М.,1906.— С. 288 — 294.
- ⁷¹⁹ Там же. — С. 292.
- ⁷²⁰ Там же.
- ⁷²¹ Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в бозе—почивший император Александр Второй. — Спб.,1881. — С. 128 — 130.
- ⁷²² Laquer W. The Terrorism. — L., 1977. — P. 5 — 39; Laqueur W. Postmodern Terrorism // Foreign Affairs. — Vol. 75. — № 5, September/October 1996. — P. 24 — 36.
- ⁷²³ Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском Университете. Книга 1. — Январь 1894.— Иностранная летопись. — С. 203.
- ⁷²⁴ Занзибарский инцидент (требование выдачи Саида-Каледа) // Журнал международного и государственного права. — Т 1. — СПб., 1897. — С. 89, 92.
- ⁷²⁵ Шаргородский М. Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве. — С. 49 — 50.
- ⁷²⁶ Исключения из правила невыдачи политических преступников, подобные “бельгийской оговорке” были впоследствии включены в межамериканскую конвенцию, подписанную в Каракасе 18 июля 1911 года, в Кодекс Бустаманте 22 февраля 1928 года (статья 357), межамериканскую конвенцию, заключенную в Монтевидео 26 декабря 1933 года (статья 3), в региональную конвенцию о выдаче преступников, подписанную центральноамериканскими государствами 24 апреля 1934 года (статья 3), и в межамериканский договор, подписанный в Монтевидео 19 марта 1940 года.
- ⁷²⁷ Wyngaert C. van den. The Political Offence Exception to Extradition: How to Plug the “Terrorists’ Loophole” Without Departing from Fundamental Human Rights // Israel Yearbook on Human Rights. — 1989. — № 19. — P. 298.
- ⁷²⁸ Khan A. A Legal Theory of International Terrorism//19 Connecticut Law Review. — 1987. — P. 945.
- ⁷²⁹ Wilkinson P. Political Terrorism. — London, 1974. — P. 45.
- ⁷³⁰ Wyngaert C. van den. The Political Offence Exception to Extradition: How to Plug the “Terrorists’ Loophole” Without Departing from Fundamental Human Rights. — P. 297 — 316.
- ⁷³¹ Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. — М., 1999. — С. 203 — 209.
- ⁷³² Моджорян Л. А. Терроризм: правда и вымысел. — М., 1986 — С.46.
- ⁷³³ Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. — С.119.
- ⁷³⁴ Там же. — С. 125.
- ⁷³⁵ Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд. — С. 170.
- ⁷³⁶ Сальников В. П. Терроризм: социальная и уголовно-правовая характеристика // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы

Нью-Йорк, 1972. — С. 182 — 188.

⁷⁵⁷ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIX. — М., 1975. — С. 90 — 95.

⁷⁵⁸ Юридический ежегодник Организации Объединенных Наций: 1973 год. — Нью-Йорк, 1975.— С.102 — 106.

⁷⁵⁹ Сб. международных договоров СССР.— Вып. XLIII. — М., 1989.— С.99—105.

⁷⁶⁰ Ведомости Верховного Совета СССР.— 1987.— № 18.— Ст. 239.

⁷⁶¹ Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций на тридцать четвертой сессии. — Нью-Йорк, 1980.— С.315 — 318.

⁷⁶² Змеевский А. В. Международно-правовая борьба с терроризмом // Международное право в современном мире: Сб. статей/ Отв. ред. Ю. М. Колосов. — М., 1991. — С. 37.

⁷⁶³ Doc. UN A/CONF.144/15/— P. 20.

⁷⁶⁴ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / Сост. Москалькова Т. Н. и др. — М.,1998. — С. 139.

⁷⁶⁵ Doc. UN A/RES/52/164.

⁷⁶⁶ Doc. UN A/CONF. 144/28. — P.76 — 77.

⁷⁶⁷ Wyngaert C. van den. The Political Offence Exception to Extradition: How to Plug the “Terrorists’ Loophole” Without Departing from Fundamental Human Rights. — P. 297 — 316.

⁷⁶⁸ Шнайдер Г. Й. Указ. раб — С. 437.

Содержание

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------------	---

ГЛАВА 1

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

14

§ 1. Становление понятия “политическое преступление”	14
§ 2. Политические преступления и политические репрессии в условиях тоталитарного режима: к вопросу о феномене советской политической преступности	30
§ 3. Политическая преступность и политическое преступление как предмет криминологических исследований	61

ГЛАВА 2

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 83

§ 1. Международная преступность и международное преступление: идентификация понятий	83
§ 2. Основные параметры и виды международных преступлений ...	100
§ 3. Международное политическое преступление и международная политическая преступность	118
§ 4. Международное политическое преступление государства: реальность или фикция?	139

ГЛАВА 3

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ....

162

§ 1. Нюрнбергская концепция международного политического преступления	162
§ 2. Постнюрнбергское развитие концепции международного политического преступления	192
§ 3. Кодификация международно-правовых преступлений	213
§ 4. “Гаагская” модель международно-правового политического преступления	223
§ 5. “Римская” модель международно-правового политического преступления	235

ГЛАВА 4

ТЕРРОРИЗМ КАК ВИД ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	248
§1. Политико-криминологические аспекты терроризма	248
§ 2. Международно-правовые дефиниции терроризма	279
§ 3. Террористические преступления как политические экстрадиционные правонарушения	317
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	353
Примечания	359

Наукове видання

Зелінська Наталія Анатоліївна

**ПОЛІТИЧНІ ЗЛОЧИННИ В СИСТЕМІ
МІЖНАРОДНОЇ ЗЛОЧИННОСТІ**
монографія

Зелінська Н.А.

З 494 **Політичні злочини в системі міжнародної злочинності /**
Одеська націон. юрид. акад. — Одеса: ФЕНІКС, 2003. — 400 с.
Рос. мовою.
ISBN 966-8289-47-1 ББК 67.412.1

Редактор

Т.Р. Короткий

Здано до набору 19.10.03. Підписано до друку 19.12.03 р. Формат 60х84/16.
Обл-вид. арк. 21,3. Ум. друк. арк. 22,66. Наклад 400 прим.

Видано і віддруковано в ПП “ФЕНІКС”
(свідоцтво ДК № 1044 від 17.09.02).
м. Одеса, вул. Зоопаркова, 25. Тел. 8(048) 7777-591.
Для листів: 65059, м. Одеса, а/с 424